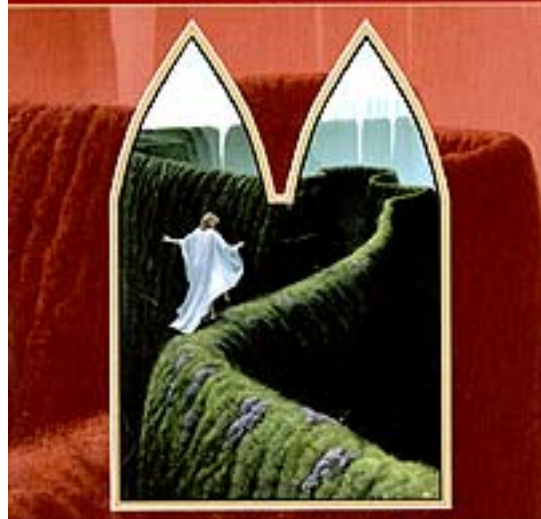

ПУСТИКИ ШЕДЕВРЫ ПУСТИКИ ШЕДЕВРЫ

КЛАЙВ
БАРКЕР

**КАНЬОН ХОЛОДНЫХ
СЕРДЕЦ**

ПУСТИКИ ШЕДЕВРЫ ПУСТИКИ ШЕДЕВРЫ

Клайв Баркер

Каньон Холодных Сердец

Вычитка – Елена Руденко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159563

Каньон Холодных Сердец: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2004

ISBN 5-699-05592-4

Оригинал: Clive Barker, "Coldheart Canyon"

Перевод:

Екатерина Е. Большелапова

Татьяна Б. Кадачигова

Аннотация

Все началось с того, что преуспевающий голливудский импресарио Биллем Зеффер приобрел у хозяев древней румынской крепости для своей возлюбленной, киноактрисы Кати Люпи, старинные изразцовые интерьеры и перевез их в Америку, в каньон Холодных Сердец. Мог ли он знать, что, обустраивая у себя во дворце так называемую Страну дьявола, он действительно впускает в мир силы, которым лучше бы пребывать в аду.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ I	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	30
ЧАСТЬ II	33
Глава 1	33
Глава 2	40
Глава 3	44
Глава 4	49
Глава 5	53
Глава 6	59
ЧАСТЬ III	64
Глава 1	64
Глава 2	66
Глава 3	72
Глава 4	77
Глава 5	79
Глава 6	81
Глава 7	84
Глава 8	90
Глава 9	93
Глава 10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Клайв Баркер

Каньон Холодных Сердец

Дэвиду Эмилиану Армстронгу

ПРОЛОГ КАНЬОН

Над каньоном Холодных Сердец сгустились ночные сумерки, и из пустыни подул ветер.

Санта Ана – так величают подобные ветры в народе. Они приходят из Мохаве и, как правило, сулят людям пожары и хворь. Кое-кто считает, что их нарекли в честь святой Анны, матери святой Марии; другие утверждают, что в названии увековечилось имя некоего Санта Ана, генерала мексиканской кавалерии, прославившего большим мастаком пускать пыль в глаза; третьи же полагают, будто Санта Ана не что иное, как преобразованное *santanta*, что в переводе означает «дьявольский ветер».

От чего бы ни происходило это название, бесспорным остается то, что ветры Санта Ана всегда были жгучими и зачастую приносили с собой столь щедрый букет ароматов, словно собирали его с каждого встречавшегося на пути цветка. Дикорастущие лилии и розы, белый шалфей и необузданный дурман, гелиотроп и креозот – подхваченные жаркими объятиями ветра, их сладостное благоухание устремлялось в укромное ущелье, именуемое каньоном Холодных Сердец.

Что касается самого ущелья, то, разумеется, в нем тоже хватало цветущих растений. Более того, их буйство достигало фантастических размеров. Некоторые из них в свое время были занесены сюда теми же палящими ветрами Санта Ана, другие своим появлением обязаны бродячим животным – оленям, койотам, енотам, экскременты которых содержали семена; прочие же образчики флоры перекочевали из садов огромного сказочного дворца – единственного рукотворного строения, предьявляющего притязания на этот уголок Голливуда. Некогда таких чужестранцев, как редкие виды орхидеи и лотоса, садовники холили и лелеяли, точно самое дорогое сокровище, но эти времена ушли в далекое прошлое, и с тех пор диковинные питомцы, лишившиеся регулярных подрезки и полива, предались безудержному разрастанию.

Между тем каждый выросший в этом уголке природы цветок почему-то отдавал горечью. Забреди сюда ненароком голодная лань – пытаясь, к примеру, спрятаться от туристов, что прибыли осматривать Тинстаун, – в каньоне она бы не задержалась. Хотя ущелье и ограждали крутые горные склоны, нередко случалось, что животные, особенно молодые, подстрекаемые неумным любопытством, успешно преодолевали прогнившие изгороди и покосившиеся заборы и попадали в святая святых этих садов, – но почти всегда свой интерес они утоляли довольно быстро.

Возможно, причиной тому был не только горький привкус листьев и лепестков. Возможно, все дело в том, что атмосферу вокруг бельведера наполнял странный шепот, который вызывал у зверей беспокойство. Возможно, пока они бродили по бывшим тропинкам сада, их дрожащих боков слишком часто касалось нечто незримое, нечто призрачное. Возможно, очутившись на заросших садовых лужайках, животные натыкались на ту или иную статую и, по ошибке приняв ее за нечто одушевленное, пугались и неслись вскачь.

Возможно, иногда это была вовсе и не ошибка.

Возможно...

В каньоне эти «возможно» – то, что здесь могло бы или не могло произойти, – водились с давних времен. Но, как никогда прежде, они обнаружили себя именно в ту ночь, когда воздух дышал пустынным, щедро напоенным цветочными ароматами ветром. Голоса призрачных хозяев каньона звучали в эту ночь так тихо и расплывчато, что их едва бы различил оказавшийся тут невзначай человек – чего, как правило, никогда не случалось.

Впрочем, всякое правило предполагает исключения. Чтобы попасть в эту долину роскоши и слез, нужно сильно постараться – и, тем не менее, турист или семья туристов, желая узнать, что находится за пределами предписанного им маршрута, подчас совершают столь неосмотрительный шаг по чистой случайности. Порой в ущелье забредают парочки, желающие отыскать укромное местечко для любовных утех, кого-то привлекает мелькнувшая среди листвы фигура знаменитого кумира, застигнутого врасплох на прогулке с собакой.

Однако целенаправленно на эту заповедную территорию ступали всего несколько человек, которые отыскивали дорогу по весьма туманным описаниям, имевшимся в исторических документах Старого Голливуда. Эти люди входили в каньон Холодных Сердец весьма осторожно, можно сказать, с налетом благоговейной почтительности. Но каким бы образом непрошеные визитеры ни попадали в ущелье, покидали они его всегда одинаково – поспешно унося ноги и тревожно озираясь. В сильном замешательстве оказывались даже самые яростные безумцы, дерзко заявлявшие, что им чужды слабости плоти. Повинуясь шестому чувству, которое, на удивление, было куда проницательнее их самих, они улепетывали от пугающих теней каньона так, что сверкали пятки. Но даже вернувшись под спасительную сень вечернего бульвара Сансет и, наконец, обсушив взмокшие от страха ладони, они так и не могли понять, почему в столь безобидном месте им пришлось натерпеться такого ужаса.

ЧАСТЬ I ЦЕНА ОХОТЫ

Глава 1

– Вероятно, ваша супруга, мистер Зеффер, не желает гулять вблизи крепости? – сказал на второй день отец Сандру, когда мужчина средних лет с красивым, но печальным лицом явился к нему один.

– Она мне не жена, – заметил Зеффер.

– А-а... – понимающе кивнул монах. Сквозившее в его тоне сочувствие выказывало далеко не безразличное отношение к очарованию Кати. – О чем вы, должно быть, весьма сожалеете, да?

– Да, – признался тот, явно испытывая некоторую неловкость.

– Она очень красива.

Произнося эти слова, монах не сводил глаз с собеседника, однако тот, очевидно решив, что и так сказал более чем достаточно, не имел ни малейшего намерения исповедоваться святому отцу дальше.

– Я всего лишь ее импресарио, – пояснил Зеффер. – Это все, что нас связывает.

Между тем отец Сандру, по всей очевидности, не желал уходить от темы.

– После вашего вчерашнего визита, – проговорил он, изрядно сдабривая свой английский румынским акцентом, – один из братьев заметил, что такой красивой женщины он отроду не встречал... – Не закончив фразы, отец Сандру ненадолго замолчал, после чего добавил: – Во плоти, разумеется.

– Между прочим, ее зовут Катя, – заметил Зеффер.

– Да-да, я знаю. – Теребя спутанные пряди седой бороды, монах продолжал изучать взглядом Зеффера.

Эти двое собеседников являли собой яркий контраст. Весьма упитанный краснолицый Сандру в пыльной коричневой рясе – и сухопарый элегантный Зеффер в светлом льняном костюме.

– Это правда, что она кинозвезда?

– Вы видели ее в кино?

Сандру расплылся в широкой улыбке, обнажив на удивление кривые зубы.

– Нет-нет, – ответил он, – ничего такого я обычно не смотрю. По крайней мере, нечасто. Но в Равбаке есть маленький кинотеатр, и юные братья постоянно его посещают. От Чаплина они все, конечно, без ума. И еще... от этой соблазнительницы... если я правильно подобрал слово...

– Да, – подтвердил Зеффер, которого разговор с монахом начал забавлять, – «соблазнительница» – вполне подходящее слово.

– По имени Теда Бара.

– О да. Мы с ней знакомы.

В тот год, в 1920-й, Теду Бару знали все. Она была одной из известнейших звезд мирового экрана, к которым, разумеется, относилась и сама Катя. Обе актрисы пребывали в зените своей славы, окрашенной всеми изысками декадентской эпохи.

– В следующий раз нужно будет пойти в кино с кем-нибудь из братьев. Хочу взглянуть на нее собственными глазами, – произнес отец Сандру.

– Скажите, а вам известен тот тип женщин, который Теда Бара воплощает на экране? – поинтересовался Зеффер.

– Не вчера же я родился на свет, мистер Зеффер. – В недоумении Сандру поднял густую бровь. – Этим женщинам, так сказать соблазнительницам, в Библии отведено весьма определенное место. Это блудницы, вавилонские блудницы. Они притягивают к себе мужчин только затем, чтобы их уничтожить.

Зеффер невольно рассмеялся столь откровенной характеристике.

– Думаю, вы вполне правы, – сказал он.

– А кто она на самом деле? В реальной жизни?

– Ее настоящее имя Теодесия Гудмен. Родом из Огайо.

– И она тоже разрушительница мужских сердец?

– В реальной жизни? Нет, не думаю. Время от времени она, конечно, наносит удар по мужскому самолюбию, но не более того.

Казалось, отец Сандру был немного разочарован.

– Я передам братьям все, что вы мне рассказали. Им будет очень интересно это услышать. Итак... не пройдет ли со мной внутрь?

Биллем Матиас Зеффер был человеком культурным. За свои сорок три года он успел пожить в Париже, в Риме, в Лондоне и даже некоторое время в Каире. Но какие бы перспективы ни сулило ему искусство или, вернее сказать, амбиции относительно собственного слова в искусстве, он дал себе зарок, что уедет из Лос-Анджелеса, как только публике прискучит рукоплескать Кате или же самой звезде надоест отклонять его предложение руки и сердца. Едва это случится, они пожениются и отправятся в Европу, где подыщут себе дом с настоящей историей – в отличие от того жалкого подобия испанского замка, который Катя позволила себе построить в одном из каньонов Голливуда.

А пока это время не пришло, он довольствовался тем, что улещивал свой эстетический вкус всевозможными предметами искусства – мебелью, гобеленами, скульптурами, – которые приобретал, сопровождая Катю во всех заграничных поездках.

Пожалуй, их вполне бы устроил шато на Луаре или георгианский особняк в Лондоне – словом, нечто такое, что не нагоняло бы ужаса и не корбило бы вкуса скромного импресарио из Голливуда.

– Вам нравится Румыния? – осведомился отец Сандру, открывая большую дубовую дверь, что находилась внизу лестницы.

– Да, конечно, – ответил Зеффер.

– Только, пожалуйста, ради меня не ввергайте себя в грех, – мельком глянул на него Сандру.

– В грех?

– Ложь – это грех, мистер Зеффер. Пусть маленький, но все-таки грех.

«О господи, до чего ж я докатился, соблюдая обыкновенные приличия», – подумал Зеффер. В Лос-Анджелесе подобная маленькая ложь воспринималась как само собой разумеющееся – можно сказать, он грешил направо и налево, ежедневно и ежечасно. Жизнь, которую они с Катей вели, строилась на тысяче маленьких и глупых уловок и, по сути, являлась бесконечной ложью.

Но сейчас-то он был не в Голливуде. Почему же тогда он солгал?

– Вы правы. Я не слишком люблю эту страну. Сюда я приехал потому лишь, что так захотела Катя. Ее мать и отец, вернее отчим, живут в деревне.

– Да, мне это известно. Благочестием ее мать отнюдь не отличалась.

– Вы были ее духовником?

– Нет. Мы с братьями не проводим богослужения для прихожан. Орден святого Теодора существует только затем, чтобы охранять крепость. – Отец Сандру распахнул дверь, и из темноты на них пахнуло сыростью.

– Простите мне мое любопытство, – начал Зеффер, – но я хотел бы уточнить. Насколько я понял из нашего вчерашнего разговора, кроме вас и братьев, здесь больше никто не живет?

– Да, верно. Кроме братьев, тут никого нет.

– Тогда что же вы здесь охраняете?

– Сейчас увидите, – расплылся в улыбке Сандру. – Я покажу вам все, что вы захотите посмотреть.

Священник зажег свет, и перед гостем обнаружился коридор длиной примерно в десять ярдов. На стене висел большой гобелен, настолько потускневший от времени и пыли, что разглядеть на нем что-либо было почти невозможно.

Пройдя по коридору, отец Сандру повернул еще один выключатель.

– Я тешу себя надеждой, что сумею уговорить вас что-нибудь у нас приобрести, – произнес он.

– Что именно?

Увиденное Зеффером накануне не слишком его вдохновило. Те образчики мебели, которые предстали тогда его взору, в определенной степени восхитили Виллема своей наивной простотой, но он даже не допускал и мысли о том, чтобы пополнить ими свою коллекцию.

– Я не знал, что вы продаете содержимое крепости, – признался он.

– О-ох... – угрюмо протянул Сандру. – Далее страшно сказать. Но нам приходится это делать, чтобы выжить. И сейчас, на мой взгляд, самый подходящий случай. Потому что я хочу, чтобы наши замечательные вещицы попали в хорошие руки. К тому, кто смог бы достойно их содержать. Словом, к такому человеку, как вы.

Следуя впереди Зеффера, Сандру щелкнул третьим выключателем, потом четвертым. «Оказывается, крепость на этом уровне гораздо обширнее, чем этажом выше», – отметил про себя Зеффер. Во всяком случае, коридоры здесь расходились во все стороны.

– Но прежде, чем мы начнем осмотр, – повернулся к нему Сандру, – я хотел бы узнать: вы сегодня в настроении что-нибудь приобрести?

– Я американец, отец Сандру, – улыбнулся Зеффер. – А значит, всегда в настроении что-нибудь приобрести.

Днем раньше отец Сандру поведал Зефферу и Кате историю крепости. Поразмыслив над его рассказом обстоятельнее, Зеффер обнаружил некоторую фальшь. «Должно быть, орден святого Теодора что-то скрывает», – заключил он. Не зря Сандру говорил о крепости как о месте, окутанном тайной, хотя и не связанной с кровопролитием. Как утверждал священник, здесь не велось никаких сражений, не содержались узники под стражей, а внутренний двор не был свидетелем жестокостей и казней. Однако Катя со свойственной ей прямолинейностью заявила, что этому не верит.

– Когда я была маленькой, об этом месте ходили разные слухи. Я слышала, что здесь происходило нечто чудовищное. Будто бы тут каждый камень пропитан человеческой кровью. Кровью детей.

– Уверен, вас ввели в глубочайшее заблуждение, – изрек отец Сандру.

– Вовсе нет. В крепости жила сама жена дьявола. Ее звали Лилит. Она послала герцога на охоту – и больше его никто не видел.

Сандру тогда расхохотался, и если его смех являлся чистой маскировкой, то нельзя не признать, что она была исключительно искусной.

– И кто поведал вам эти сказки? – наконец спросил он.

– Мама.

– А-а, – покачал головой Сандру. – Я почти уверен, что она просто хотела вас урезонить, и уговаривала ложиться спать, пока за вами не явился дьявол и не отрезал вам голову. – Катя пропустила его слова мимо ушей. – Люди всегда рассказывают детишкам подобные истории. А как же иначе? Они были, есть и будут. Люди обожают сочинять сказки. Но поверьте, моя дорогая, крепость не может быть оскверненным местом. В противном случае здесь не могло бы жить братство.

Несмотря на то, что вчерашние слова Сандру прозвучали вполне убедительно, кое-что в них показалось Зефферу подозрительным и требовало разъяснений. Будучи слегка заинтригованным, он решил нанести святому отцу повторный визит. Если то, что говорил Сандру, было ложью (грехом, если пользоваться его же собственным определением) – то какой цели она служила? Что защищал этот человек? Уж наверняка не комнаты, полные грубо отесанной мебели и потертых гобеленов. Нет ли тут, в крепости, чего-нибудь такого, что заслуживало бы более пристального внимания? И если есть, то как уговорить отца Сандру признать в этом?

Лучший способ, решил про себя Зеффер, – это использовать власть денег. Если отец Сандру вообще способен поддаваться на уговоры и открыть ему истинные сокровища крепости, то склонить его на этот шаг мог разве что запах крупных купюр, а поскольку священник сам завел разговор о купле-продаже, это было уже половиной дела.

– Я знаю, что Катя была бы не прочь прихватить с собой в Голливуд что-нибудь на память о родине, – произнес Биллем – Она построила большой дом. В нем очень много комнат.

– Да ну?

– Правда. У нее есть кое-какие сбережения.

Заявление Зеффера было голословным, но он знал, что в делах такого рода подобные изречения почти всегда возымеют действие. Результат не заставил себя долго ждать и на этот раз.

– О какой же сумме идет речь? – мягко осведомился отец Сандру.

– Катя Люпи – одна из самых высокооплачиваемых актрис Голливуда. Я же уполномочен покупать для нее все, что, на мой взгляд, может доставить ей удовольствие.

– Тогда позвольте спросить: что может доставить ей удовольствие?

– Ей доставляют удовольствие вещи, которых, скорее всего, или, вернее сказать, почти наверняка больше ни у кого нет, – ответил Зеффер. – Она обожает выставять свою коллекцию. И желает, чтобы каждая вещь была по-своему уникальна.

– Здесь все уникально. – Разведя руки в стороны, Сандру широко улыбнулся.

– Отец, вы говорите так, будто готовы продать даже фундамент, если за него назначат достойную цену.

– В конце концов, все, что здесь имеется, всего лишь вещи, – философски заметил Сандру. – Вы со мной согласны? Обыкновенные камень и дерево, нитки и краски. Придет время – и вместо этих вещей люди сотворят другие.

– Но, должно быть, здешние вещи имеют некую священную ценность?

– В церкви наверху – да, – пожал плечами Сандру. – Но мне вовсе не хотелось бы продавать вам, скажем, алтарь. – Он многозначительно улыбнулся, словно давая понять, что при определенных обстоятельствах даже эта святыня будет иметь свою цену. – Однако почти все остальное в крепости предназначалось для мирской жизни, для увеселения герцогов и их дам. А поскольку этих предметов больше никто не видит – за исключением отдельных людей вроде вас, которые оказываются здесь проездом... то почему бы ордену не избавиться от ненужных вещей? Если они принесут солидный доход, его можно будет распределить среди бедных.

– Да, конечно. В ваших краях многие нуждаются в помощи.

Зеффера и вправду поразила убогость, в которой обретались здешние жители. Деревеньки представляли собой скопление жалких лачуг; каменистая земля вся была возделана, но давала скудные урожаи. С двух сторон возвышались горы: на востоке горная цепь Буседжи, на западе – Фагарас. Их серые, как пыль, склоны были начисто лишены растительности, а на вершинах белел снег. Одному богу было известно, какие суровые зимы обрушивались на эти края: земля становилась твердой, как камень, маленькая речушка замерзала, а стены жалких хижин не могли защитить от пронизывающего ветра, дующего с горных вершин.

В день их приезда Катя повела Виллема на кладбище, чтобы показать, где похоронены ее бабушка с дедушкой. Там он получил полное представление о том, в каких условиях жили и умерли ее родственники. Тяжелое и мрачное впечатление производили не столько могилы отживших свой век стариков, сколько бесконечные ряды маленьких крестов, обозначающих места погребения детей – тех, что умерли от пневмонии, голода или просто слабого здоровья. Зеффера глубоко тронуло горе, стоявшее за сотнями этих могил: боль матерей, невыплаканные слезы отцов и дедов. Ничего подобного увидеть он не ожидал, а потому был сильно потрясен.

Что же касается Кати, то на нее посещение кладбища как будто не оказало столь удручающего действия – во всяком случае, в разговоре она упоминала только своих прародителей и их странности. В этом мире она выросла, поэтому не было ничего удивительного в том, что подобные страдания она воспринимала как порядок вещей. Разве не рассказывала она Зефферу, что в семье у них родилось четырнадцать детей? И что только шестеро из них выжили. Остальные же восемь, очевидно, нашли себе пристанище здесь, среди могил, мимо которых они с Катей проходили. И, разумеется, ничего странного не виделось в том, что у нее такое холодное сердце. Именно это придавало ей силу, которая ощущалась в каждом взгляде, в каждом движении и которая внушала любовь ее зрителям и, в особенности, зрительницам.

Теперь, когда Зеффер больше узнал о Катином прошлом, он стал лучше понимать природу ее хладнокровия. Он увидел дом, где она родилась и воспитывалась, улицы, которые она ребенком исходила вдоль и поперек; он познакомился с ее матерью, которая, надо полагать, отнеслась к появлению на свет дочери как к некоему чуду: в самом деле, розовощекая, безукоризненной красоты девочка являла собой яркий контраст прочим деревенским ребятишкам. И мать не замедлила воспользоваться этим преимуществом. Когда дочери исполнилось двенадцать, мать стала возить ее по городам, заставляя танцевать на улицах, чтобы, как утверждала сама Катя, привлечь внимание мужчин, что возжелают ее нежной плотью согреть свою постель. Очень скоро девочка сбежала от материнского рабства, но, прекратив торговать своим телом ради семьи, она вынуждена была делать то же самое ради себя. К пятнадцати годам (в этом возрасте с ней и познакомился Зеффер – она пела тогда на улицах Будапешта, чтобы заработать на ужин) Катя уже была во всех отношениях взрослой женщиной, поражавшей своей цветущей красотой всякого, кто задерживал на ней взор. Три вечера подряд Зеффер приходил на площадь, чтобы, примкнув к толпе зевак, полюбоваться на девочку-чаровницу. Недолго думая, он решил увезти ее с собой в Америку. Хотя в те времена Зеффер был совершенно несведущим человеком в области киноискусства (тогда, в 1916 году, когда кинематограф еще пребывал в своем нежнейшем возрасте, опытных людей в этом деле можно было по пальцам пересчитать), инстинктивно он сумел различить в лице и осанке девушки нечто особенное. На Западном побережье у него были влиятельные друзья – в основном люди, которые устали от пошлости и грошовых доходов Бродвея и подыскивали себе новые горизонты для применения своих талантов и инвестиций. От них он слышал, что кинематографу пророчат большое будущее, и что некоторые талантливые в этой

сфере деятели не прочь найти лица, которые полюбились бы камере и публике. «Разве у этой маленькой женщины не такое лицо? – подумал Зеффер. – Разве камера не замрет в восхищении, увидев ее коварные и вместе с тем прекрасные глаза? А если удастся сразить камеру, значит, и публика тоже будет сражена».

Зеффер поинтересовался, как зовут девушку. Она оказалась Катей Лупеску из деревни Равбак. Биллем подошел к ней, заговорил и, пока новая его знакомая поглощала голубцы с сыром, поделился с ней своими размышлениями. Предложение Зеффера Катя встретила без особого энтузиазма, если не сказать, безучастно. «Да, – молвила она, – звучит заманчиво». Однако ей даже в мыслях не приходило когда-нибудь покинуть Румынию, и вообще она была далеко не уверена, что ей этого хочется. Уехав так далеко от дома, она будет скучать по родным.

Год или два спустя, когда ее известность в Америке стала расти – к тому времени она была уже не Катей Лупеску, а Катей Люпи, а сам Биллем сделался ее импресарио, – они вернулись к этому разговору, и Зеффер припомнил, как мало ее тогда заинтересовали предложенные им перспективы. Но Катя призналась, что ее холодность была напускной, чем-то вроде защитного инстинкта. С одной стороны, она не хотела выказывать перед ним свое смущение, а с другой – боялась слишком обольщаться.

Но и это еще не все. Казалось, безразличие, которое Катя продемонстрировала в первый день их знакомства (как и недавно на кладбище), было неотъемлемой составляющей ее характера. Оно взращивалось на протяжении многих поколений, на долю которых выпало столько страданий и потерь, что люди глубоко запрятавали свои чувства и никогда не позволяли себе проявлять ни большой радости, ни большого горя. Свои крайности, по ее собственному определению, Катя всегда держала под замком, а их отголоски выпускала на волю только для публики. Именно чтобы воззреть на отголоски бушующих в ней страстей, и собиралась каждый вечер толпа на площади, где Катя когда-то пела. Та же сила исходила из нее и тогда, когда она оказывалась перед кинокамерой.

Любопытно, почему накануне Катя никоим образом не проявила этого качества перед отцом Сандру?

Со стороны казалось, будто она исполняет роль ласковой богобоязненной девочки, встретившейся со своим возлюбленным пастырем. Большую часть времени ее взгляд был почтительно устремлен вниз, голос звучал мягче обычного, а речь (Катя обычно не стеснялась крепких выражений) была на редкость нежной и кроткой.

Это представление показалось Зефферу комичным, слишком уж оно было наигранно, однако отец Сандру, очевидно, принял его за чистую монету. Один раз священник даже тронул Катю за подбородок и, приподняв его, сказал, что ей нет никакой причины стесняться.

«Стесняться!» – чуть было не возмутился вслух Зеффер. Если бы отец Сандру знал, на что только способна эта застенчивая красавица! Какие вечеринки она закатывает в своем каньоне, который в прессе окрестили каньоном Холодных Сердец! Какие пляски устраивает в стенах своих владений! То, что подчас ей приходит в голову, когда она в ударе, есть сущий разврат. Если бы маска, которую она надела перед отцом Сандру, на мгновение с нее слетела, и бедный обманутый монах мельком узрел истинное лицо этой особы, он тотчас заперся бы в келье, предварительно освятив дверь молитвами и окропив ее святой водой, дабы преградить путь злему духу, исходившему от этой с виду вполне добропорядочной девицы.

Но Катя была слишком хорошей актрисой, чтобы позволить святому отцу обнаружить правду.

Можно сказать, вся жизнь Кати в известном смысле превратилась в представление. Когда она впервые появилась на экране в роли поруганной сироты с притворной улыбкой на устах, очень многие зрители, тронутые искренностью ее образа, приписали характер геро-

ини самой актрисе. Между тем по уик-эндам она устраивала такие вечеринки для прочих идиолов Голливуда – шлюх, клоунов и авантюристов, – что поклонники ее таланта схватились бы за голову, узнай они, что на этих сборищах происходит. Какова же на самом деле Катя Люпи? Жалкое рыдающее дитя, кумир миллионов зрителей – или женщина типа Скарлетт, хозяйка каньона Холодных Сердец? Сирота, потерявшая родных во время шторма, – или наркоманка в своем логове? Ни та, ни другая? Или та и другая одновременно?

Эти мысли вертелись у Зеффера в голове, пока Сандру водил его по разным помещениям крепости, показывая столы, стулья, ковры и даже обломки камина.

– Что-нибудь вам приглянулось? – наконец спросил его священник.

– Пожалуй, что нет, святой отец, – чистосердечно признался Биллем. – Подобные ковры я вполне могу купить в Америке. Стоит ли тащить эти вещи из такой дали?

– Да, конечно, – кивнул в ответ Сандру с несколько разочарованным видом.

Пользуясь его замешательством, Зеффер взглянул на часы.

– Боюсь, мне пора возвращаться к Кате, – сказал он.

На самом деле его не слишком привлекала перспектива ехать обратно в деревню и торчать в доме, где родилась Катя, поедая приторно-сладкие пироги и запивая их густым кофе, которыми их усиленно потчевали родственники кинозвезды, – те смотрели на американских гостей, как на восьмое чудо света, подчас даже касаясь их руками, будто не верили своим глазам. Однако чем дольше отец Сандру водил его по крепости, тем больше утверждался Зеффер в бесплодности нынешнего визита, особенно после того, как священник так просто, без тени стеснения открыл ему свои корыстные интересы. Словом, в крепости Биллем не нашел ничего такого, что стоило бы увезти в Лос-Анджелес.

Он достал из пиджака бумажник, выписал чек на сто долларов за причиненные священнику хлопоты – но, прежде чем успел передать тому заполненный листок, лицо Сандру обрело сосредоточенное выражение.

– Погодите, – произнес он. – Прежде чем мы расстанемся, позвольте кое-что вам рассказать. Мне кажется, мы понимаем друг друга. Вы не прочь купить нечто такое, чего ни у кого больше нет. Что-нибудь необычное в своем роде, да? А я был бы не прочь кое-что продать.

– Разве вы мне еще не все показали? – любопытствовал Зеффер. – У вас есть что-то особенное?

Сандру кивнул.

– Мы с вами еще не побывали в некоторых помещениях крепости, – пояснил он. – И не без причины, скажу я вам. Понимаете, есть люди, которым не следует видеть то, что я собираюсь вам показать. Но думаю, я вас вполне понял, мистер Зеффер. Вы человек опытный, умудренный жизненным опытом.

– То, что вы говорите, звучит очень таинственно, – заметил Зеффер.

– Не знаю, насколько это на самом деле таинственно. Все это, я бы сказал, очень печально. И слишком свойственно человеческой природе. Видите ли, герцог Гога, тот, что построил крепость, оказался падшей душой. Истории, которые слышала Катя в детстве...

– Правдивы?

– Если можно так выразиться. Гога был ярым охотником. Но он не всегда ограничивался животными.

– Боже милостивый! Выходит, она была права, когда говорила, что этого места следует остерегаться?

– Сказать по чести, все мы немного побаиваемся того, что здесь происходит, – ответил Сандру, – потому что никто из нас до конца не знает правды. Все, что мы можем делать, когда находимся здесь, – это молиться, полагаясь на защиту Господа.

Зеффер был искренне заинтригован.

– Расскажите же мне, – обратился он к священнику. – Я хочу знать, что здесь происходит.

– Прошу вас, поверьте, я действительно не знаю, с чего начать, – начал благочестивый отец. – Просто не нахожу слов.

– Правда?

– Правда.

Теперь Зеффер увидел священника совершенно в ином свете. Такое блаженное состояние, когда человек не в силах подыскать слова для описания чьих-то отвратительных подвигов, когда он словно немеет, если речь заходит о зверствах, вместо того чтобы словоохотливо предаться знакомой теме, было воистину достойно зависти. Биллем же не нашел своему любопытству никаких словесных аргументов, тем более что ему представлялось не только бесполезным, но и неприличным принуждать собеседника говорить больше, чем тот был способен сказать.

– Давайте побеседуем о чем-нибудь другом. Покажите мне что-нибудь из ряда вон выходящее. Чрезвычайно уникальное, – предложил Зеффер. – И я буду удовлетворен.

Сандру улыбнулся, но улыбка вышла не слишком веселой.

– Это нетрудно, – сказал он.

– Подчас красота нас поджидает в самом невероятном месте, – заметил Зеффер, вспомнив о юном личике Кати Лупеску, которое впервые проглянуло ему в голубоватых сумерках.

Глава 2

Отец Сандру направился по коридору к следующей двери – гораздо меньшей по размеру, чем та, через которую они спустились на этот этаж крепости. Священник вновь достал ключи, отпер дверь, и, к удивлению Зеффера, перед ними обнаружилась еще одна лестница, ведущая глубже в подземелье.

– Вы готовы? – спросил святой отец.

– Совершенно, – ответил Зеффер.

И они начали спускаться. Ступеньки были крутыми, и с каждым шагом воздух все сильнее отдавал сыростью. Пока они шли по лестнице, отец Сандру не проронил ни слова и только два-три раза оглянулся назад, желая удостовериться, что Зеффер идет за ним следом. Однако выражение его лица было далеко не радужным. Более того, казалось, он пожалел, что решил привести сюда Зеффера, и был бы рад уцепиться за любой повод, чтобы повернуть назад и укрыться в относительно спокойной обстановке верхнего этажа.

В конце лестницы он остановился и стал энергично потирать руки.

– Мне кажется, прежде чем идти дальше, нам следует выпить чего-нибудь горячительного, – заявил он. – Как вы считаете?

– Я не против, – согласился Зеффер.

Сандру юркнул в небольшую нишу в стене, находившуюся в нескольких ярдах от ступенек, и выудил оттуда бутылку и два бокала. Зеффер даже не заострил внимания на том, что алкоголь у священника находился, как говорится, под рукой. Разве мог он винить святых братьев за то, что без бокала бренди им не хватало духу спуститься вниз? Хотя нижний этаж крепости и освещался электричеством (на стенках висели гирлянды лампочек), их свет не прибавлял окружающей обстановке ни уюта, ни тепла.

Протянув Зефферу бокал, отец Сандру откупорил бутылку. Звук выскочившей пробки громким эхом отозвался от голых стен и пола. Монах плеснул щедрую порцию бренди в бокал Зефферу, еще более щедрую – в свой и осушил его прежде, чем Биллем успел пригубить напиток.

– Когда я впервые сюда спустился, – сказал священник, вновь наполняя свой бокал, – мы готовили собственный бренди. Из слив, которые росли у нас в саду.

– А сейчас не готовите?

– Нет. – При упоминании о том, что они перестали производить собственный алкоголь, лицо отца Сандру заметно погрустнело. – Земля теперь не та, что раньше. Поэтому сливы не вызревают. Остаются маленькими и зелеными. Изготовленный из них бренди всегда горчит. Его никто не хочет пить. Даже я. Можете себе представить, до чего же гадкий у него привкус? – Он расхохотался над порицанием своей же слабости и под собственный смех долил себе бокал. – Пейте, – сказал он Зефферу, чокаясь с ним так, будто они поднимали бокалы впервые.

Зеффер выпил. Бренди оказался крепче, чем тот, который он пробовал в гостинице Браскова, однако влился в него мягко, согревая приятным теплом желудок.

– Неплох, верно? – произнес отец Сандру, расправившись со вторым бокалом.

– Очень даже неплох.

– Советую вам еще выпить, прежде чем мы двинемся дальше. – И не дожидаясь его согласия, вновь плеснул Виллему бренди. Нам долго придется спускаться вниз, а там воистину адский холод... – Они выпили еще по бокалу. – Когда орден поселился в этой крепости, мы собирались устроить здесь больницу. Дело в том, что на протяжении двух сотен миль в округе нет ни одной клиники. Так что наше намерение было вполне резонным. Но это место оказалось совершенно непригодным для больных. И уж тем более для умирающих.

– Поэтому открыть больницу не вышло?

– Мы все подготовили. Вчера вы видели одну из палат...

Зеффер вспомнил, что действительно через открытую дверь видел комнату, в которой в ряд стояли железные кровати с голыми матрасами.

– Я решил, это спальня ваших собратьев.

– Нет, у нас отдельные комнатухи. Ведь нас всего одиннадцать человек. Поэтому каждый может позволить себе уединенное местечко для молитв и медитаций, – улыбнувшись, он мельком глянул на Зеффера, – и для того, чтобы выпить.

– Меня такая жизнь вряд ли удовлетворила бы, – признался Зеффер.

– Не удовлетворила бы? – Эта мысль повергла Сандру в некоторое недоумение. – Что вы имеете в виду?

– Только то, что вам приходится жить вне общества. Что вы не можете помогать людям.

Тем временем они подошли к концу коридора, и Сандру начал искать в своей связке третий ключ, чтобы отпереть последнюю дверь.

– А кому вообще мы в состоянии помочь? – Его лицо обрело философское выражение. – Думаю, детей, когда им темно и страшно, еще можно успокоить. Иногда. Вы говорите им, что вы рядом, и они могут перестать плакать. А как быть всем остальным? Есть ли вообще на свете слова утешения? Лично я их не знаю. – Наконец священник нашел нужный ключ и, воткнув его в замочную скважину, оглянулся на Зеффера – Думаю, фильмы, в которых показывают красивых женщин, приносят гораздо большее утешение, чем молитва, А может, и наоборот. Не утешение, а разрушение.

И с этими словами он, наконец, повернул ключ.

– Немного отдает ересью... ну да ладно.

Сандру толкнул дверь. Из комнаты, погруженной в глухой мрак, пахнуло теплым воздухом. Возможно, разница температур составляла не более двух-трех градусов, но она ощущалась очень резко.

– Подождите меня здесь, пожалуйста, – обратился и Зефферу святой отец. – Я сейчас принесу свет.

Биллем устался во мрак комнаты, наслаждаясь тем незначительным повышением температуры воздуха, которым она его одарила. Благодаря струящемуся из коридора свету он сумел разглядеть порог, на котором у самых его ног была вырезана любопытная надпись: «*Quamquam in fundis inferiorum sumus, oculos angelorum tenebrimus*».

Не долго раздумывая над ее смыслом, Зеффер перевел взгляд в глубь комнаты. Она была довольно обширной и в отличие от прочих помещений крепости, весьма скромных на вид, имела более замысловатый интерьер. Зефферу показалось, что он сумел различить даже колонны, поддерживающие несколько маленьких сводов, если, конечно, они ему не примерещились. В нескольких ярдах от него стояли стулья и столы, поверх которых громоздились какие-то предметы, похожие на лампы или что-то в этом роде.

Минутой позже, когда Сандру принес одну из голых лампочек, прикрепленных к длинному электрическому проводу, обстановка комнаты проявилась.

– Здесь у нас склад, – сообщил священник. – Когда мы поселились в крепости, то многие вещи, чтоб не мешали ходить, вынесли сюда – Он приподнял лампочку, чтобы Зефферу было лучше видно.

Выяснилось, что первоначальное представление об этой комнате у Виллема сложилось весьма приблизительное. На самом деле она тянулась на добрых тридцать пять футов в длину и примерно на столько же простиралась в ширину, а потолок (он действительно разделялся колоннами на восемь сводчатых секций) начинался на высоте шести с лишним футов. На полу без разбору были свалены мебель и всякие ящики, что указывало на явно непочи-

тельное отношение к вещам. Зефферу подумалось, что если в этой свалке и находится какое-нибудь сокровище, то возможность отыскать его весьма и весьма невелика. Однако отец Сандру, который привел его в эту даль, не испытывал ни малейшего смущения на сей счет, а потому не проявить никакого интереса к содержимому комнаты со стороны Зеффера было бы по меньшей мере невежливо.

– Вы принимали участие в переноске этих вещей? – осведомился он у священника, но не из искреннего любопытства, а скорее затем, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

– Да, – ответил тот, – тридцать два года назад. Тогда я был значительно моложе. Но все равно от этой работенки ныла спина. Ведь тогда мастерили высокие вещи. Помнится, я даже думал, что истории о них не врут...

– Истории о...

– А... всякие глупости. Байки о том, что вся эта мебель была построена для свиты супруги дьявола.

– Супруги дьявола?

– Лилит, или Лилиту. Которую иногда звали королевой Земаргада. Только не спрашивайте меня почему.

– Та самая, о которой говорила Катя?

Сандру кивнул.

– Поэтому местные жители и не верят, что в нашей обители можно выздороветь. Они думают, что на ней лежит проклятие Лилит. Но как я уже сказал, все это глупости. Чистой воды чепуха.

Чепуха или нет, однако это сообщение придало скучноватому приключению Зеффера некий аромат.

– Не позволите ли взглянуть на вещи поближе? – попросил Биллем.

– Для этого мы сюда и пришли, – ответил отец Сандру. – Надеюсь, кое-что здесь непременно вас заинтересует. Вы найдете то, что вам понравится. Ох уж эти лестницы и двери! Как давно это было...

– Вы спустились сюда только ради меня, – искренне сочувствуя, произнес Зеффер. – Если бы я знал, что это доставит вам столько хлопот, я бы...

– Нет-нет, – прервал его Сандру, – мне это вовсе не хлопотно. Я только подумал, что вам может приглянуться одна вещица. Но теперь, очутившись тут, я в этом засомневался. Если честно, то, на мой взгляд, весь этот хлам следует втащить на гору и скинуть в какое-нибудь глубокое ущелье.

– Так почему же вы так не поступили?

– Это зависело не от меня. В то время я был молодым монахом и делал то, что мне говорили. Таскал столы, стулья и гобелены, а свое мнение держал при себе. Настоятелем у нас тогда был отец Николай. Он всегда твердо знал, что лучше всего послужит спасению наших душ. Переубедить его было невозможно. Поэтому мы делали то, что он нам велел. Кстати сказать, у отца Николая был на редкость скверный характер. Мы все перед ним трепетали от страха.

– Вы не обидитесь, если я вам кое-что скажу?

– Не волнуйтесь, меня не так просто обидеть.

– Понимаете... чем больше я слушаю о вашем ордене, тем худшее у меня складывается о нем впечатление. Отец Николай с его дурным нравом, святые братья, которые знают Теду Бару. А потом еще этот бренди.

– Да, все это грехи плоти, – согласился отец Сандру. – Вам кажется, мы позволяем себе больше, чем нам положено Господом?

– Все ж таки я вас обидел.

– Нет. Просто вам открылась истина. И вообще, разве может слуга Господа обидеться на столь справедливое наблюдение? Вы ведь неспроста об этом заговорили. Дело в том, что мы все... как бы это сказать... не просто люди, у которых есть свои слабости. Некоторые из нас никогда не проводили служб для паствы. А другие, как отец Николай, проводили. Но его порядки, я бы сказал, оставляли желать лучшего.

– Вы имеете в виду его характер?

– Помнится, однажды он швырнул Библию в одного прихожанина, который уснул во время его замечательной проповеди. – Зеффер прыснул, но его смех тотчас оборвался. – И убил его насмерть.

– Убил?..

– Несчастный случай, но тем не менее...

– ... Библией? Нет, не может быть.

– Во всяком случае, люди так говорят. Самого же отца Николая уже двадцать лет как нет в живых. Поэтому подтвердить или опровергнуть этот факт сейчас некому. Будем надеяться, что это неправда. А если правда, то пусть его душа покоится с миром. Что ж касается меня, то мне никогда не поручалось проводить службы для прихожан. Вероятно, я не способен был много для них сделать.

– Почему же? – Зеффер был несколько удивлен скептическим замечанием Сандру. – Неужели вам было сложно обрести Бога в подобном месте?

– Честно говоря, мистер Зеффер, с каждой неделей моей жизни, я бы даже сказал, с каждым ее часом мне все труднее удается отыскать знамения Божьи где бы то ни было. Порой мне кажется разумным попросить Его проявить себя в красоте. Возможно даже, в облике вашей дамы...

«Лик Кати как доказательство присутствия Бога? Пожалуй, не слишком удачный пример», – подумал Зеффер.

– Простите меня, – продолжал Сандру, – вы пришли сюда не затем, чтобы выслушивать мои исповеди о потере веры.

– Что вы, я вовсе не против.

– Слишком я разболтался. Бренди делает меня сентиментальным.

– Тогда позвольте, я посмотрю, что там есть, – предложил Зеффер.

– Разумеется, – ответил Сандру. – Жаль, что я не могу вам ничего подсказать, но... – отец Сандру пожал плечами, – можете начинать сами. А я тем временем, если не возражаете, пойду принесу нам выпить.

– Спасибо, но бренди я больше не хочу, – отказался Зеффер.

– Тогда принесу для себя. Я быстро. Если понадобится – зовите. Я услышу.

Когда монах удалился, Зеффер на мгновение закрыл глаза, стараясь собраться с мыслями. Хотя Сандру говорил довольно медленно, его образ мышления отличался некоторой непоследовательностью. Сначала он завел речь о мебели, потом переключился на охотничьи пристрастия герцога, а спустя минуту поведал о том, что они не могли открыть в крепости больницу, потому что это место было проклято супругой дьявола.

Открыв глаза, Зеффер окинул взором громоздившуюся перед ним кучу мебели и ящиков, но ничто надолго не привлекло его внимания. Голые лампочки, конечно, не прибавляли достоинства окружающей обстановке, но даже при таком нещедром освещении Зеффер не нашел в комнате ничего для себя интересного. Хотя некоторые предметы интерьера были, безусловно, выкованы довольно искусно, чего-то необычного они собой не представляли.

Пока он стоял, ожидая возвращения Сандру, его взгляд, миновав груды мебели, вдруг уперся в стену. Помещение оказалось выложено не голым камнем, а красивыми изразцами. Более того, по всем признакам это была чрезвычайно редкая керамическая плитка. Хотя

освещение было довольно слабым, а усталые глаза Зеффера утратили остроту зрения, было вполне очевидно, что стены отделаны с невероятной замысловатостью.

Не дожидаясь появления Сандру, он принялся расчищать дорогу через свалку мебели, чтобы поподробнее рассмотреть отделку стен. Обнаружилось, что подобным образом декорирован и пол, и потолок. Словом, комната являла собой единый изразцовый шедевр, то есть каждый квадратный дюйм в ней был выложен расписанной керамической плиткой.

За все время своих путешествий и коллекционирования Виллему Зефферу еще никогда не доводилось видеть ничего подобного. Невзирая на грязь и паутину, покрывавшую в комнате все и вся, он ринулся к ближайшей стенке, достал из кармана большой носовой платок и стал оттирать ее от вековой пыли. Даже на расстоянии было ясно, что у плиточной картины сложный рисунок, но теперь, очистив несколько плиток, Зеффер понял, что изображение на ней являет собой не какой-то абстрактный, а сюжетный декор. На одном из мозаичных фрагментов он увидел дерево, а на соседнем – мужчину на белом коне. Картина потрясла Зеффера яркостью и качеством исполнения. В особенности удачно был изображен конь, который, казалось, вот-вот начнет гарцевать по комнате.

– Это «Охота», – раздался у него за спиной голос священника.

От неожиданности Зеффер вздрогнул и отпрянул от стены с такой поспешностью, будто рвался на свободу из вакуумного плена. Тотчас он ощутил, как в уголке его глаза выступила слеза, которая, вопреки закону гравитации, полетела не на пол, а на очищенную им плитку и угодила аккурат на бок изображенного на ней коня.

Разумеется, это была иллюзия, тем не менее, Зефферу не сразу удалось опомниться от странности происходящего. Наконец Биллем обернулся к отцу Сандру, но образ священника расплылся у него перед взором, и потребовалось еще несколько секунд, чтобы глаза начали воспринимать окружающее. Когда же Зеффер оправился и увидел, что святой отец держит в руке бутылку бренди, то решил, что недооценил крепости этого напитка. Очевидно, бренди оказался более крепким, чем он думал, и вкупе с пристальным разглядыванием стенки подействовал на него весьма странным образом: у него появилось ощущение, будто изображенный на плитке мир – этот скачущий мимо дерева всадник – более реален, нежели стоящий на пороге комнаты священник.

– Охота? – переспросил Биллем. – На кого же здесь охотятся?

– О, на всех и вся, – ответил Сандру. – На свиней, драконов, женщин...

– На женщин?

– Да, на женщин. – Рассмеявшись, Сандру указал на фрагмент стены, который находился в нескольких ярдах от Зеффера – Давайте посмотрим, – предложил он, – вы сами убедитесь, что все здесь пропитано непристойностью. Должен вам сказать, что люди, которые разрисовывали эту комнату, очевидно, видели странные сны. Иначе трудно объяснить, откуда к ним пришли эти образы.

Подвинув в сторону столик, Зеффер стал протискиваться между стеной и каким-то крупным деревянным сооружением, похожим на катафалк, сдвинуть который не представлялось возможным. Скользя по стене, его одеяния поработали не хуже носового платка, которым Биллем воспользовался вместо протирочной тряпки минутой раньше, и пыль ударила Зефферу в нос.

– Где же это место? – спросил Зеффер, оказавшись на другой стороне катафалка.

– Немного дальше. – Сандру откупорил бренди и беззастенчиво отхлебнул из бутылки.

– А можно немного посветить сюда? – сказал Зеффер. Сандру неохотно пошел за лампочкой. К этому времени она настолько накалилась, что обжигала ладонь, и священник, отыскав в соседнем ящике какую-то ветошь, обернул ею патрон, после чего, немного помешкав, направился через груды мебели к Зефферу.

Чем ближе подносил свет Сандру, тем ярче вырисовывалась перед Виллемом плиточная картина. Она простиралась направо и налево, вверх и вниз по всему полу. Несмотря на то что время оставило свой непоправимый след на стенах и в некоторых местах изображение было безвозвратно потеряно, а в других изрядно искажено трещинами, сюжет картины потрясал необыкновенной реальностью происходящего, словно жил собственной, независимой жизнью.

– Немного ближе, – попросил Зеффер священника, жертвуя рукавом мехового пальто, чтобы очистить оказавшийся перед ним участок изразцовой стенки.

Каждая плитка занимала площадь около шести квадратных дюймов и почти вплотную прилегала к соседней, что практически не нарушало целостности изображения. Хотя освещение оставляло желать лучшего, вполне можно было заключить, что краски картины от времени не утратили прежней яркости. Мастерство ее создателей было бесспорным. В изображении зелени Зеффер насчитал по меньшей мере дюжину разных тонов и еще множество переходных оттенков. Для воспроизведения цвета стволов и веток использовалась умбра, охра и сепия, причем столь искусно, что создавалось полное впечатление проникающего сквозь листву луча света, который выхватывал из тени древесную кору.

Правда, насколько Биллем успел заметить, далеко не все фрагменты картины были выписаны с такой тщательностью. Некоторые из них, разумеется, принадлежали кисти больших художников, другие явно были исполнены ремесленниками, а третьи – в особенности фрагменты, на которых изображалась зелень, – являлись творением учеников. Им было поручено расписывать те участки картины, к которым мастера либо не питали интереса, либо не имели времени посвятить себя целиком.

И все же это не умаляло силы воздействия картины, более того, множественность стилей наделяла ее невероятной энергией. На некоторых ее частях изображение было чрезвычайно ярким, словно находилось в фокусе зрения, на других – едва различимо; абстракции и образы соседствовали друг с другом, являясь частью единого сюжета.

Что же это был за сюжет? Как сказал отец Сандру, там изображалась своего рода охота – и не просто охота, ибо под ней подразумевалось нечто большее. Но что именно? Зеффер вперился глазами в плитки. Он застыл в нескольких дюймах от стены, пытаясь постичь смысл представшей перед ним картины.

– Прежде чем мы внесли сюда мебель, я имел возможность увидеть панораму целиком, – нарушил молчание Сандру. – Это вид с башни крепости.

– Но только не существующий в реальности.

– Смотря что вы вкладываете в это слово, – заметил Сандру. – Если посмотреть на противоположную стену, то можно увидеть дельту Дуная.

В сумерках Зеффер сперва различил лишь мерцание ее русла, а присмотревшись, увидел изображение болотистой местности, испещренной множеством извилистых протоков, что несли свои воды в море.

– А вон там, – продолжал Сандру, – слева, – Зеффер проследовал взглядом за его пальцем, – в углу комнаты – гора.

– Да, вижу.

Это была высокая, поросшая кустарником гора, которая, словно башня, вздымалась к небу из безбрежного океана деревьев.

– Ее называют Майской горой, – пояснил Сандру. – На шестой день мая селяне устраивают на горе танцы. Влюбленные пары, желающие зачать детей, остаются там на всю ночь. Согласно поверью женщины, которые провели со своими мужчинами ночь на Майской горе, обязательно понесут.

– Значит, она существует? Я имею в виду в реальной жизни.

– Да, и находится справа от крепости.

– Так же, как и все прочие детали картины? Дельта реки...

– В девяти милях отсюда в этом же направлении. – Сандру указал на стену, где была изображена дельта Дуная.

При мысли о том, что здесь, в самых недрах крепости, в красках и керамике ему открылся вид, обозреть который можно лишь с самой высокой ее точки, Зеффер невольно улыбнулся.

Теперь ему стало понятно, что означала надпись, которую он прочел на пороге: «Пусть пребываем мы на дне ада, видим мы глазами ангелов».

Комната, в которой они находились, и являлась дном ада. Но художники и их помощники, расписавшие плитки, воссоздали в ней такую обстановку, благодаря которой обитатели этой темницы обретали глаза ангелов. Намерение авторов картины было парадоксальным – ведь для того, чтобы увидеть истинный пейзаж, требовалось всего лишь взобраться на башню. Однако художники нередко оказываются подвластны подобным стремлениям, очевидно, движимые потребностью убедиться в возможности осуществления подобного замысла.

– Кому-то пришлось немало потрудиться, чтобы воссоздать этот пейзаж, – произнес Зеффер.

– О да. Это воистину потрясающая работа.

– Но вы ее скрыли от посторонних глаз, – Зеффер еще не понял, какое отношение имел священник к этой комнате, – завалили всякой рухлядью. По сути, испортили ее.

– А кому мы могли ее показать? – парировал Сандру. – Она слишком отвратительна...

– Я не заметил ничего...

Он не успел сказать «отвратительного», когда его взгляд упал на вытертую его же рукавом плитку, которую он не успел подробно разглядеть. Посреди леса была вырублена большая круглая площадка, вокруг нее размещались деревянные скамейки. Изображение давалось в перспективе. (Решение этой задачи менялось от плитки к плитке, очевидно, потому, что их также расписывали разные художники. Стадион был представлен приблизительно на двадцати плитках, над которыми трудились пять разных авторов.) Трибуны были заполнены зрителями, бурно выражавшими свои эмоции в жестах. Одни из них стояли, другие сидели. К стадиону приближались еще две группы зрителей, хотя все места были заняты.

Однако не зрители привлекли внимание Зеффера, а зрелище, на которое те собрались посмотреть; увидев, что происходит посреди стадиона, он понял, что вызвало у священника столь нелестное суждение об этом изразцовом шедевре. Стадион являл собой арену сексуальных состязаний. Одновременно развертывалось несколько представлений, каждое из которых было откровенно непристойным. На одной части арены обнаженная женщина спаривалась с существом, вдвое большим ее по размеру, со звериным телом и адской эрекцией, которого держали за веревки четверо мужчин, очевидно контролировавших приближение монстра к женщине. В другом месте три нагие женщины срывали кожу с мужчины. Четвертая стояла над ним, широко расставив ноги и взирая на то, как он утопает в луже собственной крови. Между тем три мучительницы облачались в лоскуты содранной кожи. Одна из них наинула на себя лицо и плечи, из-под ошметков которых торчали ее обнаженные груди. Другая, сидевшая на земле, натянула на себя руки и ноги бедняги – они сидели на ней, как болотные сапоги. Третья, королева этого квартета, водрузила на себя то, что, по-видимому, являлось *resistance*¹ – плоть несчастного страдальца от середины грудины до коленей. В таком ужасном одеянии она извивалась, как танцовщица, и самым удивительным было то, что некая магическая сила, известная лишь создателю этого жуткого рисунка, беспрестанно поддерживала эрекцию изуродованного тела.

¹ Главное блюдо, самое существенное. (Прим. перев.)

– О боже!.. – вырвалось у Зеффера.

– Я предупреждал вас, – молвил Сандру, самодовольно улыбнувшись. – И поверьте мне, это еще цветочки.

– Цветочки?

– Чем больше вы будете смотреть, тем больше будете видеть.

– А куда именно?

– Взгляните на Дикий лес. Вон туда, где деревья.

Зеффер направился вдоль стенки к месту, на которое указывал ему Сандру. Поначалу он не заметил ничего предосудительного, пока священник не подсказал:

– Отойдите на шаг или два назад.

Рассматривая отдельные фрагменты стадиона, Зеффер подошел слишком близко к стене, поэтому, как говорится, за деревьями не увидел леса. Теперь, отступив назад, он обнаружил, что заросли вокруг стадиона были живыми. Это были чудовищные фигуры всевозможных очертаний и откровенно сексуального содержания. Их восставшие органы торчали среди деревьев, словно увенчанные сливами ветви. Наверху с раскинутыми в стороны ногами виднелись фигуры женщин – из лона одной из них вылетали десятка три птичек, вагина другой источала яркий свет, который струился и падал на землю возле ствола дерева, кроваво-красное ущелье третьей служило убежищем змей, которых здесь оказалось видимо-невидимо.

– Все остальное исполнено в том же духе? – поинтересовался искренне пораженный Зеффер.

– Почти. Здесь всего три тысячи двести шестьдесят восемь плиток, и две тысячи семьсот девяносто восемь из них полны непристойного содержания.

– Надо полагать, вы их тщательно изучали, – съязвил Зеффер.

– Не я. Подсчеты делал один англичанин, который работал с отцом Николаем. Сам не знаю почему, но эти цифры запали мне в память. Должно быть, все дело в моем возрасте. То, что хочешь запомнить, не можешь, а то, что вовсе ни к чему запоминать, врезается в голову острым ножом.

– Да, такая метафора ничего хорошего не сулит.

– Честно говоря, мое состояние вообще ничего хорошего мне не сулит, – ответил Сандру. – Всем своим существом я ощущаю старость. По утрам даже в лучшие свои дни я с трудом поднимаюсь с постели. А в худшие – молю Бога о смерти.

– Господи!

– Такая участь уготована всякому, кто коротает век в подобном месте, – пожал плечами Сандру. – Со временем все, что в вас есть, истощается.

Зеффер его почти не слушал. Прикованный взором к стене, он не мог внимать душевным страданиям Сандру, ибо все его мысли были устремлены к изразцам.

– Скажите, не сохранились ли случайно какие-нибудь документы о том, как создавалась эта работа? Что ни говори, но это шедевр.

– Своего рода, – согласился Сандру.

– Разумеется, своего рода.

– Что же касается вашего вопроса, то никаких записей не сохранилось. Считается, что картину создали на средства герцога Гога, после того как тот вернулся из Крестовых походов с награбленным у язычников добром, что, как вы знаете, совершалось во имя Христа.

– Неужто он построил это на средства, которые ему принесли Крестовые походы?! – невольно поразился Зеффер.

– Понимаю вас, трудно поверить, что человек совершает подобные поступки во имя Господа. Должен заметить, это всего лишь предположения, которые ничем не доказаны. Некоторые считают, что Гога пропал без вести на охоте и что вовсе не он создал эту комнату.

– Но кто же тогда?

– Лилит, супруга дьявола, – сказал святой отец, приглушив голос до шепота, – вот почему это место превратилось в обитель дьявола.

– А кто-нибудь пытался исследовать эту работу?

– О да. Тот самый англичанин, о котором я уже вам говорил. Джордж Соме. Он утверждал, что обнаружил двадцать два различных стиля письма. Но это лишь то, что касается художников. А ведь были еще люди, которые создавали плитки – обжигали их, отсортировывали хорошие, готовили краску, чистили щетки. К тому же все это нужно было определенным образом расположить.

– Вы имеете в виду выкладывание плиток?

– Я имею в виду, скорее, соответствие изображения оригиналу.

– Очевидно, в первую очередь была построена эта комната.

– Напротив. Крепость на два с половиной столетия старше ее.

– Господи, как же им удалось так идеально все воссоздать?

– Это похоже на чудо. Соме нашел пятьдесят девять географических ориентиров – отдельные камни, деревья, шпиль древнего аббатства в Дарксусе, – которые видны с башни и соответственно отображены на стене. Он подсчитал, что все они – а их всего пятьдесят девять – расположены с точностью до половины градуса относительно друг друга.

– Кто-то был одержим идеей точности.

– Или пребывал в божественном вдохновении.

– Вы действительно в это верите?

– А почему бы и нет?

Зеффер оглянулся на стенку позади, которая являла собой образчик сладострастных крайностей.

– Неужели это похоже на работу человека, который творил во имя Бога?

– Как я уже сказал, – ответил Сандру, – теперь я не знаю, где есть Бог, а где его нет.

После его слов надолго воцарилось молчание, которым Зеффер воспользовался, чтобы продолжить осмотр комнаты. Наконец он произнес:

– Сколько вы за это хотите?

– Хочу за что?

– За эту комнату?

Сандру невольно хохотнул.

– Вы не ослышались, – продолжал Зеффер. – Сколько вы за это хотите?

– Это комната, мистер Зеффер, – попытался возразить ему Сандру. – Не можете же вы купить комнату.

– Значит, она не продается?

– Я бы так не ставил вопрос.

– Скажите мне одно: она продается или нет?

Сандру вновь прыснул, но на сей раз его смех был вызван скорее смущением, чем несурзностью предложения.

– Думаю, нам об этом даже не стоит говорить. – Приложив бутылку бренди к губам, он сделал несколько плотков.

– Ну, допустим, сто тысяч долларов. Сколько это будет в леях? Какой сейчас курс леи? Сто тридцать две с половиной за доллар?

– Вам виднее.

– И сколько это получится? Тринадцать миллионов двести пятьдесят тысяч лей.

– Надеюсь, вы шутите.

– Ничуть.

– Откуда у вас столько денег? – изумился Сандру и чуть погодя добавил: – Могу я вас об этом спросить?

– За долгие годы я сделал несколько выгодных вложений в интересах Кати. Мы приобрели внушительную долю земли в Лос-Анджелесе. Полмили бульвара Сансет принадлежит ей. Другая половина – мне.

– И вы все хотите продать, чтобы приобрести вот это?

– Небольшую часть бульвара Сансет за вашу великолепную «Охоту». Почему бы и нет?

– Потому что это всего лишь комната, покрытая испорченной плиткой.

– Видимо, денег у меня больше, чем здравого смысла. Однако какое это имеет для вас значение? Сто тысяч долларов – довольно крупная сумма денег.

– Да, вы правы.

– Итак, мы совершаем сделку или нет?

– Мистер Зеффер, все это для меня так неожиданно. Ведь мы говорим не о каком-то стуле. Не о каком-нибудь гобелене.

– Минуту назад вы доказывали, что это всего лишь комната, покрытая испорченной плиткой.

– Но эта испорченная плитка имеет огромное историческое значение. – Сандру позволил себе слегка улыбнуться.

– Вы имеете в виду, что мы не сможем договориться на условиях, которые бы нас обоих устраивали? Потому что, если вы...

– Нет-нет-нет. Я вовсе не это хотел сказать. Возможно, если мы немного поторгнемся, то сойдемся в цене. Но как вы собираетесь забрать ее к себе в Калифорнию?

– Это уже мои трудности. Мы живем в двадцатые годы, святой отец. Теперь все возможно.

– И что из этого получится? Допустим, вы переправите плитку в Голливуд...

– Будет другая комната, подобных же размеров.

– У вас есть она?

– Нет, но я ее построю. У нас есть особняк в горах Голливуда. Я устрою там для Кати сюрприз.

– Не поставив ее заранее в известность?

– Если я ей расскажу об этом заранее, то никакого сюрприза не выйдет.

– Просто не могу себе представить, чтобы подобное допустила такая женщина, как она.

– А какая она?

Вопрос застиг Сандру немного врасплох.

– Ну... такая.

– Красивая?

– Да.

– Кажется, в своем разговоре, святой отец, мы вернулись к тому, с чего начали.

Вместо ответа Сандру слегка кивнул, подняв в очередной раз бутылку.

– Выходит, внутри она не столь совершенна, сколь совершенна ее наружность? – наконец спросил он.

– Слава богу, нет.

– И это место со всеми его непристойностями могло бы прийтись ей по вкусу?

– Полагаю, что да. Почему вы спрашиваете? Это как-то связано с вашим желанием продать мне комнату?

– Даже не знаю... – Сандру нахмурился. – Весь наш разговор происходил совсем не так, как я его себе представлял. Дело в том, что я надеялся продать вам какой-нибудь стол или гобелен. А вместо этого вы пожелали приобрести стены! – Он вновь затряс головой. – Сколько раз меня предупреждали насчет вас, американцев!

– И о чем же вас предупреждали?

– О том, что вы считаете, будто вам подвластно все. Ну, или вашему кошельку.

– Выходит, денег вам недостаточно?

– Деньги, деньги... – Он испустил неприятный горловой звук. – Что вообще значат эти деньги? Вы хотите заплатить за это сто тысяч долларов? Платите. Я никогда не увижу ни лея – так нужно ли мне вообще беспокоиться, чего это будет вам стоить? С таким же успехом вы можете украсть эти плитки.

– Позвольте спросить: если я вас правильно понял, вы согласны продать комнату?

– Да, – ответил отец Сандру упавшим голосом, как будто предмет разговора внезапно потерял для него всякий смысл, – согласен.

– Отлично. Я очень рад.

Зеффер устремился через лабиринт мебели к двери, у которой стоял священник.

– С вами было чрезвычайно приятно иметь дело, отец Сандру. – Он протянул руку.

Ненадолго задержав взгляд на поданной ему руке, Сандру пожал ее. Ладонь священника была холодной и липкой.

– Не желаете ли остаться и посмотреть на то, что вы приобрели?

– Нет, думаю, ни к чему. Пожалуй, нам обоим пора подставить лицо солнцу.

Ничего не ответив, Сандру развернулся и направился по коридору к лестнице. Однако, когда священник оглянулся, по его лицу стало ясно: наверху, как и в холодном подземелье, для него теперь не было никакой радости, никакой надежды на лучшее будущее.

Глава 3

Оказалось, что за время своего недолгого пребывания в потайной комнате в недрах крепости Зеффер успел рассмотреть только некоторые подробности картины, а тысячи других деталей от него ускользнули. Лишь после того, как героические работы по отделению изразцов от стен и переправке их морем в Калифорнию подошли к концу, ему удалось познаться с картиной более тщательно.

Зеффер был человеком образованным, чем выгодно отличался от прочих представителей высшего общества Лос-Анджелеса – города еще молодого, переживавшего период бурного роста. Благодаря родителям его дом всегда был полон книг, хотя на обеденном столе зачастую стояла пусть изысканная, но отнюдь не обильная еда. Он знал классиков и мифологию, из которой великие творцы древности черпали сюжеты для книг и пьес. Со временем он обнаружил на керамических плитках дюжину образов, вдохновленных известными ему мифами. Так, в одном месте изображенные женщины напоминали менад, которых увековечил древнегреческий поэт Еврипид, – это были обезумевшие души, находившиеся на службе у бога удовольствий Дионисия. Они бегали среди деревьев с окровавленными руками, разбрасывая по траве ошметки мужской плоти. На другом фрагменте в женских фигурах с одной обнаженной грудью нетрудно было распознать амазонок, которые выпускали из мощных луков шквал стрел.

Но также очень много оказалось других образов, основой которых послужили не известные Зефферу мифологические сюжеты. Так, неподалеку от дельты Дуная по лесу, изрыгая языки пламени, двигались мрачной толпой огромные рыбы с человеческими, но покрытыми золотой чешуей ногами. В лесу уже вовсю бушевал пожар, и птицы, спасаясь от огня, вздымались с крон деревьев в небо.

На болоте стоял небольшой городок с домами на тонких, длинных опорах – это указывало либо на некогда существовавшее в этом месте поселение, либо на пророчество о его появлении в будущем. За счет той вольности, какую позволили себе художники в решении перспективы – слишком крупные размеры людей в сравнении с величиной домов, – жители представляли в ярких подробностях. Но и здесь не обошлось без крайностей, которыми так изобилует Дикий лес. Так, через открытое окно одного из домов был виден стол с собравшимися вокруг него гостями, которые взирали на распростертого перед ними человека. Из рта у несчастного вылезала голова огромного червя, а зад твари торчал из анального отверстия. Другая сцена оказалась не вполне доступной для толкования. Стая черных птиц с человеческими головами, вздыбившись вокруг маленькой девочки, то ли боготворила ее, то ли намеревалась принести в жертву. В другом доме на корточках сидела женщина, из вагины которой лилась кровь. Протекая через отверстие в полу на нижний этаж, она уже образовала довольно объемную лужу, и в ней плавали несколько мужчин, ростом вдвое ниже женщины. Очевидно, под действием этого они претерпевали отвратительные метаморфозы: головы мужчин обретали темные уродливые очертания, а из спин вырастали демонические хвосты.

Как и предупреждал Зеффера отец Сандру (уж не хвастался ли он?), на пейзаже не было ни единой сцены, которая не потрясала бы изощренностью замысла. Даже вроде бы совершенно невинные облака в одном месте изливались огненным дождем, а в другом – метали на землю черепа. В открытом небе, словно увлеченные божественной музыкой танцоры, самозабвенно плясали посреди падающих звезд демоны. И на том же небе, словно заявляя, что этот мир сумерек вечно пребывает на грани темноты и угасания, светило солнце; на три четверти его затмевала луна, написанная на редкость искусно: проплывая перед дневным светилom, она казалась настоящей, с идеально сферическим телом.

Еще на одном фрагменте картины был изображен некий род царствующих особ – очевидно, правившие с давних времен короли и королевы Румынии, – которые поочередно спускались в могилу. Чем глубже они входили в землю, тем больше искажались их благородные черты, становясь добычей стервятников – те без зазрения совести вырывали королевские глаза и языки, некогда вещавшие законы. Чуть дальше бесновались ведьмы: они выписывали спираль вокруг места, обозначенного камнями. Там, среди валунов, словно брошенные куклы, лежали их невинные жертвы – младенцы, из жира которых колдуньи готовили летучую мазь и обильно натирали ею свои тела.

И несмотря на то что изображенный на картине мир был преисполнен чудовищных и подчас совершенно невероятных явлений, основным сюжетом все же была Охота.

Многие сцены не претендовали на какой-либо особый подтекст, они просто подчеркивали редкостное величие этого творения; выполненные с величайшим мастерством, они казались настолько живыми, будто писались с натуры. Среди таковых была свора собак – белых, черных и пегих. Одна псина ласково обхаживала сосущих ее щенков; других стоявшие крестьяне придерживали в намордниках, третьи, ведомые на поводке, яростно рвались в бой, стремясь поскорее примкнуть к большому отряду охотников. Собаки сопровождали хозяев повсюду. Даже когда герцог, преклонив колена, молился, с ним рядом, низко опустив голову – точно выражая глубочайшую признательность за оказанное ему доверие, – сидел благородный белый пес. В другой сцене собаки плескались в реке, пытаясь поймать лосося, очертания которого виднелись в прозрачной голубой воде. В следующем фрагменте гонимые и охотники поменялись ролями, что не имело никакого скрытого толкования – просто художники, очевидно, решили пошутить. Холеные породистые собаки сидели за длинным, красиво убраным столом, который расставили на опушке леса, а под их ногами, обутыми в сапоги, дрались за объедки и кости несколько голых мужчин. Однако когда Зеффер пригляделся, то увидел, что это сборище собак представляет собой еще более несуразное зрелище, чем ему показалось вначале. Во-первых, потому что псов было тринадцать, а во-вторых, потому что во главе стола восседала псина, уши которой пронизывал нимб. Это была собачья «Тайная вечеря». Тот, кто знал, в каком порядке традиционно размещались на картинах апостолы, мог без труда отыскать их в собачьем обличье. Авторы Евангелий сидели на своих привычных местах; Иоанн восседал рядом с мессией, Иуда – напротив, а Петр (сенбернар) примостился у самого края стола. Лоб Петра был нахмурен – очевидно, ученик уже знал, что к исходу ночи трижды отречется от своего учителя.

На прочих фрагментах картины собаки делались участниками куда более жестоких событий. То они разрывали на части кроликов, то сдирали шкуру с загнанного в тупик оленя, то сражались в неравной схватке со львом, которая для многих из них стала роковой. Кое-кто, волоча по земле рваное брюхо, покидал поле боя. Кому-то еще больше не поздоровилось – мертвый пес с высунутым языком висел на дереве, а другие собаки, истекая кровью, лежали на траве. Находившиеся поодаль охотники ожидали, пока лев в схватке с псами истощит свои силы, чтобы приблизиться к нему и вступить в решающий бой.

Но наиболее отвратительными были сюжеты, в которых охота сочеталась с эротикой. Таковой, например, была сцена, в которой собаки загнали нескольких обнаженных мужчин и женщин в ущелье, где им повстречалась группа вооруженных копьями и сетями охотников. Перепуганные парочки прижались друг к другу. Между тем охотники знали свое дело. Мужчин насадили на копья, а женщин, опутав сетями, свалили на тележку и увезли. Их ожидала довольно своеобразная служба. Изучая плитки слева направо, Зеффер обнаружил, что в соседней долине высвобожденных из сетей женщин привязывали за ноги к огромным кентаврам, чтобы те могли удовлетворить свою похоть.

Очевидно, для художников оказалось нелегкой задачей отобразить в подробностях реакцию женщин на это жуткое действо. Одна из них, с разорванной плотью, откинув голову назад и истекая кровью, в дикой агонии визжала. Других этот зверский акт, напротив, ввергал в экстаз – во всяком случае, они в восторге прижимали лица к тушам своих насильников.

Но на этом история еще не заканчивалась. Последующие картинки повествовали о том, что некоторые из мужчин, претерпевших в ущелье страшную экзекуцию, сумели-таки выжить и вернулись, дабы уничтожить надругавшихся над их женами кентавров. Эти сцены были исполнены с наибольшим мастерством. Спасшиеся от гибели мужья, чтобы не уступать кентаврам в быстроте ног, явились пред ними верхом на конях. Кентавры же, отягощенные теми женщинами, которых таскали под брюхом для собственного удовольствия, не сумели спастись бегством и потерпели поражение. Некоторые из них попали в арканы и были задушены веревками, других пронзили копья. Однако не всем женщинам посчастливилось освободиться. Хотя мужья, безусловно, стремились их спасти, многие приняли смерть под телами своих насильников.

Возможно, в этом сюжете и прослеживалась некоторая мораль, напоминавшая о беззащитности невинных женщин, которые стали невольными жертвами ожесточенной борьбы двух племен. Тем не менее художники, казалось, изображали эти сцены не как возмущенные свидетели зверского надругательства над женской плотью, а с откровенным удовольствием. Из этого следовало, что запечатленные в изразцах сюжеты были призваны доставлять наслаждение тем, кто им подражает, кто возбуждает ими свое воображение или воспроизводит в красках на стене. Другими словами, весь воплощенный на плиточной картине мир был чужд всякой нравственности.

Можно было бы еще долго перечислять список ужасов и зрелищ, представленных на этой картине: площадки, на которых бесновались демоны и состязались меж собой гомосексуалисты; сидящие на крышах домов суккубы², блаженные дурачки в одеянии из коровьего навоза, сатиры, могильные, придорожные и домовые духи; короли в обличье ласки и разжиревшие жабы. И так далее и так далее, за каждым деревом и на каждом облачке, скользя вниз по водопаду или выглядывая из-за горного выступа – повсюду виднелись, подчас в обличье зверей, похотливые образы мира, который человечество прятало в недрах своего подсознания и к которому в отчаянии взывало долгими ночами.

Хотя Голливуд еще в младенческие свои годы заявил о себе как о средоточии искусства воображения, перед его камерами никогда не происходило (и вообще не могло произойти) того, что хотя бы отдаленно напоминало сюжеты, воспроизведенные художниками и их подмастерьями на плиточном шедевре.

Как сказал Сандру, это была Страна дьявола.

Нанятым в Браскове людям Зеффер платил в пять-шесть раз больше, чем стоила подобная работа в этом городе. Он хотел, чтобы они выполнили свое дело качественно, а потому подыскивал таких мастеров, у которых голова работала лучше рук. Сумму расходов, необходимых для того, чтобы отодрать картину от стены, он определил для себя сам. Также Биллем нанял троих картографов, чтобы они записали, в каком порядке располагались плитки в картине. Тщательно пронумеровав изразцы на оборотной стороне, они подготовили обстоятельный отчет о том, как фрагменты картины были выложены на стене и по какому принципу им присваивались номера. Кроме того, картографы составили подробное предписание к упаковке и переправке груза, включая исчерпывающую характеристику тех плиток, которые были повреждены до упаковки или по невнимательности мастеров, отдиравших изразцы от стен, сложены неправильно (таковых насчиталось сто шестьдесят штук; большинство из

² Дьявол в обличье женщины, приходящий ночью к спящим мужчинам. (Прим. перед.)

них оказались перевернуты на девяносто или сто восемьдесят градусов, но уставшие, сбитые с толку, а то и просто пьяные мастеровые не могли понять, какой ужас охватил при этом Зеффера). Благодаря достаточно скрупулезной подготовке после распаковывания плиток в каньоне Холодных Сердец их без труда можно было бы разместить в первоначальном порядке.

Одиннадцать недель ушло только на то, чтобы подготовить картину к вывозу из крепости.

Разумеется, эти работы привлекли к себе немало внимания как со стороны братьев, которые были посвящены в происходящее отцом Сандру, так и со стороны селян, имевших о случившемся весьма смутное представление. Ходили слухи, что плитку увозят из крепости, потому как она подвергает опасности души святых отцов. Но какого рода была эта опасность, люди точно сказать не могли и поэтому строили всевозможные догадки.

Довольно крупная сумма денег, вырученная за продажу плитки и находившаяся теперь во владении ордена, оказалась слишком мала, чтобы изменить жизнь монахов, не говоря уже о том, чтобы провести какие-либо коренные преобразования в братстве. Некоторые священники придерживались мнения, что картину продавать не следовало – но не из-за ее художественных достоинств, а потому, что считали неблагоразумным выпускать в мирскую жизнь столь нечестивые образы. На это отец Сандру, который теперь все чаще на глазах у братьев прикладывался к бутылке, лишь насмешливо отмахивался рукой.

– Какое это имеет значение? – отвечал он на подобные сетования – Ведь это, слава богу, всего лишь плитки.

Многие святые братья отнеслись к его решению с неодобрением, ему даже пришлось выслушать весьма красноречивое порицание от одного пожилого монаха: упирая на то, что Бог доверил им охранять картину, брат назвал ее продажу циничным и легкомысленным поступком. Возможно, там, в мирской жизни, она никому не сослужит дурной службы, говорил он, но какой вред нанесет невинным душам.

Однако его слова оставили Сандру равнодушным. Он давно знал: в Голливуде нет невинных душ, равно как нет на картине ни одной греховной сцены, что могла бы стать откровением для обитателей этого американского местечка. Он говорил с уверенностью, которой на самом деле не ощущал, но которая произвела впечатление на собратьев, по крайней мере, на большинство из них, и заставила не согласных с ним членов ордена, наконец, замолчать.

Относительно использования денег у святых братьев также не было общего мнения. Представители старшего поколения и некоторые молодые монахи считали, что деньги получены сомнительным образом, поэтому нужно распределить их среди бедняков – по их разумению, это являлось единственно благочестивым выходом из создавшегося положения. Как ни странно, это предложение почти никто не поддержал. Хотя против того, чтобы часть денег передать нуждающимся, никто не высказывал возражений, существовало много других проблем, решение которых упиралось в недостаток средств. Кое-кто настаивал на том, что ордену необходимо оставить крепость и обосноваться в каком-нибудь другом месте, где тень дьявола не будет преграждать им путь, и они смогут найти дорогу к Богу. Но Сандру отклонил это предложение, подкрепив свое убеждение на редкость красноречивыми и убедительными доводами. Заплетающимся от алкоголя языком он сказал, что не испытывает никакого сожаления из-за продажи плитки, более того, безмерно рад, что не упустил возможности от нее избавиться – мол, это тот редкий случай, который выпадает лишь раз в жизни.

– Теперь, – сказал он, – у нас есть деньги, чтобы обновить это место. Открыть, наконец, больницу, как было задумано ранее. Подумать, что можно сделать, чтобы возродить эту землю, чтобы виноградники процветали, как в старые добрые времена. Наш путь совер-

шенно ясен. Неважно, сохранилась наша вера в Бога или нет, лечить людей мы все равно можем. И можем растить виноград. Чтобы наша жизнь, наконец, могла вновь обрести смысл.

Сандру улыбался. Слово «смысл» не появлялось у него на устах уже много лет, поэтому он произнес его с явным удовольствием. Однако, пока он говорил, улыбка все больше угасала на его быстро бледнеющем лице.

– Прошу меня простить, – схватившись за живот, произнес священник. – Меня тошнит. Я выпил слишком много бренди.

С этими словами он достал из-под рясы бутылку, из которой пил с раннего утра, и неловким движением поставил ее перед собой на стол. Затем повернулся и поплелся на свежий воздух. Никто не встал, чтобы его сопроводить. В крепости больше не осталось близких ему людей. Старые друзья, смущенные безмерной тягой отца Сандру к спиртному, не решались поддерживать его вслух, опасаясь, что это может плохо отразиться на их дальнейшем продвижении. Поэтому, когда среди погибшего виноградника он почувствовал головокружение, рядом с ним никого не было.

Стущались сумерки. Лето прошло, и в воздухе веяло прохладой. На чистом синем небе уже зародилась молодая луна, ее бледный серп едва показался из-за горных вершин.

Глядя на ночное небо и луну, Сандру старался успокоиться, надеясь, что ему удастся утихомирить боль в сердце и вернуть жизнь своим онемевшим пальцам. Но что за безобразие происходило с ними? Внезапно он осознал, что спазм пальцев случился вовсе не от излишне выпитого им алкоголя. Он умирал.

Он знал, что в монастыре имеется лекарство от сердечных болезней. Если удастся быстро добраться до братьев, он сможет оттянуть свой конец. Сандру развернулся лицом к крепости и попытался крикнуть кого-то на помощь, однако его грудь сковал такой страх, что священник не сумел извлечь из себя ни звука. Ноги подкосились, и он упал лицом прямо в грязь. Почувствовав во рту противный горький вкус, он из последних сил оттолкнулся от гадкого месива и кое-как перевернулся на спину. Больше шевельнуться он не мог, но это уже не имело никакого значения. Ведь небо над головой было таким красивым! В течение шести или семи коротких вдохов Сандру созерцал единственную звезду, что ярко зажглась на ночном небосклоне, после чего навеки простился с жизнью.

Братия обнаружила его тело лишь поздно ночью, когда старый двор с мертвой виноградной лозой тронуло первым морозцем. Тело святого отца заиндевело, в особенности его круглый нос и спутанные пряди бороды. Даже на неподвижных глазах старика мороз оставил свои филигранные узоры.

Глава 4

Никакой больницы в крепости так и не открыли – ни тогда, ни позже, – равно как не было приложено ни малейших усилий, чтобы возродить виноградник и вернуть процветание прилежащим землям. С уходом из жизни отца Сандру (в относительно молодом возрасте – шестидесяти двух лет) и без того незначительный запал к преобразованиям, которым братья загорелись вначале, быстро иссяк. Более молодые члены предпочли покинуть орден; трое из них примкнули к мирской общине. Не прошло и года, как один из них, молодой человек по имени Ян Валек, свел счеты с жизнью, оставив после себя длинное предсмертное послание, адресованное его бывшим собратьям. Он сообщал, что после смерти отца Сандру ему привиделся сон.

«Я видел отца в нашем винограднике, который был весь охвачен пламенем, – писал он. – Зрелище произвело на меня ужасное впечатление. Небо заполонил черный дым, из-под которого едва пробивалось солнце. Отец Сандру сказал мне, что наш мир – самый настоящий ад, избежать которого можно только расставшись с жизнью. Хотя вокруг царил мгла, лицо его было светлым и ясным. Он сожалел, что не умер раньше, а вместо этого столько лет страдал.

Я спросил его, разрешают ли ему в том месте, где он сейчас находится, пить бренди. И он ответил, что не имеет в том нужды, что он совершенно счастлив и не испытывает никакой потребности в том, чтобы выпивкой приглушать душевную боль.

Тогда я сказал ему, что он ушел из жизни пожилым человеком с больным сердцем, а у меня еще вся жизнь впереди. Я полон сил, говорил я ему, и если повезет, то проживу долгих тридцать, а то и сорок лет, которые для меня будут сущим адом. Так что же мне делать?

– Забери свою жизнь, – ответил он мне так, словно в этом ничего особенного не было. – Перережь себе горло. Бог поймет.

– Поймет? – засомневался я.

– Конечно, – подтвердил он. – Этот мир – сущий ад. Оглянись. Что ты видишь вокруг себя?

Я сказал, что вижу огонь, дым и черную землю.

– Ну вот, – произнес он, – это и есть ад.

Хотя, конечно, все это происходило во сне, я заверил отца Сандру, что собираюсь последовать его совету. Пойду в свою келью, достану острый нож и убью себя. Но, как обычно бывает во сне, по какой-то причине домой я не пошел. А направился в Бухарест. В кинотеатр, куда меня иногда водил отец Стефан. Мы зашли с ним внутрь. Нашли места, и Стефан велел мне садиться. Потом начался фильм. Эта картина была о некоем земном рае, увидев который я невольно прослезился. Музыка, внешний вид людей – в том месте все казалось совершенным. Мужчины и женщины там были такими красивыми, что, глядя на них, у меня перехватывало дыхание. Особенно меня потряс один молодой человек – мне немного стыдно об этом писать, но если я не сделаю этого признания сейчас, в своей последней исповеди, то другой возможности не будет. Этот юноша с темной шевелюрой и светящимися глазами был на экране совершенно обнажен. Протягивая ко мне руки, он приглашал меня в свои объятия. Я обернулся к отцу Стефану, и он сказал мне именно то, что в этот миг пронеслось у меня в голове:

– Он хочет забрать тебя с собой.

Я начал было отрицать, однако Стефан, прервав меня, заявил:

– Посмотри на него. Посмотри на его лицо. Оно безупречно. Взгляни на его тело. Оно совершенно. А вон там – между ног...

От стыда я закрыл лицо руками, но Стефан, оторвав мои ладони от лица, велел мне не смущаться, а просто смотреть и наслаждаться зрелищем.

– Бог создал все это для нашего удовольствия, – произнес он. – Разве бы он вложил в нас такую жажду созерцания наготы, если б не хотел, чтобы мы получали от этого удовольствие?

Я спросил Стефана, почему он считает, что эту страсть в нас вложил Господь, – возможно, это все происки дьявола, который хочет заманить нас в свои сети. Рассмеявшись, он обнял меня и поцеловал в щеку, как малое дитя.

– Никакие это не происки дьявола, – возразил он. – Для тебя это приглашение в рай.

Он еще раз меня чмокнул в щеку, и тогда я явственно ощутил на себе теплое дуновение весны, словно оказался в той стране, что жила своею жизнью на экране. Ветерок пробудил во мне желание умереть в радости, потому что в воздухе веяло запахом того времени, о котором я давно позабыл.

На этот раз я вернулся в свою келью. И нашел нож. Закончив писать и оставив письмо на столе, я пойду в поле и перережу себе вены на руках. Знаю, нам говорили, что самоубийство – большой грех и что Господь не хочет, чтобы мы причиняли себе вред. Но если Он и в самом деле не желает моей смерти – тогда почему нож оказался у меня под рукой. И почему мое сердце ныне преисполнено такого покоя и мира?»

Тело молодого монаха нашли примерно в ста ярдах от того места, где некогда был обнаружен окоченевший труп Сандру, следовавшая вскоре после смерти старого священника кончина Яна Валека нанесла решающий удар по братству. Из Бухареста вскоре прислали приказ о том, что орден святого Теодора расформирован, ибо, как отметил архиепископ, в крепости больше нечего охранять. Братия была в большей мере востребована в обычной церкви, чтобы помогать больным и умирающим и предлагать Божье утешение тем, кто в нем особенно нуждался. Не прошло и недели, как орден святого Теодора покинул крепость Гога.

У некоторых селян было подспудное чувство, будто крепость сама побуждала братьев к выселению, и, словно в подтверждение этого, вскоре после их отъезда в ней началось стремительное самоуничтожение. Возможно, то было обыкновенное суеверие, но, тем не менее, казалось довольно странным, что сооружение, на протяжении пяти столетий сохранявшее свой прочный вид, стало разрушаться чуть ли не на глазах, едва из него выехала община монахов.

К тому же наступившая вскоре зима выдалась на редкость суровой. И хотя в былые времена случалось, что снега выпадало еще больше, под его весом никогда не прогибались крыши домов. Бывало, дули и более сильные ветра, но окна при этом никогда не распахи-вались и не разбивались. И несмотря на то что во время наводнений первые этажи нередко затопляло, двери домов прежде никогда не срывались с ржавых петель.

Ко времени, когда весна вступила в свои права – в тот год это случилось в последних числах апреля, – крепость обрела совершенно необитаемый облик. Казалось, ее покинул некий дух, предоставив погоде довершить внешний распад, что, надо сказать, та делала совершенно простодушно. Летняя жара, в своей беспощадности не уступавшая лютой зиме, изничтожила тканые ценности здания, особенно пострадавшие от червей, мух и ос, которые там усердно прорывали ходы, откладывали яйца и сооружали гнезда. Если при постройке крепости деревянные балки с трудом могли втащить наверх десять дюжих мужиков, то теперь, высохнув и превратившись в пыльные, изъеденные насекомыми палки, эти элементы конструкции словно составляли хрупкий скелет громадной птицы. Не в силах выдержать давивший на них сверху груз, они обрушивались, увлекая за собой целые этажи.

К сентябрю крепость превратилась в груды развалин. Комната с кроватями, каковую братия некогда намеревалась превратить в больничную палату, теперь стояла под открытым небом. С первыми осенними дождями матрасы, на которых предполагалось разместить

больных, покрылись грибком и плесенью, Словом то, что некогда было воистину крепостью, теперь стало зловонным кладбищем гниющих вещей.

И наконец, где-то в середине следующей зимы, когда морозец вполне устоялся, треснули и провалились перекрытия нижнего этажа крепости – того самого, куда отец Сандру некогда сопровождал Зеффера, чтобы показать ему изразцовую картину. Теперь комната, где она прежде находилась, была доступна всем ветрам и бурям. Окажись кто-нибудь в ней той зимой, он стал бы свидетелем удивительного зрелища: сквозь восемь куполов, которые потрескались, как яичная скорлупа, спиралевидными нитями струился снег. Комната была совершенно пуста. Прежде чем приступить к извлечению плиток, нанятым Зеффером рабочим пришлось освободить помещение от той мебели, что здесь складировали монахи. Кое-что украли, кое-что пошло на дрова, а прочее – примерно четверть от общего числа – осталось гнить в том месте, где было свалено. Падающий изящным серпантинном снег покрывал пол комнаты островками снега, которые не только не таяли на протяжении четырех холодных месяцев, но с каждым новым снегопадом и бурей становились все выше и шире.

Накануне оттепели, наступившей в середине апреля, под грузом снега и льда сводчатый потолок окончательно проломился и рухнул вниз. Никто не видел и не слышал, как и когда это случилось. Комната, которая на протяжении нескольких веков хранила плиточный шедевр, была похоронена под грудой штукатурки, дерева и камня, заполнивших ее до половины. И в последующие годы никто из являвшихся сюда порой посетителей – каждое лето к крепости приезжали исследователи, которые подчас воображали себе, будто ступают на территорию некоего мрачного, но таинственного мира, очевидно принадлежавшего Владу Цепешу, чьи легендарные земли простирались в Трансильвании, расположенной всего в ста милях к западу, – никто особенно не стремился раскопать руины, равно как никто не задавался вопросом, какую роль исполняла на протяжении долгого времени погребенная под обломками комната. Но и прояви исследователи к ней искренний интерес, вряд ли даже самым умным из них удалось бы прийти к правильному заключению. Тайна разрушенной комнаты пребывала теперь на другом континенте и готовилась к тому, чтобы своим сомнительным содержанием усладить взор новой и притом весьма уязвимой аудитории. Эти мужчины и женщины, подобно изразцовому шедевр, совсем недавно покинули свою родину и в погоне за славой оставили домашний очаг и отвергли алтарь – единственные талисманы, способные защитить их от вероломства «Охоты».

ЧАСТЬ II ВОЛНЕНИЕ СЕРДЦА

Глава 1

Этим вечером в лос-анджелесском театре «Громэнс Чайниз» была премьера. Китайцы устраивали подобное с 1927 года, но тогда толпы народа, конечно, собирались гораздо больше, чем сейчас, а Голливудский бульвар наводняли тысячи, если не сотни тысяч людей, жаждущих увидеть звезду современности. Тем не менее, событие, которому предстояло нынче состояться, снискало почти такую же популярность. Хотя кинорепортеры, муссируя состоявшуюся премьеру, заявляли в ближайших утренних выпусках «Верайети» и «Холливуд репортер», что толпа поклонников, поджидавших промозглым вечером появления кинозвезды, Тодда Пикетта, составляла четыре тысячи человек, на самом деле их число было меньше чем вдвое.

И тем не менее, треть бульвара была забаррикадирована и для придания событию большего драматизма уставлена несколькими полицейскими машинами.

Когда к красному ковру подъехали лимузины, дверцы в них открыли капельдинеры, облаченные в черные кожаные костюмы, в которых орудовали отрицательные персонажи демонстрируемого фильма. Одновременно в толпе принялись за работу несколько «крикунов», нанятых служащими рекламного отдела киностудии, чтобы слегка подзадорить публику. Кричали они до тех пор, пока из лимузина не показалось лицо первого пассажира. В сегодняшнем списке гостей значилось много известных имен, и появление каждой звезды сопровождалось неистовым визгом поклонников. Хотя Круза среди них не было, зато ожидалась Николь Кидман и Шварценеггер, который сыграл в картине небольшую роль – скромного и застенчивого Гэллоуза, в которого мстительный брутальный герой Тодда Пикетта должен был в свое время воплотиться добровольно или, в случае отказа, под давлением призраков прежних инкарнаций. Сигурни Уивер исполнила роль женщины, которой однажды удалось разрушить проклятие Гэллоуза, и к которой должен был направиться герой Пикетта, спасаясь от преследования призраков. Фанаты встретили ее появление у входа театра громким ревом восхищения. Улыбнувшись и помахав им рукой, она позволила фотографам запечатлеть себя на пленку, но приближаться к толпе не стала. У нее уже был опыт общения с настырными поклонниками, поэтому она стремительно зашагала по красному ковру прочь от их пальцев.

– Мы любим тебя, Рипли! – кричали ей вслед, обращаясь к ней по имени героини, которым ее будут называть поклонники вплоть до последних дней жизни. Даже услышав имя Рипли, она продолжала махать рукой, но ни на ком не останавливала свой взор.

Из следующего лимузина вышла Сьюзи Хенстелл, новая яркая звезда на кинематографическом небосклоне, также снявшаяся в фильме «Виселица», которую журнал «Вэнити фэйр» причислил к первой десятке самых популярных имен Голливуда. Эта блондинка очень маленького роста (чего на экране не было видно) все время хихикала: в лимузине на пару со своим дружкой она подзаправилась небольшой порцией марихуаны, что сказалось на ней не лучшим образом. Когда звезда ступила на красный ковер, ноги у нее слегка заплетались. Тем не менее, толпа поклонников ожидала ее появления с воодушевлением, что, несомненно, явилось результатом рекламной кампании, которую на протяжении нескольких месяцев проводила пресса, подкрепляя популярность актрисы публикациями ее проникновенных интервью и фотографий. Благодаря усилиям журналистов публика восприняла эту особу как

вполне состоявшуюся звезду, несмотря на то, что судить о ее актерских дарованиях имела возможность лишь по нескольким кадрам рекламного ролика. Разве могла озаботить разгоряченную толпу такая мелочь, что актриса не вполне отвечала созданному ею образу? В отличие от миссис Уивер, которая вела себя весьма разумно и, позволив фотографам сделать несколько снимков, через минуту удалилась прочь, Сьюзи Хенстелл оказалась весьма падкой до лести и почитания. Она направилась напрямик к баррикадам, где несколько женщин размахивали сувенирными программами. Подписав некоторые из них, она одарила своего спутника, шестифутового секс-символа фирмы «Келвин Кляйн», глуповатым, разбухающим от гордыни взглядом. Тот в свою очередь устремил на нее томный, отсутствующий взор – единственный в его репертуаре. Подобным образом он смотрел на всех женщин везде и всегда, даже когда приходил в движение знак его мужского достоинства или вылезала из трусов голая задница. Если не считать этой особенности, то во всем прочем он являл собой образ сногшибательного, можно сказать, рокового красавца.

Внезапно на Голливудском бульваре поднялся порывистый ветер, и служба безопасности слегка обеспокоилась. Дело в том, что кому-то из организаторов пришла в голову блестящая идея: в качестве рекламы построить ворота в форме двух виселиц, чтобы под ними проходили явившиеся на премьеру фильма зрители. Однако, как оказалось, это было не слишком разумным решением. Поскольку на следующий день виселицы предполагалось сломать, их изготовили из пенопласта и выкрасили «под дерево», а потому ветер мог легко их повалить, даже, более того, поднять в воздух и обрушить сверху на толпу. Несмотря на относительно небольшой вес этих конструкций, их падение могло обернуться для людей серьезными травмами.

Четверо билетеров, снятые со своих рабочих мест и поставленные поддерживать виселицы с обеих сторон, прилагали все усилия, чтобы удержать шаткие конструкции в вертикальном положении. Охранникам, обеспечивающим у входа в театр безопасность, доложили, что осталось продержаться всего пять минут. Как только Сьюзи Хенслетт удастся уговорить, чтобы она покинула своих почитателей и прошла в здание театра (надо сказать, что в данный момент подобного намерения у нее явно не наблюдалось), к красной дорожке можно будет подать лимузин режиссера, Роба Нидермана, вслед за которым поедет последний, самый важный участник церемонии Тодд Пикетт.

Усиливающийся ветер все сильнее раскачивал виселицы. Решили подавать лимузин Нидермана, махнув рукой на то, что в прессе на фотографиях Роба из-за его спины будут высываться визжащие от восторга полоумные поклонники Сьюзи.

Однако, как говорится, не все совершенно в этом мире. Было уже тринадцать минут девятого. При таком развитии событий фильм мог начаться не раньше чем через полчаса. И все бы было хорошо, если бы эта чертовщина не тянулась слишком долго. Смонтированный Нидерманом фильм продолжался два часа сорок три минуты, и хотя киностудия обратилась через Пикетта к режиссеру с просьбой сократить ленту до двух часов, тот согласился урезать ее только на четыре минуты. Это означало, что закончиться ему надлежало в двенадцатом часу, а банкет в честь премьеры мог начаться лишь около полуночи. Так что предстоящая ночь обещала быть длинной.

Нидерману довольно быстро удалось отвлечь мисс Хенслетт от поклонников и направить к двери кинотеатра. Приближался самый важный момент вечера. Билетеры еще крепче схватились за виселицы, стараясь воспротивиться силе ветра. Наконец к тротуару подъехал длиннейший лимузин. И прежде чем в нем успела открыться дверца, фанаты – по преимуществу женщины – вошли в экстаз и на надрывной ноте принялись визжать:

– Тодд! Тодд! О боже! Тодд!

Замигали камеры – будто своеобразный семафор подавал сигнал о выходе человека из машины.

И он вышел.

Тодд Пикетт, звезда «Виселицы», тот, ради которого в первый день демонстрации фильма (это ожидалось в пятницу, а еще был понедельник) придет девяносто пять процентов зрителей. Тодд Пикетт, один из трех величайших звездных актеров в истории кинематографа. Тодд Пикетт, мальчик из Цинциннати, который плохо учился в школе, но закончил свою карьеру королем Голливуда.

Словно кандидат в президенты, он воздел руки в знак благодарности ликующей толпе. Затем вновь повернулся лицом к лимузину, чтобы подать руку сопровождавшей его в этот вечер даме, Вильгемине Бош. Бывшая официантка, затем модель, актриса и снова модель, она была той особой, вместе с которой последние четыре месяца Тодд посещал все вечеринки и премьеры, хотя, судя по слухам, их связывала только дружба.

Тодд обнял Вильгемину, чтобы на фотографии их запечатлели вместе, после чего, под вспышки огней и раскатыстые выкрики «Тодд, я люблю тебя!», взяв свою спутницу под руку, направился к входу в кинотеатр. Поглотив наиболее важных гостей этого вечера, двери демонстративно закрылись, словно разделили людей на важных и неважных, на родовитых и тех, кому суждено остаться на уличном ветру.

О том, что «Виселица» оказалась порядочным дерьмом, знали все, начиная с продюсеров, которые влили в постановку этого фильма девяносто миллионов долларов и еще тридцать семь – в его рекламу, до самого скромного журналиста.

Как отметил Корлис в своей рецензии в «Тайм», это был «старомодный фильм ужасов, чуждый лучшим традициям этого великого жанра и просто логичному развитию событий, которое присуще стилю Джона Ву и которое ожидали от фильма зрители. Сначала в кадре появляется Шварценеггер, затем, в качестве его невольного преемника, Тодд Пикетт, исполнивший свою роль с драматизмом Гамлета в роковую для Дании ночь. «Виселица» от начала до конца – дурная ловушка».

Каждый из тех, кто в тот незапамятный вечер шел по красной ковровой дорожке в здание кинотеатра, знал, какую рецензию на следующий день опубликует «Тайм». Еще две недели назад Корлис написал статью о состоянии современного кино, в которой весьма откровенно выразил свое презрение к фильму. Не требовалось быть прорицателем, чтобы предвидеть, что найдутся и другие возмущенные картиной люди. Однако размах их недовольства превысил ожидания даже тех, кто готовился к самому худшему. В последовавшие после премьеры сорок восемь часов «Виселица» пожинала плоды наиболее отрицательных отзывов, увидевших свет в последние двенадцать месяцев, – ожесточенность их позволила нажать на спусковой крючок и малоизвестным журналистам. Помимо невятного сюжета, как отметили все без исключения критики, картина в целом представлялась чрезвычайно блеклой, что явно обнаруживало безразличное отношение актеров к замыслу фильма. Их игра настолько разнилась по стилю, что казалось, будто их роли были написаны для совершенно разных картин. И кто же был в этом больше всех виноват? Такого вопроса даже не ставилось, поскольку все рецензенты единогласно сходились во мнении, что менее всего замыслу фильма соответствовала игра главной звезды, Тодда Пикетта.

Вот что писал о нем журнал «Пипл»: «В годах мистера Пикетта пора было бы знать, как надлежит исполнять подобные роли. Тридцатилетние актеры не имеют права играть так, как сыграл мистер Пикетт в этом фильме: когда его фирменный "двадцатилетний юноша с отметиной на плече и улыбкой на тысячу ватт" во второй раз (и даже в третий) появляется в кадре, мягко говоря, слегка несвежим, это никак не вяжется с сюжетом фильма. Хотя с тех пор, когда обаяние мистера Пикетта буквально зачаровывало публику, время пробежало слишком быстро, теперь он просто слишком стар, чтобы играть двадцатилетнего Винцента. Только Вильгемину Бош, поглощающая «Прозак» сестра Винцента, вышла из этой

заварухи с достоинством. Эта элегантная актриса с удивительно красивыми и правильными чертами лица сумела хоть как-то исправить положение, с чрезвычайной достоверностью передавая на экране страдания жизнерадостной девушки, жительницы Восточного побережья, а ля Кэтрин Хепберн. Однако все ее усилия потрачены впустую. Скажу даже больше, не будь этой героини в фильме, он превратился бы и для нас в пустое времяпрепровождение».

Публика, пришедшая на премьеру, казалось, была солидарна с автором рецензии. Хотя время от времени шутки на экране пробуждали в ней бурные возгласы и громкий смех (подчас чересчур громкий и несколько натужный), некоторые сцены второй части были столь затянутыми, что зрители теряли к фильму всякий интерес. Не добавила публике энтузиазма даже третья часть картины, когда действие перенеслось на орбитальную космическую станцию и количество спецэффектов изрядно возросло. Возмущенные действием злодеев, которые, вопреки всяким ожиданиям, направили на Вашингтон, округ Колумбия, оружие массового уничтожения, зрители исторгли несколько одиноких воплей и затихли. Когда же дым рассеялся и Тодд в роли новоиспеченного Гэллоуза собрался расправиться с дурными парнями, аудиторией вновь овладело беспокойство. Минут за пятнадцать до окончания фильма в крайнем ряду поднялся и направился по проходу в сторону уборной человек. Некоторые успели разглядеть его, когда он повернулся к экрану. Это был Тодд Пикетт, лицо которого озарилось светом от лица его героя. Никому даже не пришло в голову встать, чтобы попросить у него автограф.

На мгновение задержав взгляд на фильме, Тодд развернулся и побрел к выходу. В уборную он, впрочем, не пошел, а попросил билетера позволить ему пройти через задний выход. Тот ответил, что задняя часть здания не охраняется службой безопасности.

– Мне бы хотелось спокойно покурить, чтобы меня никто не видел, – пояснил Тодд.

– Почему бы и нет, – сказал служащий театра и повел Тодда по коридору, который тянулся вдоль тыльной стороны экрана, предоставив ему возможность обозревать свой образ в зеркальном отображении. Сцена, которая в это время разворачивалась в фильме, пробудила в памяти звезды единственное воспоминание – как чертовски неудобно он чувствовал себя в этом костюме.

– Вот сюда, пожалуйста, – сказал билетер, отпирая ключом дверь в конце коридора и пропуская Тодда в задний двор, освещенный фонарями близлежащего бульвара.

– Благодарю вас, – произнес Тодд, протянув своему провожатому купюру в двадцать долларов. – Я вернусь с главного входа еще до окончания фильма.

Поблагодарив его за чек, капельдинер удалился.

Тодд достал сигарету, но выкурить не успел. Тошнотная волна подкатила к его горлу с такой внезапностью и силой, что он едва сумел защитить смокинг. Среди рвотной массы были виски, которое он пил в лимузине, пицца, которой закусывал виски, а также изрядная порция сыра и анчоусов, добавленных к пицце. Когда первое извержение закончилось (внутреннее чувство подсказывало, что за ним последует и второе), Тодду хватило присутствия духа, чтобы осмотреться по сторонам. К счастью, на дворе он был совершенно один и отвратительной сцены никто не видел и, что еще важнее, не снимал на пленку. Ее единственными свидетелями были останки прошлых премьер, груда стендов и кричащих афиш, которые рекламировали некогда демонстрировавшиеся в кинотеатре фильмы: Мел Гибсон на фоне буровато-багрового пламени, глаз Годзиллы, нижняя часть туловища какой-то девицы в очень короткой юбке. Тодд выпрямился и пошел прочь от зловонной лужи, направляясь через кладбище прежних кумиров в самый темный закуток двора, где никто не потревожил бы его помутненную голову. Из кинотеатра до него до сих пор доносились оружейные хлопки и собственный приглушенный голос «Давай же, выходи, сукин сын», – кричал он кому-то на экране.

К этому моменту, если фильм удался, публика должна была войти в раж, вождедея увидеть долгожданную кровавую расправу. Однако, кроме оглушающей фонограммы, никаких криков не слышалось. Очевидно, зрителей фильм не захватил. Это был полный провал.

Тодд ощутил новый рвотный позыв. Он потянулся рукой вперед, пытаясь ухватиться за что-нибудь, чтобы не свалиться с ног, и наткнулся на рекламную доску с профилем Тома Круза, которая повалилась на стоявшую позади нее рекламу «Титаника», та в свою очередь плюхнулась на «Могучего Джо Янга» и так далее и так далее. Доски обрушивались друг на друга, как выстроенное в ряд домино. Кинозвезды падали на корабли, корабли – на монстров, после чего все исчезали в беспросветной мгле, среди которой отличить их друг от друга было уже невозможно.

Хорошо еще, что рвотное извержение приглушалось шумом его собственного голоса с экрана. Его вырвало дважды. Наконец желудок полностью опустел, и Пикетт, повернувшись спиной к отвратительной луже и поверженным идолам, пошел вдохнуть глоток свежего воздуха. Самое страшное было позади. Он зажег сигарету, которая помогла привести желудок в нормальное состояние, но вместо того, чтобы вернуться в зал, где шли завершающие сцены фильма, устремился вдоль торца здания к месту, мало-мальски освещенному с улицы. Тодду повезло, его костюм был ничуть не испачкан. Небольшое пятно на ботинке он вытер носовым платком, который тут же швырнул в сторону, после чего оросил рот «зимней свежестью» – баллончик с дезодорантом он всегда носил при себе. Волосы у него были коротко пострижены (такую прическу его герой носил в фильме, и с ней Тодд неизменно появлялся в обществе), поэтому Пикетт мог не волноваться, что они растреплются. Возможно, вид у него был слегка бледноватый. Но стоило ли из-за этого беспокоиться, когда на дворе была ночь?

Неподалеку от фасада здания Тодд заметил ворота, которые охраняла женщина-офицер службы безопасности. Сразу узнав Тодда, она открыла их.

– Спешите удалиться, пока толпа не накинута? – осведомилась она. Улыбнувшись, Пикетт кивнул в ответ. – Вас проводить к машине?

– Да, пожалуйста.

Один из исполнительных продюсеров фильма, с которым Тодд прежде никогда не работал, энергичный англичанин по имени Джордж Диппер, стоял на красной ковровой дорожке рядом с группой журналистов, которые, не обращая на него никакого внимания, разговаривали между собой и проверяли работу кинокамер перед появлением на улице киносветил. Поймав на себе взгляд Тодда, Джордж кинулся к нему, с такой поспешностью вытаскивая из кармана сигарету, будто от нее зависела вся его жизнь.

В зале раздались жиденькие аплодисменты, которые вскоре оборвались. Картина подошла к концу.

– Надеюсь, все прошло на высшем уровне. – Взгляд Джорджа умолял Пикетта вымолвить хоть слово в знак согласия. – Зритель был зачарован. Или ты так не считаешь?

– Все нормально, – уклончиво ответил Тодд.

– Сорок миллионов за первый уик-энд.

– Не следует слишком обольщаться.

– Думаешь, мы не сделаем сорок миллионов?

– Думаю, все будет хорошо.

Лицо Джорджа просветлело. Тодд Пикетт, человеку, которому платили двадцать миллионов долларов (плюс проценты со сборов сверху), заявил, что все будет хорошо. Все-таки есть Бог на свете! В какой-то миг Тодду показалось, что его собеседник от радости вот-вот разрыдается.

– По крайней мере, ни один крупный канал не выступил против, – произнес Тодд. – Так что этот уик-энд ничем не омрачен.

– И поклонники тебе преданы. – В глазах Джорджа вновь блеснуло отчаяние.

Тодд больше не мог вынести этого взгляда.

– Я собираюсь незаметно смыться, – сказал он, поглядывая на ворота.

Из кинотеатра начали выходить первые зрители. Если об общем мнении зала можно было судить по выражению лиц первых пяти человек, то инстинкт его не подвел: успех фильму явно не грозил. попрощавшись с Джорджем, Пикетт повернулся спиной к кинотеатру.

– Приедешь на вечеринку? – спросил Джордж, настигнув его на ковровой дорожке, по которой Тодд спускался к машине.

Где же Марко? Верный и преданный Марко, который, когда нужно, всегда был рядом с Тоддом...

– Да, подъеду попозже, – бросив взгляд через плечо, заверил постановщика Тодд. Не успел он отвести взор от дверей кинотеатра, как народ оттуда повалил валом. Многие успели заметить Пикетта. Еще несколько мгновений – и они его обступят, начнут скандировать его фамилию, говорить, что именно им понравилось, а что – нет, трогать его руками, толкать.

– Сюда, босс.

Марко окликнул Тодда из салона лимузина, дверь в который была открыта. Слава богу! Прежде чем толпа стала выкрикивать его имя, и замигали вспышки камер, Тодд со всех ног ринулся к машине. Захлопнув за ним дверцу (которую Тодд сразу же защелкнул на замок) и довольно быстро для своей комплекции обогнув лимузин, Марко сел на водительское место.

– Куда едем?

– На Малхолланд.

Малхолланд-драйв ленивой змеей тянулся на много миль, однако Марко не требовалось уточнять, где именно его босс желает остановиться. Неподалеку от каньона Холодных Вод дорога забирала вверх, и сверху открывался великолепный обзор долины Сан-Фернандо. Днем обычно окрестности каньона были окутаны серо-коричневым смогом. Но ночью, особенно летней, вид был на редкость восхитительным: Бербэнк, Северный Голливуд и Пасадена, простиравшиеся до темной стены гор, утопали в море янтарного света. И если вглядеться в темноту, то можно было разглядеть мерцание огней самолетов, кружившихся перед посадкой над аэропортом Бербэнка, или вертолетов, что пролетали над светящимися белым сиянием городами.

Люди нередко приезжали сюда, чтобы полюбоваться раскинувшимся внизу видом. Но на этот раз, слава богу, никого не было. Когда Марко припарковал машину, Тодд вышел и направился в сторону обрыва, чтобы обозреть окрестности.

Марко тоже выбрался со своего места и принялся протирать ветровое стекло лимузина. Этот мужчина весьма крупных размеров, с бородатым лицом – точно медведь, недавно очнувшийся от зимней спячки, – носил в себе любопытный набор достоинств: некогда Марко был борцом и обладал черным поясом джиу-джитсу, ныне являлся первоклассным поваром (хотя вкус Тодда и не отличался излишней взыскательностью), кроме того, числился дважды разведенным отцом троих детей и чуть ли не наизусть знал всего Вагнера. Но самое главное, он был чрезвычайно предан Тодду и являлся его правой рукой. Марко Капуто был причастен ко всем сферам жизни своего босса. Он нанимал и увольнял для него прислугу и садовников, приобретал и водил машины и, конечно же, выполнял все обязанности личного охранника.

– Дерьмовый фильм, да? – как бы между прочим заметил он.

– Даже хуже.

– Мне очень жаль.

– Ты-то тут при чем? Зря я за него взялся. Дрянной сценарий. А из дерьма конфетку не сделаешь.

- Не хочешь идти на вечеринку?
 - Нет. Но должен. Обещал Вильгемине. И Джорджу.
 - У тебя есть на нее виды?
 - На Вильгемину? Пожалуй. Хотя пока с определенностью сказать не могу. Надо разобраться в своих чувствах. К тому же у нее есть приятель в Англии.
 - Все англичане – страшные зануды.
 - Это уж точно.
 - Хочешь, я смотаюсь на вечеринку и привезу ее к тебе домой?
 - А если она не захочет?
 - О, прекрати. Когда это было, чтобы девица тебе отказывала?
- Тодд ничего не сказал в ответ, вместо этого молча уставился на аллею огней. С долины потянуло благоуханием цветов и запахом китайской кухни. Санта Ана, жгучий ветер из Мохаве, дул ему в лицо. Чтобы насладиться прелестью мгновения, Пикетт закрыл глаза, но перед внутренним взором тут же возник образ его героя из фильма, с которого он сегодня сбежал. С минуту Тодд молча изучал себя со стороны, после чего произнес:
- Как же я устал!

Глава 2

Два из трех наиболее удачных фильмов Тодд Пикетт сделал под руководством продюсера Кивера Смозермана. Первый из них назывался «Стрелок». Эта картина, претендовавшая на высокую идею и сдобренная изрядной дозой тестостерона, не только принесла Смозерману большую славу, но всего за несколько недель превратила Тодда, тогда еще никому не известного парня из Огайо, в настоящую кинозвезду. Для фильмов Смозермана требовался не актерский талант, а образчик физических достоинств, при виде которых у зрителей захватывало бы дух. Тодд Пикетт оказался именно из такой породы людей. Когда бы он ни представлял перед камерой – будь то в сцене с девушкой или на фоне военного самолета, – от него невозможно было отвести глаз. Камера придавала ему некое магическое очарование, а он, в свою очередь, оказывал колдовское действие на камеру.

В реальной жизни Тодд был привлекательным парнем, но не без изъянов: недостаточно высок, широкобедр и слегка кривоног. Однако на экране эти физические недостатки исчезали, и он становился воплощением мужского совершенства, с мужественной, как у истинного героя, формой скула, лучезарными глазами, чувственной и одновременно суровой линией рта. Его естественная красота соответствовала вкусам времени, и к концу первого лета, которое принесло Пикетту невероятную славу, образ его героя в белоснежной униформе, выгодно подчеркивавшей заманчивость ягодиц, оставил неизгладимый след в истории кинематографической иконографии.

Через несколько лет на кинонебосклоне взошли новые звезды, многие из них так же быстро, как и Тодд. Однако достойно воспринять неожиданно пришедшую к ним славу, как в свое время сделал Тодд Пикетт, сумели далеко не все. Он готовился к восхождению на Олимп чуть ли не с того дня, когда его мать, Патриция Донна Пикетт, впервые повезла его в кино в Цинциннати. Наблюдая за множеством мелькавших на экране лиц, он уже тогда подспудно ощущал (по крайней мере, так он заявил позже), что создан для этого мира и что если очень захочет и приложит старания, то примкнуть к параду кинозвезд для него будет лишь вопросом времени.

После успеха в фильме «Стрелок» он без особого труда включился в работу фабрики кинозвезд. Во время интервью Тодд всегда держался почтительно и скромно, беседовал с журналистами в такой непринужденной и веселой манере, что покорял даже отъявленнейших циников. Хотя он вполне сознавал действие собственных чар, ему было несвойственно самодовольство; несмотря ни на что, он никогда не забывал о своих корнях на Среднем Западе и оставался по-детски преданным матери. Но больше всего привлекало в его персоне то, что он всегда честно, без всякого притворства, признавал свои актерские недостатки, и это было совершенно новым явлением в кинематографе.

Через год после выхода в свет «Стрелка» Пикетт снялся подряд в двух картинах. Прежде всего это был очередной супербоевик Смозермана под названием «Молния», который был выпущен к Дню независимости и побил все прежние рекорды кассовых сборов. Второй фильм, «Уроки жизни», приуроченный к рождественским праздникам, представлял собой приятную сентиментальную историю; в ней Тодд снялся в паре с Шерон Кэмпбелл, бывшей моделью «Плейбоя» и нынешней актрисой, которая в свое время стала объектом пристального внимания бульварной прессы из-за развода с мужем, дебоширом и алкоголиком. Участие в фильме одновременно двух звезд было воспринято публикой самым благоприятным образом, и Тодд не встретил ни одной резкой рецензии в свой адрес. Хотя его популярность целиком и полностью зиждилась на внешних данных, критики отмечали, что в нем вполне определенно проявлялись признаки актера, который в своем стремлении завоевать зрителя обнажает в себе все новые и новые качества. Тодд никоим образом не стеснялся

проявлять слабость характера и дважды в «Уроках жизни», согласно сценарию, рыдал, почти как дитя. Картина стала хитом сезона, и оба ее создателя сделали на имени Тодда большие деньги. Для театральных касс он стал воистину золотой находкой.

В последующее десятилетие слава работала на Тодда. Разумеется, некоторые роли ему удавались лучше других, но даже самые худшие из его актерских работ по сравнению с жалкими потугами большинства современных артистов, можно сказать, имели триумфальный успех.

Конечно, материал для съемок предоставлялся ему не по собственному усмотрению. С самого начала у него сложились тесные отношения с менеджером Максин Фрайзель. Это была невысокая стервозная дамочка сорока с лишним лет, которую некогда окрестили Самой Отвратительной Персоной Голливуда и которая, прослышав о какой-нибудь церемонии награждения, неизменно спрашивала, будет ли та совершаться достаточно торжественно. Когда Максин впервые взялась представлять Пикетта, у нее были и другие клиенты, но едва его карьера пошла в гору, она оставила всех и всецело посвятила себя Тодду. Вскоре эта особа вошла в плоть и кровь всех его дел, всех сфер его жизни – как личной, так и профессиональной. Цена, которую она требовала за услуги Пикетта, быстро достигла неслыханных высот, причем для совершения любой сделки она выезжала на дом. Свою точку зрения Максин Фрайзель навязывала буквально во всем: как в части изменения сценария, так и в подборе актеров, найме кинорежиссеров, операторов, декораторов и художников по костюмам. Главной ее заботой были интересы ее чудо-мальчика. Говоря языком прежней, феодальной системы, она правила из-за трона короля. Любой, кто работал вместе с Тоддом – от главы киностудии до незаметного стилиста, – рано или поздно с ней сталкивался, и на каждого эта встреча производила неизгладимое впечатление.

Безусловно, со временем очарование Пикетта не могло не потускнеть. Восходили одна звезда за другой, с каждым новым сезоном на экране появлялись все новые лица, и через десять лет публика, которая в восьмидесятые годы не давала Тодду прохода, начала искать себе иных кумиров. Вовсе не потому, что он теперь хуже играл, – просто другие стали играть лучше. У супербоевика появилось новое направление. Такие кассовые фильмы, как «День независимости» и «Титаник», за очень короткий срок принесли невероятный доход, и по сравнению с ними бывшие суперхиты кинематографа теперь имели весьма скромный успех.

Дабы удержать уходящую из-под ног почву, Пикетт решил вновь пойти на сотрудничество со Смозерманом, который тоже был бы не прочь вернуть их былую славу. Они решили создать картину под названием «Боец». В основе сюжета этого фильма лежала довольно примитивная история уличного драчуна из Бруклина, который со временем превратился в отчаянного защитника своей земли от мародерствующих врагов. Нелепый в своей неправдоподобности сценарий представлял собой заимствованные клише из модных в пятидесятых годах фантастических фильмов. Чтобы поставить и выпустить картину на экран, поначалу планировалось уложиться в сто миллионов долларов, однако Смозерман был убежден, что в случае надобности сумеет договориться с киностудиями «Фокс» или «Парамаунт».

У картины есть все необходимое для зрелищного фильма, говорил он, – легкодоступная идея (простой парень при помощи своей смекалки и грубой физической силы побеждает суперразвитую межгалактическую империю), дюжина сцен, которые можно украсить современными спецэффектами, и тот тип героя, который Тодд может сыграть даже во сне, а именно: обыкновенный парень при экстраординарных обстоятельствах. Если фильм, у которого есть все задатки будущего хита, не получит зеленый свет, киностудиям об этом придется горько пожалеть.

Ему было трудно что-либо возразить. Как человек, Смозерман являл собой некую пародию на беспрестанно тараторящего торговца, который в любую минуту мог взорваться.

Поскольку кроме всего прочего он был весьма озабочен сексуально, в его непосредственном окружении постоянно обитало множество «крошек», как он сам их называл. Обыкновенно он обещал такой «крошке» дать главную роль, в случае если она сумеет достойно пройти пробу у него в будуаре, но в конечном счете отказывал, как только та ему наскучивала.

Подготовка к съемкам «Бойца» проходила довольно гладко, пока не случилось непредвиденное. Неделью спустя после своего сорокачетырехлетнего дня рождения Смозерман скончался. О неумности его appetитов всегда слагались легенды; в любом городе он умел отыскать злачное место, чтобы всласть ублажить свою ненасытную плоть. Обстоятельства смерти лишний раз подтвердили его репутацию: он умер за столиком в одном ночном клубе Нью-Йорка во время лесбийского шоу. Сердечный спазм, очевидно, оказался столь сильным и неожиданным, что лишил жизни Смозермана прежде, чем тот успел позвать на помощь. Когда обнаружили бездыханное тело продюсера, его лицо покоилось на кипе пакетиков с кокаином. В отличие от большинства своих современников, которые, щадя свои носовые пазухи, перешли на более усовершенствованную форму приема зелья, Смозерман продолжал потреблять его по старинке, но в лошадиных дозах. Это был один из тридцати пяти запрещенных препаратов, что обнаружили в его организме при вскрытии.

Согласно воле покойного, он был похоронен в Лас-Вегасе. Как Смозерман всегда утверждал, здесь он пережил самые счастливые дни своей жизни – все выиграл и все потерял.

Дважды упомянутая во время панихиды, эта фраза глубоко врезалась в память Тодда, и мурашки от мрачного предчувствия пробежали у него по спине. Смозерман всегда знал и вполне примирился с мыслью, что все происходящее в Голливуде – просто игра, а следовательно, можно потерять все, что имеешь, в мгновение ока. Он был азартным человеком и находил удовольствие в самой возможности провала, более того, она придавала особую пикантность успеху. Что же касается Тодда, то он никогда не изменял покеру и рулетке. Слушая хвалебные речи лицемеров, большинство из которых Смозермана откровенно ненавидели, Тодд понимал, что уход Кивера из жизни мрачной тенью ляжет на его, Пикетта, актерское будущее. Золотые деньки остались в прошлом, и уже недалек был тот день, когда его место под солнцем займут другие; если, конечно, этот день уже не наступил.

На следующий после похорон день Тодд поделился своими опасениями с Максин. Однако она, как всегда самоуверенная, поспешила его переубедить.

– Смозерман был динозавром, – сделав глоток водки, произнесла она. – Все эти годы люди носились с его дерьмом только потому, что буквально на всем он умел делать крупные деньги. Но, честно говоря, он был падшим человеком. А ты – классный актер. Так с какой стати тебе волноваться?

– Не знаю, – в голове Тодда гудело от выпитого спиртного, – порой погляжу на себя со стороны...

– И что?

– Я уже не тот парень, который снимался в «Стрелке».

– Конечно нет, черт тебя побери. Тогда ты был никто. А теперь один из известнейших актеров в истории кино.

– Теперь хватает других героев.

– Ну и что из этого? – парировала Максин, пытаясь развеять его сомнения.

– Не надо, слышишь! – отрезал Тодд, стукнув ладонью по столу. – Не делай этого! Оставь свои увещевания! Ладно? Смозерман хотел вернуть меня на пьедестал, но сыграл в ящик! Мы сели в лужу. И нам надо думать, как из нее выбраться.

– Ладно, успокойся. Я только хотела сказать, что Смозерман нам не нужен. Мы найдем кого-нибудь, чтобы переработать сценарий, если ты этого хочешь. Потом подыщем толкового режиссера, чтобы его поставить. Кого-нибудь, кто владел бы современным стилем.

Смозерман был чересчур старомоден. Все у него делалось по-крупному. Большие сиськи. Большие автоматы. Но современного-то зрителя этим уже не возьмешь. Нужно все время держать нос по ветру, иначе можно опоздать. Знаешь, хоть мне и неприятно это говорить, но смерть Смозермана сыграла нам на руку. Тебе требуется нечто новое. Новый образ Тодда Пикетта.

– Думаешь, это так просто? – ухмыльнулся Тодд, хотя очень хотел верить, что Максин разрешит его проблему.

– А что в этом сложного? – возразила ему Фрайзель. – Ты крупная звезда. Нам лишь нужно вновь поместить тебя в центр зрительского внимания. – Поразмыслив с минуту, она добавила: – А знаешь что? Пожалуй, нам стоит пообедать с Гарри Эппштадтом.

– О боже, зачем? Ты же знаешь, как меня воротит от этого мерзкого говнюка.

– Может, он и говнюк. Но тебе же нужно, чтобы кто-то платил за съемки «Бойца». А ради того, чтобы этот сукин сын отвалил тебе за роль двадцать миллионов плюс хороший процент, ты вполне можешь побыть с ним часок-другой паинькой.

Глава 3

Столь нелестное мнение об Эппштадте сложилось у Тодда не только из-за личной неприязни. Гарри воистину был наиотвратительнейшим человеком во всем Лос-Анджелесе. Сказать, что глаза у него были змеиными, а губы – не созданными для поцелуев, пожалуй, для его наружности было бы большой лестью. Должно быть, слепо любившая его матушка некогда и намекала сыну на непропорциональность его сложения, тем не менее, он оставался нарциссом высшей марки, носил самые дорогие костюмы и тщательнейшим образом ухаживал за ногтями. Личный парикмахер каждое утро не только орудовал над его щетиной опасной бритвой, но также приводил в порядок крашенные волосы.

Сколько молитв было обращено к этой бритве, дабы она ненароком сорвалась из рук цирюльника! Однако Эппштадт, очевидно, родился в рубашке. Переходя из одной киностудии в другую и приписывая все успехи себе, а провалы – своим непосредственным подчиненным, которых незамедлительно увольнял, он лишь обретал все больший вес. Старый как мир прием, но работает безотказно. Когда власть начала переходить к крупным корпорациям, а киностудиями стали управлять советы бизнесменов и юристов, жаждущих приложиться к творческому пирогу, Эппштадт оказался единственным представителем старой школы. Он никогда не испытывал недостатка во власти, равно как в людях, нуждавшихся в его покровительстве, к которым всегда мог придрататься, чтобы повесить на них всех собак. Для него это было удовольствием и своего рода мезью. Зачем ему нужна была красота, когда он умел кого угодно заставить трепетать с помощью улыбки и многообещающего «возможно»?

В понедельник, когда Тодд в сопровождении Максина встретился с Эппштадтом на ланче, тот находился в весьма благодушном расположении духа. Последний уик-энд весь «Парамаунт» сотрясался от картины, к созданию которой Гарри приложил свою руку. После двух абсолютно провальных предварительных просмотров он уволил главного режиссера и нанял другого, чтобы достойно снять сцену изнасилования и концовку фильма, в которой потерпевшая женщина убивает своего обидчика с помощью садовых ножниц.

– Тридцать два целых и шесть десятых миллиона долларов за три дня, – разбухая от гордости, говорил он. – И не когда-нибудь, а в январе. Это же хит! И знаете, что еще? В картине нет ни одной звезды. Только мало-мальски знакомые по телесериалам лица. Вот это, я понимаю, маркетинг!

– А вообще в картине есть хоть что-нибудь стоящее? – осведомился Тодд.

– Ну, да. Это все тот же проклятый Гамлет, – с прежним энтузиазмом ответил Эппштадт. – Что-то ты неважно выглядишь, дружок, – продолжал он. – Тебе надо бы отдохнуть. Я тут провел несколько дней в мужском монастыре...

– В монастыре?

– Звучит несколько странно, да? Но до чего же там хорошо! Такая тишина, покой. К тому же у них там много евреев. Правда. Я встретил там больше евреев, чем в баре моего племянника. Поезжай туда, Тодд. Отдохнешь, не пожалеешь.

– Не хочу я отдыхать. Хочу работать. Нам пора начинать съемки «Бойца».

– О боже! – Жизнерадостное выражение вмиг сошло с лица Эппштадта. – Так вот, значит, зачем ты пригласила меня на ланч, Максин!

– Говори же, согласен ты или нет, – упорствовал Тодд. – Потому что найдется куча желающих за него взяться, в случае если ты откажешься.

– Тогда, может, вы лучше отдадите его кому-нибудь из этой кучи? – прищурился Эппштадт. – Если захотите, можно произвести в нем некоторые коррективы. Как раз сегодня я занимался делами такого рода.

– Если я правильно поняла, ты готов отказаться от своего шанса? – стараясь сохранять безразличный тон, спросила Максин.

– Готов без зазрения совести, если Тодд хочет услышать от меня конкретный ответ. Не испытываю ни малейшего желания стоять у вас на пути при создании этой картины. Кажется, тебя это удивляет, Максин?

– Да, удивляет. Такой материал... для «Парамаунт» мог бы стать грандиозным хитом.

– Честно говоря, не уверен, что сейчас стоит снимать картины такого плана, Максин. Стало слишком трудно ориентироваться в запросах времени. А ведь это дорогостоящие фильмы. Прежде чем мы доберемся до кинокопий и рекламы, расходы в лучшем случае перевалят за сто тридцать миллионов долларов. Нет, я не уверен, что с точки зрения капиталовложений это разумный проект. – Он выдавил из себя скупую улыбку, в которой сквозила ухмылка хищника, – Послушай, Тодд. Я не прочь иметь с тобой дело. «Парамаунт» готов с тобой сотрудничать. Господи, да ты же столько лет был для нас золотым прииском! Но за это время пришло другое поколение. Ты и сам об этом знаешь не хуже меня. А этим деткам подавай разнообразие. Они не желают преданно глазеть на вчерашний день.

Зная, какое действие возымеют на собеседника эти слова, Эппштадт испил чашу наслаждения до последней капли.

– Видишь ли, в старые добрые времена киностудии были вполне в состоянии поддерживать звезд на протяжении творческого простоя. Заключали со звездой семилетний контракт, платили еженедельное жалованье. Могли позволить себе год-другой снимать звезду во второстепенных ролях. Но ты же очень дорогой актер, Тодд. Катастрофически дорогой. А мне приходится отчитываться перед акционерами. И я отнюдь не уверен, что они захотят, чтобы я заплатил тебе двадцать миллионов долларов за картину, которая от силы может дать... Кстати, какой доход принесла твоя последняя картина? Сорок один с мелочью на местном рынке?

– Очень грустно слышать все это из твоих уст, Гарри, – произнесла Фрайзель, сделав театральный вздох.

– А мне очень жаль, Максин, что я вынужден говорить вам это. Поверь, искренне жаль. Но деньги любят счет. Я должен быть уверен, что кино принесет прибыль. Иначе зачем мне его снимать? Вы же понимаете, что мною движет. А эта затея просто не имеет смысла.

– Прошу меня простить. – Максин встала из-за стола. – Я отлучусь на минуту. Мне нужно позвонить.

В ее голосе Эппштадт уловил искру, грозившую разгореться пламенем.

– Только умоляю тебя, Максин, давай обойдемся без адвокатов. Ведь мы же цивилизованные люди.

Ничего не ответив, она прошествовала между столиками к официанту, который указал ей дорогу к телефону. Проглотив кусок свежепросоленного тунца, Эппштадт отложил в сторону вилку.

– В такие минуты я жалею, что бросил курить. – Откинувшись на спинку стула, он смерил тяжелым взглядом Тодда. – Не дай бог, она опять устроит свои любимые торги. Тодд, не позволяй ей это делать. Если меня загонят в угол, я буду вынужден встать и сказать все как есть. И тогда начнется такая катавасия, что мало никому из нас не покажется.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что хочу сказать? – Эппштадт поморщился так, будто под его креслом орудовал проктолог. – Не стоит тебе спекулировать цифрами, как будто ты стоишь тех денег, которых, мы все это знаем, ты не стоишь.

– Но ты же сам сказал, что я был золотым прииском для «Парамаунт». Сказал всего две минуты назад.

– Это было тогда. А теперь сейчас. Это был Кивер Смозерман, поздний Смозерман. Последний из могикан.

– Что ты имеешь в виду?

– Давай я лучше скажу, что я не имею в виду, – вкрадчиво промолвил Эппштадт. – Я не имею в виду, что ты не сделал карьеру.

– Приятно слышать, – резко бросил Тодд.

– Я не прочь найти для нас с тобой общее дело. Но...

– Но?

Казалось, Эппштадт глубоко задумался, прежде чем ответить.

– Ты талантлив, Тодд, – наконец произнес он – Вполне очевидно, что твоя слава строилась не на пустом месте. За многие годы ты это всем доказал. Но у тебя нет той притягательной силы, что была прежде. Эта участь неминуемо ждет всех дорогостоящих парней киноэкрана. Будь то Круз, Костнер или Сталлоне. – Помолчав немного, он наклонился к Тодду и, понизив голос до шепота, добавил: – Хочешь начистоту? Ты выглядишь усталым. Точнее сказать, подержанным. – Тодд резко выпрямился, словно ему в лицо плеснули холодной водой. – Прости за прямоту. Но не думаю, что для тебя это было откровением.

Тодд уставился на правую руку, представляя себе, с каким удовольствием он сжал бы ее в кулак и съездил несколько раз по физиономии Эппштадта.

– Конечно, ты можешь это дело уладить, – беззаботно продолжал Гарри. – Лично я знаю двоих ребят, которые обратились за помощью к Брюсу Берроузу. Когда он закончил с ними работать, они помолодели лет на десять.

– А кто такой Брюс Берроуз? – осведомился Тодд, продолжая созерцать правую руку.

– Многие считают, что он лучший пластический хирург в нашей стране. У него офис в Уилшире. Услуги его абсолютно конфиденциальные. И очень дорогие. Но ты вполне можешь себе их позволить. Он делает все: пересадку кожи, подтяжку, пилинг, удаление жировых отложений...

– А кто к нему обращался?

– Да почти все. Тут нечего стыдиться. Это неумолимый факт жизни. С годами становится все сложнее скрывать следы времени. От смеха начинает морщиться кожа под глазами, от мимики углубляются бороздки на лбу и образуются складки у рта.

– Но у меня нет никаких складок у рта.

– погоди, скоро будут, – не без фамильярности заверил его Гарри.

– И сколько это займет времени?

– Этого я не знаю. Никогда ничего подобного не предпринимал. Уж если я туда попаду, то, боюсь, никогда не выберусь.

– Слишком много косметических проблем?

– Хочешь отыграться на мне? Я всегда считал это дурным тоном. Но я тебя прощаю. Знаю, больно услышать о себе горькую правду. Но все дело в том, что мне не нужно красоваться своим лицом на широком экране. А тебе нужно. Тебе за него платят. – И, ткнув в Пикетта пальцем, добавил: – За это вот лицо.

– Если я решусь что-то сделать... – осторожно начал Тодд, – я имею в виду морщины...

– Ну?

– Ты согласишься взяться за съемки «Бойца»?

– Возможно. – Эппштадт не преминул пустить в ход свое коронное слово. – Не знаю. Посмотрим. Но, судя по тому, как я себе представляю этот фильм, ты не много потеряешь, если он не выйдет на экран. Хотя ты и старомоден, у тебя есть свой зритель, который в тебе души не чаёт. Ему нравится видеть, как ты пинаешь в зад плохих мальчишек и получаешь в награду девушку. И он хочет, чтобы его кумир во всех отношениях был совершенным. – На мгновение Гарри остановил взгляд на Тодде. – Ты обязан быть совершенным. Берроуз

может это сделать. Может вернуть тебе молодость. И ты вновь станешь королем Голливуда, Думаю, ты именно этого хочешь.

Тодд робко кивнул, будто речь шла о присущем только ему недостатке.

– Поверь, я глубоко тебе сочувствую, – продолжал Эппштадт, – мне довелось повидать много людей, которые буквально съедали себя, когда теряли популярность. Губили себя из-за каких-то морщин. С тобой этого не случилось. По крайней мере, пока – Он взял Тодда за локоть. – Отправляйся к доктору Берроузу. Узнай, что он сможет для тебя сделать. А через полгода мы с тобой поговорим.

Тодд не стал посвящать Максин в разговор о докторе Берроузе. Он не хотел, чтобы своим мнением она помешала ему самостоятельно принять решение. Это был как раз тот случай, когда посторонние советы могли только испортить дело.

Хотя имя доктора Тодд слышал впервые, он был совершенно уверен в том, что тот проживал в столице пластической хирургии, где выпрямляли носы, делали пухлыми губы, удаляли пигментацию, избавляли от лопухости, разглаживали на лице морщинки, убирали складки на животе, поднимали ягодицы, увеличивали груди. Любая часть тела, если таковая создавала какие-то неудобства его обладателю, могла быть исправлена, причем нередко до неузнаваемости. Хотя обычно за такими услугами обращались женщины, всегда охотно прибегавшие к помощи подобного специалиста и являвшиеся его благодарными пациентами, в последнее время положение дел изменилось. Так, один из мускулистых мальчиков эпохи восьмидесятых, который на протяжении нескольких лет довольно успешно демонстрировал пропорции супермена, но в последнее время несколько пообвис, неожиданно появился на широком экране в еще более накачанной форме, чем прежде. Было вполне очевидно, что его безупречная мышечная система, вплоть до икр ног, была хирургически имплантирована. Учитывая количество преобразований, которым подверглось его тело, на лечение потребовалось немалое время. На протяжении пяти месяцев его никто не видел, и, судя по слухам, он скрывался в Тускани. Однако усилия его не пропали даром. Покинув экран, как драная боксерская перчатка, он вернулся на него, точно новая монетка.

Тодд начал окольными путями наводить справки, надеясь, что задаваемые им вопросы не навлекут на него подозрений.

Как выяснилось, косметические операции были далеко не безболезненными. Даже самые выносливые парни, метаясь в послеоперационном бреду, проклинали тот день и час, когда их угораздило пойти на такую жертву. К тому же, решившись на этот отчаянный шаг, некоторые оставались недовольны результатом. Зачастую им приходилось соглашаться на повторную операцию. И возможно, даже не одну. Словом, рана за раной, боль за болью.

Тем не менее, новости не обескуражили Тодда. Любопытно, что полученные им сведения о пластической хирургии возбудили в нем к этой области еще больший интерес, который он питал, с одной стороны, как представитель сильной половины человечества, а с другой – вследствие глубоко скрытой в подсознании склонности к мазохизму.

Кроме того, для него не существовало большего страдания на Богом созданной земле, чем листать в очередной раз «Дейли верайети» и не находить на его страницах ни единого упоминания о своей персоне. Другие актеры, чьих имен он подчас даже и не слышал, получая роли и сценарии, заключали контракты, которые в свое время могли сыпаться на него со всех сторон. Что могло быть хуже, чем каждый день читать об этом? Воистину нет на свете более страшной и острой боли, чем новости о чужом успехе. Когда речь шла об актере, старше Тодда по возрасту, это было еще полбеды. Но если таковым являлся его ровесник или, что еще хуже, кто-нибудь моложе или красивее, он начинал сходить с ума и впадал в такое мрачное состояние духа, что выбраться из него без таблетки транквилизатора был

больше не в состоянии. Но теперь даже наркотики не помогали ему так, как прежде. Должно быть, организм к ним привык – уж слишком много Пикетт их принимал.

И что же делать, что делать?

Продолжать просиживать свою раздающуюся задницу, избегая собственного отражения в зеркале, – или брать быка за рога и идти на прием к доктору Берроузу?

Минула неделя, прежде чем он пришел к окончательному решению. Однажды вечером, переключая телеканалы на своем шестидюймовом экране и попивая виски, он случайно наткнулся на передачу, посвященную прошлогодней церемонии вручения «Оскара». Молодой актер, который, как известно, далеко не выделялся красотой, получил три премии за картину, в которой не только исполнил главную роль, но также – что, по крайней мере, делало ему честь – явился автором ее сценария и режиссером. Но что это была за игра? Безусловно, он блистал в золотом освещении чуть ли не в каждом кадре этой чертовой ленты, исполняя роль заикающегося, умственно неуравновешенного парня с далекого Юга, прототипом которого послужил брат его отца, якобы трагически погибший от рук линчевателей, которые по ошибке приняли его за насильника. Этот амбициозный молодой человек, покоривший фабрику звезд заимствованным из семейной истории рассказом о человеческом духе, оказался во всех отношениях идеальным номинантом на «Оскар».

Между тем истинная судьба дядюшки оказалась куда менее трогательной и притягательной. Помимо того, что он не подвергся линчеванию и был самым, что ни на есть, живым среди живых (во всяком случае, такие ходили слухи), ему пришлось отсидеть двадцать два года в тюрьме за изнасилование, которое он даже не пытался опротестовать. Выпускавшая этот фильм киностудия щедро заплатила ему, чтобы он помалкивал, пока история его жизни не выйдет на экран в интерпретации Голливуда, а «золотой мальчик» с ослепительной улыбкой на устах не получит за нее три «Оскара». Тодд имел все основания утверждать, что режиссерские способности этого актера ограничивались знаниями географии родных мест.

Но этот парень был не единственным претендентом на трон Тодда. Вокруг вилось и много других самонадеянных молокососов, метивших на роль короля Голливуда. Едва место Пикетта опустеет, к нему кинется много желающих.

Да пошли они все!.. В свое время он вышвырнет этих подонков с незаконно занятого пьедестала. В считанные дни вернет себе славу и любовь публики, а сукины дети с голой задницей покатаются туда, откуда пришли.

Неужто ради этого не стоит потерпеть в течение нескольких недель некоторые неудобства? Стоит! Хотя бы ради того, чтобы увидеть, как исказятся их смазливые физиономии, когда они поймут, что слишком рано прицелились на его место.

Что бы там ни говорили в недавнем прошлом, король людских сердец не умер. Он обязательно вернется и будет выглядеть на миллион долларов.

Глава 4

В тот день, когда Тодду была назначена первая консультация у доктора Берроуза, случилось непредвиденное, и ему пришлось отложить визит.

– Боюсь, вы не поверите моим оправданиям, – начал он, обращаясь к секретарю приемной Берроуза, – но, клянусь, это чистая правда.

– Я вас слушаю.

– У меня заболела собака.

– Подобными объяснениями нас кормят нечасто. Пятерка вам за оригинальность.

В то утро Демпси, пес Тодда, выглядел не лучшим образом: поднявшись, он собрался пойти во двор справить нужду, но вместо того странно заковылял, словно у него отнялась одна лапа. Пикетт спустился узнать, что с ним случилось. Хотя на хозяина и глядела счастливая собачья морда, но все же глаза у пса блуждали, будто ему было трудно сфокусировать взгляд.

– Что стряслось, парень?

Тодд опустил на колени и погладил своего питомца за ушами. В ответ Демпси одобительно заурчал. Однако пес чувствовал себя неудобно и, казалось, в любую минуту мог упасть.

Позвонив Максину, Тодд сказал, что собирается ехать к ветеринару.

– Что-то стряслось с твоей четвероногой цацей?

– Доживешь до его лет – тоже станешь цацей, – отозвался Тодд. – Тем не менее, ты права. С ним что-то стряслось. Его не держат лапы.

Тодд приобрел пса одиннадцать лет назад, когда тот был еще щенком. Тогда Пикетт только-только приступил к съемкам в «Стелке», и щенок, совсем недавно отнятый от материнской груди, повсюду сопровождал его, даже на съемочной площадке.

Тодд души не чаял в своем любимце, а Демпси воспринимал его любовь как дарованное ему Богом право. Они стали неразлучны. Тодд и Демпси. Демпси и Тодд. Благодаря всеобщему расположению, которым был наделен пес почти с первых дней жизни, он стал чересчур самоуверенным: никогда никого не боялся и неизменно проявлял дружелюбие к тем, кто не пугался его.

Ветеринара звали доктор Спенсер; эта энергичная чернокожая дама следила за здоровьем Демпси с самого его раннего возраста. Она провела осмотр, который подтвердил опасения Тодда: Демпси в самом деле был нездоров.

– Сколько ему сейчас лет?

– В марте будет двенадцать.

– Ну да, правильно. Мы не знали точной даты его рождения, поэтому написали...

– ... Ночь «Оскара».

– В чем дело, парень? – обратилась доктор Спенсер к Демпси, почесывая ему подбородок. – Совершенно очевидно, что он не такой жизнерадостный, как обычно.

– Да.

– Я хотела бы оставить его здесь, в лечебнице, чтобы провести небольшое обследование.

– Я принес на анализ кал, как вы просили.

– Спасибо.

Тодд достал небольшой закрытый контейнер с испражнениями Демпси.

– Он подхватил какой-то вирус, – предположила доктор. – Мы дадим ему антибиотики, и он скоро будет здоров.

– Но у него что-то странное с глазами. Взгляните. Он не может сфокусировать на нас взгляд.

Демпси, который прекрасно понимал, что речь шла о нем, поднял голову, но было совершенно очевидно, что остановить на ком-нибудь из них глаза ему очень трудно.

– Ведь это не может быть от старости, правда же? – продолжал Тодд.

– Скорее всего, нет. Прежде он был очень здоровым псом и, насколько я могу судить по своему опыту, должен прожить гораздо дольше любой непородистой собаки. Оставьте его у меня. А в конце дня позвоните.

Тодд последовал ее совету. Ничего нового из посещения ветеринара он не вынес. Анализ направили в лабораторию, а Демпси по-прежнему выглядел больным и несколько растерянным, хотя заметного ухудшения его состояния не наблюдалось.

– Если хотите, можете вечером забрать его домой или оставить здесь. Ему у нас будет хорошо. Правда, с одиннадцати вечера до шести утра за состоянием собак у нас никто не присматривает, но беспокоиться...

– Я приеду и заберу его.

Несмотря на то, что доктор Спенсер утверждала, что состояние Демпси не ухудшилось, Тодд ей не поверил. Обычно, когда ему приходилось на пару часов оставлять своего питомца в ветеринарной клинике – на прививку или на профилактический осмотр, – пес всегда встречал его диким восторгом и всем своим видом давал понять, что не прочь поскорей вырваться на улицу, пока ему не всадили в бок очередную иглу. Сегодня же, показавшись из-за угла, Демпси, казалось, не сразу понял, что за ним приехал хозяин. И только подойдя ближе к двери, пес обнаружил некоторые признаки радости. Доктор Спенсер к этому времени уже уехала домой, и Тодд спросил у дежурной номер ее домашнего телефона, однако, как выяснилось, не все было подвластно даже такой знаменитости, как Тодд Пикетт.

– Ей нужно заботиться о своих детях, – сказала медсестра, – Она с любовью относится к своей работе, однако работа не должна мешать личной жизни.

– Но иногда ведь требуется неотложная помощь?

– Советую вам обратиться в круглосуточную ветеринарную больницу в Сепульведе. Там ночью всегда дежурят врачи. Но лично я считаю, что ваш пес на прогулке подхватил какой-то вирус. И нужно будет всего лишь пройти курс антибиотиков.

– Ну, тогда могу я хотя бы дать ему антибиотики? – осведомился Тодд, несколько раздраженный равнодушным отношением медсестры к болезни Демпси.

– Доктор Спенсер считает, что не следует ничего давать до тех пор, пока не будут готовы результаты анализа стула. Поэтому, боюсь, до завтра Демпси придется обойтись без лекарств.

Демпси ничего не ел. Поглядев на плошку с пищей, которую ему приготовил Марко, пес тотчас отвернулся. После этого, устроившись на пороге задней двери, провел в лежачем положении весь остаток вечера.

Посреди ночи Тодд проснулся от странного шума, напомнившего ему звуковые эффекты из фильма «Изгоняющий дьявола». Пикетт зажег свет в спальне и обнаружил у своей кровати Демпси. Тот стоял посреди желтой зловонной лужи и выглядел очень пристыженным из-за учиненного им безобразия. Когда же хозяин обнял пса, то понял, что дело плохо: холодное тело Демпси была сильная дрожь.

– Потерпи, мой хороший, – принялся успокаивать его Тодд. – Нам с тобой нужно найти хорошего доктора.

Марко, который проснулся от шума, быстро оделся и приготовился идти к машине. Тодд завернул своего питомца в любимое стеганое одеяло, которое сшила для внука соб-

ственными руками бабушка, и всю дорогу, пока машина неслась по пустынным улицам в направлении Сепульведы, пес лежал у хозяина на коленях.

Когда они прибыли в ветеринарную клинику, на часах было пять минут шестого утра. В приемной сидели два человека, ожидая, когда их больным питомцам окажут помощь, поэтому прошло двадцать пять минут, прежде чем доктор смог заняться Демпси. За это время, как показалось Тодду, состояние пса еще больше ухудшилось.

– Итак, – весело начал дежурный доктор, – что с ним произошло?

Тодд поведал ему грустную историю прошедшего дня, после чего врач попросил его положить Демпси на стол для осмотра, одновременно заметив, что является большим поклонником актерского таланта Пикетта, однако в тот волнительный миг его кумир плевать хотел на все и вся, кроме здоровья любимого пса.

Наконец доктор начал тщательно обследовать собаку, между делом продолжая разговор о фильмах с участием мистера Пикетта, которые ему и его жене пришлось по вкусу, а также о тех, что им не понравились. Спустя пять минут, заметив отчаяние на лице Тодда, Марко осторожно напомнил доктору, что мистера Пикетта в настоящее время интересует только состояние собаки. Рот у доктора замер на полуслове, как будто его жестоко обидели, а движения (по крайней мере, так показалось Тодду) стали резкими и грубыми.

– Да, ваш пес очень болен, – наконец заключил он. Пикетт сел на стол рядом с Демпси, чтобы обнять друга, и оказался аккурат в поле зрения ветеринара.

– Послушайте, – тихо начал Тодд. – Мне жаль, что я не вполне нормально отнесся... к вашему восхищению моими картинами, доктор. Не принимайте это на свой счет. Уверен, мы сможем продолжить этот разговор как-нибудь в другой раз. Все дело в том, что меня прежде всего волнует состояние Демпси. Ему плохо, и я хочу ему помочь.

Наконец улыбнувшись, доктор заговорил так же тихо, как Тодд:

– Я хочу поставить вашему псу капельницу, потому что он, вероятно, за последние сутки потерял много жидкости. Это немного улучшит его состояние. Вы говорили, доктор Спенсер направила его анализы в лабораторию?

– Да, Она подозревает у него вирус.

– Что ж... может быть. Но, судя по его глазам, мне кажется, все куда серьезнее. Так или иначе, мы разрешим все сомнения, когда получим результаты анализов.

– А что вы подозреваете еще?

– Я бы сказал с вероятностью пятьдесят на пятьдесят, – покачал головой доктор, – что у него опухоль. Опухоль мозга или позвоночника.

– И что же в этом случае можно сделать?

– У собак все происходит так же, как у людей. Можно попытаться сделать операцию...

В этот миг, как будто желая показать, что предпринимать что-либо уже поздно, Демпси сильно затрясся в руках Тодда и заскреб когтями по металлической поверхности стола, пытаясь встать.

– Все хорошо, парень! Все хорошо!

На минуту доктор вышел к медсестре и вернулся в кабинет со шприцем.

– А это зачем?

– Чтобы он успокоился и немного поспал.

– Вы уверены, что это нужно?

– Конечно уверен. Это мягкое успокоительное. Но если вы против, чтобы я делал Демпси укол, мистер Пикетт...

– Нет-нет. Делайте.

Лекарство на самом деле немного облегчило приступ. Вручив Тодду стеганое одеяло, доктор увез пса на каталке в соседнюю комнату, где тому поставили капельницу.

– Чертова псина! – пробормотал Тодд сквозь подступающие слезы, когда его питомец скрылся из виду. – Ну и возни с тобой...

– Может, нам выпить по чашечке кофе? – предложил Марко. – А потом еще разок поговорить с доктором?

На самой окраине Сепульведы, на огороженной для гуляния площадке, они нашли небольшое кафе, которое только открылось после ночного перерыва. Пикетт и Марко оказались там первыми посетителями. Тодд сообразил, что стоит ему войти внутрь, как обе официантки сразу его узнают, и пока этого не произошло, поспешно развернулся в дверях и вышел на улицу. Вскоре из кафе появился Марко с двумя чашками кофе и свежее испеченными, еще горячими булочками. Хотя Тодд думал, что у него нет ни малейшего желания к еде, выпечка выглядела и пахла настолько аппетитно, что ее невозможно было не съесть, что он тут же и сделал. Взяв в руку кофе и направившись в сторону больницы, Тодд ощущал на себе взгляд официанток до тех пор, пока не скрылся из их поля зрения.

Они шли молча. На улице уже начало светать, и вместе с пробуждением дня оживало движение на дорогах Сепульведы – все больше и больше машин устремлялись к главной автостраде. В основном в них сидели люди, которым предстояла двухчасовая езда до рабочего места; люди, которые ненавидели свою работу и свои дома; люди, которые получали жалованье, но его не хватало даже на то, чтобы покрыть кредиты, расходы на машину и страховку.

– Сейчас, – молвил Тодд, – я бы с готовностью пожертвовал своим коренным зубом, чтобы оказаться на их месте. Лишь бы только не возвращаться в клинику.

– Хочешь, я зайду один?

– Нет, не надо.

– Демпси мне доверяет.

– Знаю. Но он мой пес.

Глава 5

Однако ничего нового они не узнали и на этот раз. К Демпси подключили капельницу, и успокоительное лекарство, казалось, начало на него действовать. Пес не то чтобы мирно спал, но пребывал в полудреме.

– Сегодня мы сделаем ему рентген, а там будет видно, – сказал доктор. – Результаты снимка будут готовы к концу дня. Поэтому можете спокойно отправляться домой. А мы тем временем займемся Демпси и посмотрим, чем можно ему помочь.

– Я хочу остаться.

– Хорошо. Но у нас вам будет очень неудобно, мистер Пикетт. Мы не можем предоставить вам отдельную комнату. А судя по тому, как вы оба выглядите, у вас была бессонная ночь. Демпси немного успокоился, и мы постараемся поддерживать его в таком состоянии. Но прежде чем можно будет поставить ему окончательный диагноз, пройдет не меньше шести часов. У нас один рентгенолог на две больницы. Раньше одиннадцати она не сможет даже осмотреть вашего psa.

– И все же я хочу остаться. Я видел, у вас за дверью стоит скамейка. Надеюсь, вы не вышвырнете меня вон, если я на ней посижу?

– Нет. Конечно нет.

– Тогда я там и расположусь.

Доктор взглянул на часы.

– Через полчаса у меня заканчивается смена и на мое место заступит доктор Отис. Она и займется Демпси. Конечно, я попрошу ее по возможности ускорить рентгеновское обследование. Если она сочтет нужным еще что-нибудь предпринять...

– Она знает, где меня найти.

– Вот и хорошо. – Доктор тускло улыбнулся, во второй и последний раз за эту ночь. – Что ж, я искренне надеюсь, что вы получите хорошие новости относительно вашего Демпси и к тому времени, когда я заступлю на ночное дежурство, отправитесь вместе домой.

Тодд наотрез отказался покидать скамейку, хотя она стояла напротив входной двери, сразу за автоматом газированной воды, на виду у всех посетителей больницы. Марко отправился домой, чтобы привезти ему в термосе кофе и что-нибудь поесть.

Парад страждущих начался довольно рано. Минуты две спустя после ухода Марко в больницу появилась взволнованная дама, которая сбила своей машиной кота. Тот, еще живой, но насмерть перепуганный и израненный, находился у нее в салоне. К нему на помощь направились две медсестры в кожаных, плотно облегающих руки перчатках. Держа наготове шприц, они собирались ввести жертве успокоительное лекарство, однако обратно вернулись с рыдающей дамой и трупом кота. Горе женщины казалось безмерным. Она попыталась поблагодарить медсестер за помощь, но ее слова потонули в потоке слез. В этот роковой час произошло еще шесть несчастных случаев, каждый из которых закончился трагически. Недосыпание начало брать свое, и Тодд воспринимал все происходящее как во сне. Время от времени его веки на несколько секунд смыкались и полные драматизма сцены мелькали у него перед глазами, словно фильмы с вырезанными кадрами: люди резко переменялись из одного положения в другое. В первое мгновение человек входил в дверь, во второе (зачастую сквозь слезы или в резком обвинительном тоне) разговаривал с одной из медсестер, а в третье – либо его уже не было, либо он направлялся к выходу.

К великому удивлению Тодда, никто не останавливал на нем взгляда. Возможно, потому, что на покосившейся скамейке рядом со сломанным автоматом с газировкой в круглосуточной ветеринарной клинике менее всего ожидали увидеть Тодда Пикетта. Но было не

исключено также и то, что его видели, узнавали, но не обращали на него никакого внимания. Очевидно, присутствие какой-то кинозвезды, сидящей на сломанной скамейке, для них было ничто по сравнению с теми делами, которые привели их в больницу: крыса, у которой начался абсцесс, или кошка, не сумевшая разрешиться седьмым котенком, или морская свинка, что встретила свой смертный час в обувной коробке, или пудель, постоянно кусавший сам себя. Кто-то страдал от блох, кто-то от чесотки, кто-то – как, например, две канарейки – от ненависти друг к другу, и этим драмам не было конца.

Марко доставил кофе и сэндвичи. Сделав несколько глотков бодрящего напитка, Тодд немного оживился.

Подойдя к передней стойке, он в очередной раз осведомился, нельзя ли ему увидеть дневного доктора. На этот раз ему повезло, и его удостоила вниманием доктор Отис, бледная, худощавая девушка на вид не старше восемнадцати лет, взгляд которой все время скользил мимо собеседника (по тому, как она смотрела на Марко и других посетителей, Тодд понял, что во время разговора отводить глаза в сторону было у нее в привычке). Из ее слов Тодд узнал, что рентген сделают Демпси через полчаса, а снимки, скорее всего, будут готовы только завтра. Услышанное окончательно вывело Тодда из себя. Такое с ним случалось редко, но уж если случалось, то зрелище было впечатляющим. Шея его покрылась красными пятнами, желваки разбухли, глаза стали холоднее льда.

– Я привез свою собаку сюда в пять утра, – резко начал он, – и с тех пор сижу вот на этой самой скамейке. Видите вы эту скамейку, спрашиваю я вас, или нет?

– Да, я...

– Вот здесь, на этом самом месте, я торчу с шести часов утра. А сейчас уже почти одиннадцать. Несколько раз я просил вас хотя бы из элементарного уважения к посетителю выйти и сказать, в каком состоянии находится мой пес. Причем вежливо просил. И всякий раз мне повторяли одно и то же: что вы очень заняты.

– Сегодня было, как никогда, безумное утро, мистер...

– Пикетт. Меня зовут Пикетт.

– Да, мистер Пикетт. Боюсь, я не смогу...

– Ну хватит. Хватит твердить, что вы не сможете сделать рентген до завтра, потому что вы это сможете. И сделаете. Я хочу, чтобы о моей собаке позаботились. И если вы сейчас же не уделите ей внимание, я отвезу ее в другое место, где она получит соответствующий уход. И уж поверьте мне на слово, я постараюсь, чтобы в каждой газете штата Калифорния...

В этот момент в вестибюле появилась дама по возрасту старше доктора Отис – очевидно, директор клиники.

– Мистер Пикетт, – взяв руку Тодда, она крепко пожала ее, – меня зовут Корделия Симпсон. Все хорошо, Андрэ, мистером Пикеттом я займусь сама.

Молодая доктор ретировалась. Лицо у нее стало еще бледнее, чем было в начале разговора.

– Я слышала почти все, что вы говорили Андрэ.

– Послушайте, мне очень жаль. Это вообще не в моем стиле. Я не люблю говорить на повышенных тонах, но...

– Не волнуйтесь, все в порядке. Я все прекрасно понимаю. Вы устали и встревожены из-за...

– Демпси.

– Да, из-за Демпси.

– Мне сказали, что ему сделают рентген и результаты будут готовы сегодня днем.

– Понимаете, скорость изготовления снимков в таких случаях зависит от объема работы, мистер Пикетт, – произнесла Корделия сдержанным тоном, пытаясь сохранить маску благовоспитанности. Она была англичанкой, и выражение ее лица, а также манера

говорить давали собеседнику понять, что в сердитом состоянии она не станет с ним любезничать. – В одном из номеров «Эл-Эй тайме» за прошлый год я читала о вас статью. Насколько я помню, на обложке журнала вы были сфотографированы вместе с Демпси. Вполне очевидно, вы очень привязаны к этой собаке. Словом, вот что я собираюсь сделать. – Она взглянула на часы. – Рентгенолог займется Демпси прямо сейчас, и я гарантирую, что результаты будут готовы... к шести вечера. Возможно, даже раньше, но не позже шести.

– А когда я смогу увезти его домой?

– Вы хотели бы забрать его сейчас?

– Да.

– Но он еще находится под действием лекарств. Боюсь, он не сможет передвигаться.

– Я отнесу его на руках.

Корделия кивнула. Очевидно, она поняла, что спорить бесполезно.

– Я пришлю за вами сестру, когда будет все сделано. А это его? – осведомилась она, указав на лежавшее на скамейке стеганое одеяло. Поджидая в вестибюле Демпси, Тодд безотчетно обнимал эту вещь. Неудивительно, что люди, мягко говоря, его сторонились.

– Да, – ответил он.

– Хотите, я заверну в него Демпси?

– Спасибо.

Корделия подхватила одеяло.

– Примите мои извинения, мистер Пикетт, – сказала она, – из-за причиненных вам неудобств. Наши врачи ужасно перегружены. И хоть это и неприятно говорить, но зачастую те, кто прекрасно ладит с животными, не умеют должным образом обращаться с людьми.

Через десять минут в вестибюле появился плотный латиноамериканец, который нес на руках завернутого в одеяло сонного Демпси. Уши пса слегка встрепнулись, и Тодд сразу почувствовал, как много значит для его питомца ощущать рядом хозяина, слышать его голос.

– Мы едем домой, старина, – тихо сказал ему Тодд, спускаясь по лестнице на улицу и поворачивая в сторону парковки, где Марко разогревал мотор.

Следующие несколько часов Демпси проспал в одеяле на большой кровати. Все это время Тодд не отходил от него ни на шаг, несмотря на то, что время от времени его одолевал сон, и перед его внутренним взором проплывали обрывки недавних событий, свидетелем которых он стал, пока сидел на скамейке в больнице. Когда же Пикетт просыпался, то начинал гладить Демпси, приговаривая, что все будет хорошо.

Около четырех часов дня – в это время его всегда кормили – Демпси неожиданно ощутил резкий прилив сил, и Тодд вместе с Марко приготовили ему еду, заменив рубленую конину (или что там кладут в эти собачьи консервы?) на цыпленка в сытном соусе. Демпси вылизал миску подчистую, а по окончании трапезы выпил большую плошку воды.

– Вот и хорошо, умница, – похвалил его Тодд. Демпси попытался вильнуть хвостом, но в том оказалось не больше силы, чем в его лапах.

Затем Тодд вынес пса на улицу, чтобы тот справил нужду. На улице моросил дождь, прохладный, освежающий. Пикетт поднял лицо к дождю, обратив к небу тихую молитву:

– Прошу, не забирай его у меня. Ведь он всего лишь старый вонючий пес. Тебе он не нужен, а мне нужен. Слышишь? Прошу тебя... услышь меня. Не забирай его.

Когда он обернулся, то встретил на себе взгляд Демпси, который с приподнятыми ушами и полуоткрытой пастью внимал каждому его слову.

– Думаешь, он нас слышит? – спросил Тодд. Вместо ответа Демпси весь изогнулся, и его громко вывернуло. После жуткого приступа рвоты пес так обессилен, что не мог даже скулить. Тодд завернул его в одеяло и отнес в дом.

– Вряд ли тебя интересует, что за сегодняшний день произошло в мире? – спросил его Марко.

– А случилось что-нибудь важное?

– Хорошие сборы от «Виселицы» за границей. Особенно во Франции. Очевидно, во Франции этот фильм станет крупным хитом. Максин спрашивает, не хочешь ли ты дать интервью о здоровье Демпси какому-нибудь женскому журналу.

– Нет.

– Так я ей и отвечу. Она сказала, это бы способствовало твоему положительному имиджу, но я ответил...

– Нет! Черт их побери. Угомонятся они когда-нибудь или нет?

– Тебе звонил Уолтер из «Дрим уоркс» насчет какой-то славной идеи, которую он хочет воплотить в жизнь. Я сказал ему, что завтра ты вернешься в строй.

– Телефон звонит.

– Да.

Марко направился к ближайшему аппарату, который находился в ванной хозяина, а Тодд вновь принялся сушить psa.

– Это Андрэ Отис. Из больницы. По-моему, та самая молодая особа, с которой ты повздорил утром.

– Побудь с ним, – попросил Тодд помощника.

Он направился в ванную, где оказалось довольно холодно, и взял трубку.

– Мистер Пикетт?

– Да.

– Прежде всего, я хочу попросить у вас прощения за сегодняшнее утро...

– Ничего, все утряслось.

– Я знала, кто вы, и это меня отвлекло от...

– Демпси.

– Да. Извините.

– Так что с Демпси?

– Мы получили результаты рентгена... и боюсь, новости не слишком утешительны.

– Почему? Что у него?

– У него рак.

Тодд не сразу сумел принять полученную весть.

– Этого не может быть, – наконец произнес он.

– Уже поражен позвоночник. Поражена толстая кишка...

– Но это ошибка. Этого не может быть.

– Сейчас опухоль распространяется в мозг, только поэтому мы сумели ее обнаружить. Нарушение моторики и проблемы пищеварения являются следствием этого процесса. Опухоль достигла черепа и давит на мозг.

– О боже... Сколько он еще протянет?

– Его теперешнее состояние зависит исключительно от того, насколько правильно мы будем действовать. – Она говорила так, будто читала слова с какой-то идиотской доски, тщательно стараясь не подпускать собеседника ближе отмеренного ею расстояния. – Вопрос в том, как быстро Демпси выйдет из строя.

Тодд увидел сквозь щелку в двери, как жалкая фигура psa содрогнулась в стеганом одеяле. Очевидно, Демпси уже достиг этой черты.

– Он испытывает боль? – осведомился он у врача.

– Ну, я бы сказала, дело не столько в боли, сколько в беспокойстве. Он не понимает, что с ним происходит. Не понимает, почему это происходит. Он просто страдает, мистер Пикетт. И чем дальше, тем будет хуже.

– Хотите сказать, мне следует его усыпить?

– Я не имею права говорить, что вам следует делать с вашей собакой, мистер Пикетт.

– Но как бы вы поступили, будь на моем месте?

– Если бы он был моим псом и я любила его так, как, по всей видимости, любите вы, мне бы не хотелось, чтобы он страдал... Вы слышите меня, мистер Пикетт?

– Да. – Тодд едва подавил подкатившиеся к горлу слезы.

– Все зависит от вашего решения.

Тодд вновь бросил взгляд на Демпси, который сквозь сон издал жалобный звук.

– Если я привезу его к вам в больницу...

– Да?

– Там будет кто-нибудь, чтобы его усыпить?

– Да, конечно. Здесь буду я.

– Тогда я хочу это сделать.

– Мне очень жаль, мистер Пикетт.

– Вы ни в чем не виноваты.

Когда Тодд подошел к кровати, Демпси слегка приподнялся, но вместо приветствия лишь слегка взмахнул хвостом и издал жалкий хрип.

– Ну, пошли, – сказал Тодд, туго заворачивая пса в одеяло и поднимая его с кровати, – чем быстрее мы это сделаем, тем скорее ты избавишься от страданий. Ты отвезешь нас, Марко?

На часах была половина пятого. Несмотря на то, что дождь усилился, дороги были запружены машинами, и до ветеринарной клиники Тодд с Марко добирались около часа. Доктор Отис, очевидно еще чувствуя вину после прошлого визита Пикетта, встретила его на этот раз в вестибюле и проводила через боковую дверь в пустую комнату.

– Мне зайти вместе с вами, босс? – осведомился Марко.

– Нет. Не волнуйся. Мы сами справимся.

– Вид у него такой, будто он уже невменяем, – заметила врач.

Услышав голос Тодда, Демпси едва сумел приоткрыть глаза.

– Знаю, возможно, это прозвучит странно, но в некотором смысле мы рады, что с ним все разрешилось так быстро. Некоторым собакам приходится страдать в течение долгих недель и даже месяцев...

– Здесь, в клинике?

– Да.

Доктор открыла дверь в комнату площадью не более восьми квадратных футов, выкрашенную в нежно-зеленый цвет. На одной стене висела репродукция картины Мане, на другой – листок с каким-то изречением в рамочке, которое Тодд не мог прочесть из-за заполнивших глаза слез.

– Я дам вам немного времени, чтобы проститься, – сказала доктор Отис. – Вернусь через несколько минут.

Тодд присел, не выпуская Демпси из рук.

– Черт, – выругался он, – это несправедливо.

Впервые за долгое время Демпси широко распахнул глаза, вероятно, потому, что он услышал, как Тодд плачет: это всегда привлекало внимание пса, даже если слезы были фальшивыми. Обычно, когда Пикетт репетировал какую-нибудь печальную сцену из фильма, пытаясь заучить текст, при первых грустных нотках в его голосе пес подбегал к нему и, в подтверждение своей готовности успокоить хозяина, ставил лапы ему на колени. Теперь же животное, будучи не в силах иначе утешить Тодда, глядело на него жалким, исполненным недоумения взором.

– Господи, надеюсь, я поступаю правильно. Если бы ты мог сказать, что согласен со мной... – Тодд поцеловал Демпси, и слезы полились у него из глаз, капая прямо на морду пса. – Я знаю только одно: себе я никогда не пожелал бы такой участи – быть все время прикованным к постели.

На протяжении одиннадцати лет – неважно, была у Тодда женщина или нет – Демпси спал с Тоддом на одной кровати и почти всегда будил его по утрам, прижимаясь холодным носом к лицу и потираясь шеей о грудь.

– Я люблю тебя, парень, – продолжал Тодд. – И когда пробьет мой час, я хочу, чтобы ты ждал меня там, на небесах. Ладно? Хочу, чтобы ты придержал для меня местечко. Окажешь мне такую услугу?

В дверь осторожно постучали, и у Тодда внутри все перевернулось.

– Пора, дружище, – произнес он, целуя пса в морду.

Тодд понимал, что еще не поздно сказать «нет» и отказаться от своего решения. Еще не поздно увезти Демпси домой, чтобы лишнюю ночь провести с ним на одной кровати. Но он также понимал, что пес уже достаточно настрадался. Нет, оттягивать дальше нельзя.

– Входите, – громко произнес он.

Пройдя в комнату, доктор Отис впервые внимательно взглянула Тодду в глаза.

– Я знаю, как вам тяжело, – сказала она. – У меня тоже дома собаки. Такие же дворняжки, как Демпси. Они ведь лучше всех... Вы готовы?

Тодд кивнул, и доктор Отис все свое внимание переключила на пса. Взяв его из рук Пикетта, доктор Отис, ни на минуту не умолкая, перенесла Демпси на металлический стол в углу комнаты.

– Эй, Демпси. Это совсем не больно. Все равно что комар укусит...

Достав из кармана шприц, она вскрыла иглу. В голове Тодда вновь зазвучал искушающий голос «Скажи ей "нет", – настойчиво зывал он. – Выбей ты эту штуковину у нее из рук! Быстро! Быстро!» Отогнав от себя эти мысли, Пикетт вытер глаза тыльной стороной руки, дабы слезы не застили от него ответственного мига. Он хотел видеть все от начала до конца. Он положил руку псу на шею и почесал его так, как тот любил.

Шприц вонзился в лапу Демпси, и пес издал легкий жалобный стон.

– Вот и умница, – сказала доктор Отис – Вот и все. Самое страшное уже позади.

Тодд продолжал почесывать Демпси загривок. Доктор Отис спрятала шприц обратно в карман.

– Вот и славно, – произнесла она – Можете больше его не трогать. С ним уже все.

Неужели так быстро? Тодд утер слезы и уставился на неподвижное тело, лежащее на столе. Глаз Демпси по-прежнему был полуоткрытым, но уже не видел Тодда.

– Мне очень жаль, мистер Пикетт, – нарушила молчание доктор Отис, – я знаю, как он был вам дорог. Но как; врач хочу вас уверить: вы сделали правильный выбор.

Сильно шмыгнув носом, Тодд потянулся к коробке с носовыми платками.

– Что там написано? – спросил он, указывая на текст в рамочке на стене. Слезы безудержно хлынули у него из глаз.

– Это Роберт Льюис Стивенсон, – пояснила Андрэ. – Знаете, кто написал «Остров сокровищ»?

– Да, знаю...

– Там говорится: «Вы думаете, что собаки не попадают на небеса? Поверьте мне, они попадают туда раньше нас».

Глава 6

Справившись со слезами, Тодд решил перед уходом уладить все формальности, связанные с кремацией тела. Для этого он оставил заявку в фирму, которую ветеринарная клиника рекомендовала ему как наиболее подходящую для проведения такой процедуры. Ее работники должны были забрать тело Демпси из морга больницы, кремировать его и передать владельцу урну с прахом – причем, как его уверили, с прахом именно той собаки, которая некогда принадлежала данному хозяину. Кроме того, Тодд позвонил своему бухгалтеру и просил перевести на счет ветеринарной больницы десять тысяч долларов в качестве пожертвования – с единственным условием, чтобы пять сотен из них были потрачены на приобретение новой скамейки для вестибюля.

С помощью нескольких таблеток снотворного и изрядного количества виски Тодду удалось проспать до половины пятого утра. Когда он проснулся, ему почудилось, будто у него в ногах, как обычно, шевелится Демпси. Из-за спиртного в голове Тодда царила полная неразбериха. Лишь после того, как он привстал и обследовал со всех сторон кровать, к нему стал возвращаться рассудок. Демпси нигде не было.

Тем не менее, он мог поклясться на Библии, что ощущал присутствие своего любимца – как тот спует по кровати, пытаясь найти для себя место поудобнее.

Откинувшись на подушку, Тодд впал в полудрему, однако это был нездоровый сон. То и дело просыпаясь, он вглядывался сквозь темноту в то место, где имел обыкновение спать Демпси, и каждый раз задавал себе вопрос: не превратился ли Демпси в призрака, который теперь будет повсюду следовать за ним по пятам, пока в конце концов не образумится и не отправится на небеса?

В десять часов Тодда разбудил Марко, который принес ему телефонный аппарат. Звонила дама по имени Розалия из Службы кремации животных. Хотя она говорила с Пикеттом очень вежливо, ее любезность была несколько натужной. Наверняка она неоднократно нарывалась на истеричных клиентов, и профессия выработала у нее привычку держаться с ними несколько отстраненно. Утром она связалась с больницей, и ей сообщили, что при Демпси остались ошейник и одеяло, поэтому первым делом она хотела узнать, не желает ли Тодд забрать эти вещи, или их кремировать вместе с собакой.

– Это его вещи, – ответил Тодд, – пусть они и останутся с ним.

– Хорошо, – ответила Розалия. – Тогда остается только вопрос с урной. У нас есть три разных варианта...

– Выберите лучшую из них.

– Тогда это будет бронза в греческом стиле.

– Судя по названию, думаю, это подойдет.

– Теперь мне нужен номер вашей кредитной карты.

– Я передам трубку моему помощнику. Он вам все сообщит.

– Минуточку, еще один вопрос.

– Да?

– А вы... тот самый Тодд Пикетт?

Ну конечно, он был тот самый Тодд Пикетт. Но ему казалось, что это был не он, а какое-то жалкое подобие того человека, каким он был прежде. С Тоддом Пикеттом ничего подобного никогда не случалось. Тот, настоящий Тодд Пикетт всегда шел своей дорогой, и жизнь была к нему благосклонна.

Проспав до полудня, он встал с постели и пошел на кухню перекусить. Тело его ломало, как при сильном гриппе. Не справившись с едой, Пикетт уставился тупым взглядом в окно, за которым вырисовывались искусно высаженные растения внутреннего двора – те самые, над которыми Демпси всегда мимоходом задира лапу, и Тодд никогда его за это не журил.

– Пойду лягу в кровать, – сказал он Марко.

– Не хочешь сделать ответный звонок Максин? Она звонила девять раз за утро. У нее есть новости насчет продажи «Бойца» какому-то иностранному покупателю.

– Ты сообщил ей про Демпси?

– Да.

– И что она ответила?

– Сказала «ох». А потом сразу перешла к разговору о покупателе.

Обезоруженный ее бесчувственностью, Тодд глубоко вздохнул.

– Наверно, мне пора с этим делом кончать, – сказал он Марко. – У меня нет никаких шансов на успех. И сил тоже нет.

Марко не стал его разубеждать. Вопросы кинобизнеса всегда были ему не по нутру, он ненавидел в нем все и вся, кроме Тодда.

– А почему бы нам не махнуть в Ки-Уэст, как мы когда-то собирались? Откроем свой бар. Будем толстыми и пьяными.

– ... И в пятьдесят лет нас хватит сердечный приступ.

– Ты сейчас в ужасном состоянии.

– Есть немного.

– Ничего, это скоро пройдет. И в один прекрасный день мы в честь Демпси назовем другую собаку.

– Это будет не в честь него, а вместо него. Его мне никто не сможет заменить. И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что он был со мной рядом, когда я был никто.

– Вы с ним были как два щенка.

Впервые за последние сорок восемь часов Тодд улыбнулся.

– Да, – заговорил он срывающимся голосом, – мы с ним были щенками. – Пикетт старался удержать слезы, но они ему не повиновались. – Да что это я? Ведь он был всего лишь псом то есть... ну, ты понимаешь. Скажи мне честно, как ты думаешь, Том Круз стал бы так убиваться, если бы у него умерла собака?

– Боюсь, у него вообще нет собак.

– А Брэд Питт?

– Не знаю. Спроси их сам. Как только встретишь, сразу и спроси.

– Могу себе представить, какая славная выйдет сцена. Тодд Пикетт спрашивает Брэда Питта «Скажи мне, Брэд, когда умерла твоя собака, ты рыдал по ней два дня, как девчонка?»

– Рыдал, как девчонка? – На этот раз рассмеялся Марко.

– Именно так я себя сейчас ощущаю – девчонкой, распутившей нюни из какой-то слезливой мыльной оперы.

– Может, тебе стоит позвонить Вильгемине и трахнуть с ней?

– Вильгемина никогда не трахается. Она занимается любовью с кучей свечей и мочалок. Клянусь, она боится от меня что-нибудь подхватить.

– Например, блох?

– Да. Блох. Знаешь, в качестве последнего акта протеста в память о Демпси я был бы не прочь поделиться блохами с Вильгеминой, Максин и...

– Гарри Эппштадтом.

Теперь они расхохотались вдвоем, и смех этот исцелил боль, сделав ее частью окружающего мира.

Около шести часов вечера Тодду позвонила мать. Она находилась дома, в Кембридже, что в штате Массачусетс, но была готова в любую минуту прыгнуть в самолет и прилететь к сыну. Она пребывала в том состоянии духа, которое обычно называется «я сразу почувствовала что-то неладное».

– Что произошло? – заволновалась она, услышав голос Тодда.

– Ничего.

– Нет, что-то произошло.

Ей невозможно было возразить, поскольку она, как всегда, была права. Благодаря своему удивительному чутью мать всегда умела предугадать, когда стоит позвонить любимому сыну, а когда лучше держаться от него на расстоянии. Иногда он мог солгать ей, чтобы отделаться от лишних объяснений. Но сегодня был совсем другой случай.

– Так что стряслось?

– Демпси умер.

– Твоя старая дворняга?

– Никакая не старая дворняга. И вообще, будешь продолжать разговор в таком духе, он закончится, не начавшись.

– Сколько же ему было лет? – спросила Патриция.

– Одиннадцать, около двенадцати.

– Это преклонный возраст.

– Но не для такого пса, как он.

– А какой он был породы?

– Сама знаешь...

– Дворняжка. Да, дворняжки всегда живут дольше породистых собак. Этого от них не отнимешь.

– Но только не мой Демпси.

– Ты, наверно, слишком его избаловал. Покупал самое дорогое и калорийное питание.

– Ты не хочешь сказать мне что-нибудь еще, вместо того чтобы читать нотацию о том, как своей добротой я погубил собаку?

– Нет, я просто хотела поболтать. Но ты, очевидно, сейчас не в настроении разговаривать.

– Я любил Демпси, мама Ты хоть понимаешь, что для меня это значит?

– Позволь мне заметить только то, что...

– Да, тебя не остановить.

– ... Самые серьезные отношения у тебя за всю твою жизнь были только с этой собакой. Пора бы повзрослеть, Тодд. С годами ты не становишься моложе. Подумай о том, как быстро состарился твой отец.

– Давай не будем об этом говорить, ладно?

– Послушай меня, Тодд.

– Мама, я не хочу...

– У тебя его гены, поэтому хоть разок послушай, что я тебе скажу. Твой отец был очень привлекательным мужчиной, пока ему не стукнуло тридцать четыре или тридцать пять. Довольный своей внешностью, он никогда не заботился о себе – так же как и ты. Я имею в виду, он курил и выпивал больше нормы. Он подурнел и состарился буквально за одну ночь.

– За одну ночь? Какие глупости. Никто не может состариться...

– Ну конечно, не за одну ночь. Но все происходило на моих глазах. Поверь, я лично была тому свидетелем. Это случилось очень быстро. Пять, может шесть, месяцев – и его прежней красоты как не бывало.

Хотя Патриция явно преувеличивала, Пикетт понимал, что в ее словах была доля истины. Отец и в самом деле на удивление быстро подурнел. Хотя, конечно, Тодд был слишком мал, чтобы подмечать такие перемены в своем родителе, у него имелись собственные свидетельства внезапного старения отца. Его лучший друг Дэнни, который воспитывался одинокой матерью, знал, что она питает страстные чувства к Мерику Пикетту. Слухи, конечно, не обошли Тодда стороной, тем более что рассказы о том, как у нее неожиданно сорвались планы соблазнить невольный предмет своих желаний, стали в городе расхожей сплетней.

Слушая мать, Тодд невольно вспомнил об этом факте отцовской биографии.

– Мама, – наконец прервал ее он, – меня ждут кой-какие дела. По части кремации.

– О боже, надеюсь, это пройдет тихо. Пресса не прочь раздуть вокруг тебя и твоей собаки большую шумиху.

– Именно по этой причине тебе лучше никому об этом не говорить, – предупредил он. – Если кто-нибудь будет звонить и выразит желание сослаться на тебя...

– То я ничего не знаю.

– Да, ты ничего не знаешь.

– Я же в курсе, как это делается, милый. Не волнуйся, твоя тайна не выплывет наружу.

– Не говори даже соседям.

– Ладно. Не буду.

– Пока, мама.

– Мне очень жаль Брюстера.

– Демпси.

– Не все ли равно?

Когда Тодд обстоятельней поразмыслил о Мерику Пикетте, то понял, что мать была права: свою былую привлекательность отец потерял с поразительной быстротой. Страховой агент, на которого заглядывались все горожанки Цинциннати, едва ли не в один день превратился в старика, которого все сторонились, даже некогда влюбленная в него мать Дэнни. А что, если отцовская особенность является наследственной? Пусть даже не на сто процентов, а только на пятьдесят?

Тодд позвонил в офис Эппштадта. Сукин сын перезвонил ему только через сорок восемь минут, причем начал разговор в довольно резкой форме:

– Надеюсь, речь пойдет не о «Бойце»?

– Нет.

– Мы не будем его делать, Тодд.

– Я уже понял, Гарри. Твой секретарь слушает наш разговор?

– Нет. А что?

– При нашей последней встрече ты рекомендовал мне одного человека, оказавшего ценную услугу некоторым известным людям.

– Брюса Берроуза?

– Да. Так вот, я звоню, чтобы сказать: я решил с ним встретиться.

– Очень мудрое решение.

– Спасибо.

– Правда, Тодд, ты меня очень порадовал. Когда поправишься, думаю, мы с тобой еще поработаем.

После этого Пикетт не стал откладывать звонок в долгий ящик, а сразу позвонил Берроузу. Записался к нему на консультацию и предварительно обговорил с ним дни, на которые могла бы быть назначена операция.

Но прежде нужно было завершить очень важное дело: попрощаться с Демпси. Несмотря на уверения Роберта Льюиса Стивенсона, Тодд не вполне отдавал себе отчет, что ожидает душу после смерти тела, неважно, кому она принадлежит – человеку или животному. Он знал только то, что хочет поместить останки Демпси туда, где пес был счастлив при жизни. Несомненно, это был задний дворик, в котором его питомец с самого раннего возраста стал полноправным хозяином; здесь была его школа, в которой Демпси поначалу учился ходить, а впоследствии обучался всяким собачьим навыкам. За день до того, как отдать себя на растерзание Брюсу Берроузу, Тодд принес сюда бронзовую урну, которую накануне получил в Службе кремации животных. В ней находился пластиковый пакет, в котором хранилось то, что осталось от верного пса. Пепла было довольно много, ведь Демпси был крупной собакой.

Раньше они с Демпси частенько сидели в этом дворике и любовались небом... Тодд насыпал в ладонь немного пепла. Интересно, какая часть – хвост, а какая – морда? А где загривок – Демпси просто обожал, когда ему чесали за ушами? Хотя какая разница? Все рано или поздно превращается в прах. И хвост, и голова – и пес, и человек.

Прощаясь со своим другом, Тодд приложил губы к пеплу. Очевидно, увидев эту сцену, его мать сказала бы, что это негигиенично. Словно назло ей, он поцеловал пепел еще раз, после чего встал и разбросал его, как семена по грядке. День был безветренный, поэтому пепел равномерно распределился по бывшим владениям Демпси.

– До встречи, пес, – сказал Тодд, удаляясь в дом, чтобы помянуть усопшего друга хорошей порцией спиртного.

ЧАСТЬ III МРАЧНЫЕ ВРЕМЕНА

Глава 1

Когда Тодду было семнадцать лет, в течение четырех летних месяцев ему довелось работать в доме престарелых под названием «Закат», который находился на окраине Орландо. На работу его устроил дядя Фрэнк, подвизавшийся в акционерном обществе «Закат» бухгалтером. Мало чем отличавшийся от приюта для умирающих, этот дом скорби оставил в памяти Тодда довольно тягостный след. По роду своих обязанностей юноша почти не общался с пациентами – у него не было навыков медбрата, да он и не стремился их получить. Однако Тодду поручили опекать некоего Дункана Макфарлейна на том основании, что пациент слишком буйствовал, когда его мыли медсестры. У Тодда с ним не было больших хлопот, однако старик оказался порядочным сукиным сыном. Особенно донимали Пикетта водные процедуры. Дело в том, что вид собственного тела вызывал в старике целую бурю отрицательных эмоций. Как оказалось, в свои молодые годы Дункан был атлетом, но теперь, когда ему было восемьдесят три, его тело не сохранило никаких следов прежней силы и красоты. Он походил на бесцветный мешок, полный дерьма и недовольства собой.

– Ну, посмотри же на меня, – ворчливо говорил старик, когда Тодд его раздевал. – Господи, посмотри же на меня, посмотри.

Каждый раз он повторял в ужасе одни и те же слова: «Посмотри на меня, Господи, посмотри».

По сей день Тодд помнил нагое тело Макфарлейна со всеми его старческими проявлениями. Маленькая белая бородка, свисающая с дряблой мошонки, усеянный темными бородавками левый сосок груди, сморщенные складки кожи подмышек. Тодд стыдился собственной брезгливости и скрывал ее от других до тех пор, пока однажды не стал свидетелем разговора на эту тему. Оказалось, что подобные чувства испытывал не только он, и особенно они были свойственны мужской части обслуживающего персонала. Помимо него в доме престарелых служили еще четверо молодых людей, которые постоянно говорили об отвратительной стороне своих обязанностей. Один из них, чернокожий парень по имени Остин Харпер из Нового Орлеана, в этом вопросе оказался особенно красноречив.

– Я не дам себе дожить до такого состояния, – любил повторять он. – Уж лучше пустить пулю в лоб, чем дойти до такого ничтожества.

– А тебе и не придется, – отвечал ему Тодд.

– Откуда тебе знать, парень? – удивлялся Остин, по обыкновению похлопав Тодда по ягодицам.

– К тому времени, как мы состаримся, люди научатся справляться с этими проблемами.

– Хочешь сказать, мы будем жить вечно? Чушь собачья. На эти фантастические штучки я никогда не куплюсь, парень.

– Я не говорю, что мы будем жить вечно. Но к тому времени узнают, почему образуются морщины, и научатся их разглаживать.

– Да неужто? И ты надеешься, что тебя всего разгладят?

– Да, черт побери, надеюсь.

– Выходит, ты все равно умрешь, но умрешь гладким и красивым? – И он в очередной раз игриво толкнул его в зад.

– Слушай, заканчивай с этими своими штучками! – возмутился Тодд.

– Только при условии, что ты прекратишь вилять своей попкой перед моим носом, – рассмеялся Остин и отвесил Тодду третий, самый крепкий шлепок.

– Как бы там ни было, – не унимался Тодд, – плевать мне на то, что ты думаешь. Лично я собираюсь умереть красивым.

Его последняя фраза повисла в воздухе. Умереть красивым. Не слишком ли многого он хотел? Умереть красивым и никогда не стать таким, как бедный старый Дункан Макфарлейн. Никогда с ужасом не глядеть на свое нагое тело, приговаривая: «Господи, посмотри на меня, Господи, посмотри на меня, Господи...»

Два месяца спустя, когда Тодд уезжал из Флориды в Лос-Анджелес на кинопробу, он получил записку от Остина Харпера, который, предчувствуя, что они больше никогда не увидятся, счел необходимым сообщить, что был бы не прочь хорошенько пройтись по заднице Тодда «до самого Ки-Уэста и обратно». «Тогда, малыш, ты точно стал бы гладеньким», – писал Харпер.

«Кстати сказать, – добавил он в конце послания, – этот старый хрыч Макфарлейн неделю назад помер. Пытался посреди ночи самостоятельно принять ванну и захлебнулся в трех дюймах воды. Вот я и говорю, что более глупой вещи, чем старость, не придумаешь.

Оставайся гладким, парень. Тебе светит большое будущее. Я это точно знаю. Только не забудь меня поблагодарить, когда будешь получать свой "Оскар"».

Глава 2

– Эй, малыш?

Тодд плыл в какой-то темной пустоте, не чувствуя своего тела, которое, казалось, жило собственной независимой жизнью.

– Малыш, слышишь меня?

Несмотря на царивший вокруг мрак, Тодду было чрезвычайно приятно. Мир, в котором он пребывал, был лишен как людей, так и зверей. Вокруг не крутились алчные акулы, жаждущие поживиться его плотью. Если не считать обратившегося к нему голоса, Тодд отстранился от всего мирского и находил в этом состоянии блаженство.

– Слышишь меня, малыш? Если слышишь, пошевели пальцем.

Тодд знал, что это маленькая хитрость. Ловушка, чтобы опять заманить его в тот мир, где он когда-то жил, дышал и был несчастлив. Но он не желал туда возвращаться. Очень уж он казался хрупким, этот мир, слишком хрупким и слишком ярким. Тодду хотелось продолжать парить в пустынном мраке.

– Малыш... очнись. Это Донни.

Донни? Такого не может быть. Неужели это его старший брат Донни? Тот самый, с которым Тодд не общался уже несколько месяцев. И зачем, собственно говоря, ему вздумалось вытаскивать Тодда из такого приятного укрытия? Но, с другой стороны, если это не Донни, то кто еще? Никто, кроме Донни, не называл его малышом.

Тодд ощутил легкое волнение. Донни, слава богу, жил в Техасе. Что его могло сюда привести?

– Поговори со мной, малыш.

Тодд с большой неохотой попытался извлечь из себя нечто вроде ответа, но, когда открыл рот, с его губ сорвался такой глухой звук, точно он доносился с другой планеты.

– Донни?

– Ну, здорово! Должен сказать, что очень рад твоему возвращению на грешную землю.

Тодд почувствовал прикосновение его руки – ощущение такое же слабое и отдаленное, как и голос брата.

– Ты заставил нас слегка потрепыхаться.

– Почему... здесь... так темно? – спросил Тодд. – Попроси кого-нибудь включить свет.

– Все будет хорошо, приятель.

– Донни. Пожалуйста. Включи свет.

– Он включен, малыш. Все дело в том, что лицо у тебя забинтовано. Но с тобой все будет хорошо.

Лицо забинтовано...

Память постепенно стала возвращаться к Тодду. Он вспомнил события последних дней. Вспомнил, что собирался лечь под нож доктора Берроуза, который должен был подвергнуть его большой операции.

Последнее, что запечатлелось у него в памяти, были слова хирурга, который попросил его сосчитать в обратном порядке от десяти до одного. Считая и одновременно разглядывая улыбающееся лицо Берроуза, олицетворявшее само спокойствие, Тодд пытался угадать, какую работу произвел над своей внешностью доктор. Несомненно, в первую очередь изменения претерпел нос. А также морщинки вокруг глаз, которые...

– Вы считаете, Тодд? – осведомился Берроуз.

– Десять, девять, восемь...

Должно быть, потом шло семь. Но этого Тодд уже не помнил. Лекарства увлекли его в своего рода райский уголок, опустошенный и мрачный.

Теперь же он возвратился из этого странного, лишенного сновидений места. С ним рядом находился Донни, который прибыл из Техаса. Но почему? И почему – бинты? Зачем? Берроуз ничего не говорил о бинтах.

– У меня во рту пересохло, – шепнул Тодд.

– погоди, парень, я мигом, – ласково ответил Донни. – Сейчас позову медсестру.

– Я был бы не прочь взбодриться... глоточком водки.

Донни тихонько прыснул.

– Попробуем организовать.

Тодд слышал, как брат встал и пошел к двери кликнуть сестру. Сознание в любую минуту могло его покинуть, и он ощущал, как вновь проваливается в пустоту, из которой его только что вытащил голос Донни, но теперь она не казалась ему такой благодатной и приятной, как несколько минут назад. Тоддом овладело беспокойство; он пытался уцепиться за реальный мир, по крайней мере, до тех пор, пока не выяснит, что с ним произошло.

– Где ты? – крикнул он брату. – Донни? Куда ты подевался?

Раздались поспешные шаги в его направлении.

– Я здесь, малыш. – Донни говорил таким ласковым тоном, какого Тодд никогда прежде от брата не слышал.

– Берроуз не говорил мне, что будет вот так.

– Тебе не стоит волноваться, правда-правда, – ответил Донни. Хотя Тодд и находился в полусознательном состоянии, он все же был способен отличить ложь от правды.

– Ты не слишком хороший актер, – произнес он.

– Только для семейного просмотра, – увернулся от ответа Донни, сжав руку Тодда. – Шучу.

– Да... да... – Едва он произнес это, как его переносицу пронзил приступ боли, которая распространилась в обе стороны по всему лицу и мгновенно переросла в мучительную агонию. – Господи! – задыхаясь, выпалил он. – Господи, избавь меня от этого.

Он почувствовал, как рука Донни покинула его; похоже, брат бросился в коридор, потому что оттуда донесся его громкий, исполненный отчаяния крик:

– Кто-нибудь сюда! На помощь! Господи! Скорей!

Голос Донни несколько унял волну страха. Тодд поднял руку к лицу, но бинты обвивали его голову так туго и плотно, словно были к ней приклеены. Он стал жадно глотать ртом воздух. Ему казалось, он умрет, если сию же минуту не сорвет со своего лица проклятую повязку. Задышавшись, Тодд принялся сдирать ее ногтями. Ему позарез нужен был воздух.

– Воздуха мне, господа, воздуха. Пожалуйста!

Медсестра схватила Тодда за руки, пытаясь их удержать, но боль была столь нестерпимой, что пробудила в пациенте невероятную мощь, которой женщина не смогла противостоять. Пробравшись пальцами под бинтовую повязку, Тодд с силой ее потянул.

В голове мелькнул свет, но Тодд понимал, что этот свет проник к нему вовсе не из внешнего мира. Мозг был не в силах справиться с охватившим человека ужасом, который, словно разразившийся внутри черепа гром, рвался наружу. Кровь молотом стучала в ушах у Тодда. Тело, будто в припадке, вертелось и билось на кровати.

– Спасибо, сестра. Я займусь им сам.

Неожиданно чьи-то руки, которые оказались сильнее рук медсестры, крепко сжали его кисти. Ласково, но в то же время уверенно они отстранили пальцы Тодда от лица, и тотчас сквозь собственные вопли Пикетт услышал голос доктора Берроуза.

– Тодд? – окликнул тот. – Все идет хорошо. Только, прошу вас, успокойтесь. Позвольте мне объяснить, что произошло. Вам совершенно незачем волноваться.

Он говорил с Тоддом спокойным, ровным и монотонным голосом – так обыкновенно обращается к пациентам гипнотизер. Пока он повторял разными словами, что все будет

хорошо, Тодду ничего не оставалось делать, кроме как глубоко-глубоко дышать, – ведь доктор крепко прижал его руки к кровати.

Спустя несколько секунд яркие вспышки света в голове стали постепенно отступать, шум в ушах поутих. Охвативший Тодда испуг начал сдавать позиции.

– Вот и славно, – произнес наконец доктор Берроуз, когда приступ миновал. – Видите, как все хорошо и замечательно. А теперь давайте заменим вам подушку. Сестра Кэрин, будьте так любезны, принесите мистеру Пикетту хорошую свежую подушку.

Ни на секунду не прекращая своего монотонного монолога, он ласково приподнял верхнюю часть тела Тодда, который тотчас лишился всей силы сопротивления, потому что сопротивляться уже не было надобности, оставалось лишь молча подчиниться заботе доктора.

– Что... со мной... произошло? – наконец вымолвил Тодд.

– Для начала давайте устроимся поудобней на кровати, – произнес Берроуз, – а потом уже обо всем поговорим.

Тодд ощутил, как сестра сменила под ним подушку, после чего доктор Берроуз опустил его голову с той же осторожностью, что и приподнял.

– Вот так. Теперь удобнее? – спросил Берроуз.

Лишившись поддержки его ласковых рук, Тодд внезапно почувствовал себя осиротевшим, словно ребенок, которого неожиданно оставили родители.

– Я хочу, чтобы вы немного отдохнули, – продолжал Берроуз. – А после того как вы немного поспите, мы поговорим.

– Нет... – сказал Тодд.

– С вами будет рядом ваш брат Дональд.

– Я здесь, Тодд.

– Я хочу поговорить сейчас, не откладывая. Сейчас. Донни! Задержи его.

– Хорошо, малыш, – произнес Донни тоном человека, который отвечает за свои слова. – Доктор Берроуз, не уходите. Прежде ответьте на его вопрос, док.

– Ну что ж, как говорится, дело прежде всего, – начал тот. – Если вы волнуетесь насчет своих глаз, уверяю, с ними все в полном порядке. Повязку вам придется носить, только пока не заживут веки.

– Но вы мне не говорили, что я проснусь в темноте, – возразил Тодд.

– Да, не говорил, – согласился Берроуз, – потому что операция прошла не совсем так, как мы планировали. Но если вы помните, я вам объяснял, что по ходу дела почти всегда приходится кое-что изменять. Жаль, что меня не было рядом, когда вы проснулись.

Теперь, успокоившись, Тодд вспомнил, что в докторе его что-то раздражало. Прежде всего, его голос: фальшивый *basso profundo*, с помощью которого тот тщательно старался скрыть свою изначально женственную статью и подчеркнуть атлетические пропорции тела – разумеется, искусственно созданного тела. Доктор являл собой ходячую рекламу собственного ремесла. Ему стукнуло по меньшей мере пятьдесят пять, но кожа у него была гладкая, как у ребенка, руки и грудь – накачанные, как у культуриста, а талия тонкая, как у стриптизерши.

– Просто скажите мне правду, – настаивал Тодд. – Что случилось? Я уже взрослый мальчик и смогу с этим справиться.

Наступила гнетущая тишина. Тодд ждал.

– У нас появились незначительные осложнения в связи с вашей операцией, – наконец признал доктор. – Вот и все. Я все уже объяснил вашему брату. У вас нет совершенно никакого повода для волнений. Просто вам придется несколько дольше...

– Какого рода осложнения?

– Думаю, пока не следует об этом говорить, Тодд.

– А я так не думаю, – отрезал Тодд. – Черт побери, в конце концов, это мое лицо. И я должен знать. Скажите же мне наконец, что происходит. Только не надо юлить. Я этого не люблю.

– Скажите ему, док, – тихо, но твердо произнес Донни. Прежде чем ответить, доктор глубоко вздохнул.

– Вы помните, – наконец заговорил он своим неестественным голосом, – во время предварительной консультации я вас предупреждал, что в редких случаях у пациентов возникает непредвиденная реакция на химические препараты. Боюсь, это имело место в вашем случае. Возникло критическое положение, как я уже говорил, совершенно непредсказуемое, что, очевидно, явилось реакцией организма на аллерген. Однако я нисколько не верю в то, что это может повлечь за собой далеко идущие последствия. Вы вполне здоровый человек. Мы надеемся на довольно быструю регенерацию эпидермиса...

– Что, черт возьми, это значит?

– То, что твоя кожа скоро зарастет, – раздался голос Донни, который своим протяжным тexasским наречием внес теплую струю в разыгрываемый хладнокровный фарс.

– О чем вы говорите?

– О результате примененной нами процедуры. Я вам говорил об этом во время нашей предварительной беседы. Кроме того, это описано в литературе, которую я вам дал...

– Я ее не читал, – признался Тодд. – Я доверял вам.

– ...Операции, которые мы применяем, можно сравнить с контролируемым процессом химического горения, в результате чего подвергаются изменениям соединительная ткань, или дерма, и эпидермис. В течение ближайших сорока восьми часов поврежденная старая кожа отторгается и естественным путем образуется новая, здоровая кожа с прекрасными характеристиками. Пациент становится, словно только что родившийся младе...

– Расскажите ему все, – на этот раз медоточивые излияния доктора прервал Донни; судя по его тону, он весь кипел от гнева. – А если не расскажете сами, это сделаю я. – И, не оставляя Берроузу выбора, добавил: – После операции ты отключился, малыш. Впал в кому. На целых три дня. Вот почему они послали за мной. Испугались. Я пытался переправить тебя в приличную клинику, но эта сучка Максин – так, кажется, ее зовут? – мне не позволила. Сказала, что ты должен остаться здесь. Сказала, будто боится, что пресса пронюхает насчет твоей операции.

– Мы прекрасно сможем позаботиться о мистере Пикетте сами, – заметил Берроуз. – Во всей Калифорнии вы не найдете больницы, которая предоставила бы ему лучший уход.

– Возможно, – согласился Донни. – Но мне думается, что он быстрее поправился бы в Сидар-Синае.

– Я нахожу глубоко возмутительным то, на что вы намекаете, – начал было Берроуз.

– Да заткнитесь же вы наконец! – вяло отмахнулся от него Донни. – Все ваши возмущения не стоят обезьяньей задницы. Меня интересует сейчас только состояние брата. Я хочу, чтобы он поправился и выбрался отсюда.

– И как я сказал...

– Именно, как вы сказали. Послушайте, не могли бы вы вместе с сестрой Кэрин на несколько минут удалиться? Я хочу переговорить с братом с глазу на глаз.

Берроуз больше не пытался оправдываться, и Тодд знал почему. Нетрудно было представить лицо Донни, которое так же, как у младшего брата, в минуты гнева багровело, а глаза становились холоднее льда. Очевидно, Берроуз считал за лучшее ретироваться, и был совершенно прав.

– Я хочу вытащить тебя отсюда, малыш, – заговорил Донни, когда медицинский персонал удалился из палаты. – Я не доверяю этим людям. Теперь, когда их здесь нет, я могу тебе это сказать. Они кусок дерьма.

– Прежде чем что-то предпринять, мне нужно поговорить с Максин.

– На кой черт тебе это? Я доверяю ей еще меньше, чем всем этим говнюкам.

Наступила долгая пауза. Тодд знал, что услышит дальше, и поэтому молча ждал.

– Теперь вот что я тебе скажу, – произнес Донни, – ты сделал наиглупейшую вещь в своей жизни. Более идиотской затеи я представить себе не могу. Черт тебя дернул пойти на эту проклятую подтяжку лица! Господи, даже не знаю, каким словом это называть. Мама хоть знает?

– Нет. Как ближайшего родственника я указал тебя. Думал, ты поймешь.

– Не могу сказать, что я тебя понимаю. Все это чушь собачья. Чистейший идиотизм.

И я завтра же уезжаю в Техас.

– Так скоро?

– В четверг в восемь утра мне нужно быть в суде. Линда пытается лишить меня уик-эндов с Донни-младшим. Если я не появлюсь в суде, ее адвокат настроит против меня судью. Я встречался с ним пару раз, и он мне не понравился. Поэтому мне придется сказать тебе «прости-прощай» и покинуть тебя, как бы мне ни хотелось здесь остаться. Кстати, я могу позвонить маме и...

– Нет-нет, Донни. Пожалуйста, не делай этого. Я не хочу ее видеть здесь. – Тодд вслепую нащупал и схватил руку Донни. – Со мной все будет хорошо. Тебе незачем волноваться. Со мной все будет хорошо.

– Ну ладно, ладно. Я все понял. Я не буду звонить маме. Тем более что самое страшное позади. Я в этом уверен. Но послушай меня, тебе нужно выбираться из этой чертовщины. Нужно найти приличную клинику.

– Боюсь, об этом может узнать пресса. Если Максин считает...

– Ты разве не слышал, что я тебе говорил? – неожиданно взорвался Донни. – Этой сучке я не доверяю. Она всегда была себе на уме. Кроме собственной выгоды, ее ничто не интересует!

– Только не надо кричать.

– А что мне остается делать? Знаешь, о чем я думал все эти семьдесят два часа, пока сидел у твоей кровати? Я думал, как рассказать маме о том, что ты помер в результате какой-то пластической чертовщины, которую сотворил со своей сраной физиономией. – И немного переведя дух, добавил: – Господи, если бы отец был жив... он бы сгорел со стыда.

– Ладно, Донни. Ты меня убедил. Я засранец.

– Вокруг тебя толпы лизоблюдов. Неужели никто из них не мог дать тебе дельный совет? Меня воротит от всего этого. Я имею в виду этих людей. Ломают передо мной какую-то комедию – сначала говорят одно, потом другое. А ты тем временем чуть не отдал концы. Да разве они могут дать прямой ответ? Как же! Не дожدهшься от этих засранцев! – Донни на мгновение умолк, чтобы набрать воздуха для очередного залпа негодования. – Что с тобой происходит, малыш? Лет десять назад ты лопнул бы со смеху, если бы тебе предложили «немножко подтянуть лицо».

Отстранившись от руки Донни, Тодд сделал глубокий скорбный вздох.

– Это трудно объяснить, – признался он, – но мне нужно как-то удержаться наверху. Меня вытесняют более молодые парни...

– Ну и пусть. Зачем тебе там оставаться? Почему не уйти тихо? Ты взял от славы все, что можно. И даже больше. Неужели тебе этого мало? Чего еще ты хочешь? Зачем затеял все это дерьмо?

– Затем, что такая жизнь мне по душе, Донни. Я люблю славу. Люблю деньги.

– Черт возьми, сколько же тебе еще нужно денег? – фыркнул Донни. – Ты заработал больше, чем сможешь потратить, если...

– Только не говори мне о том, что у меня есть, а чего нет. Ты даже понятия не имеешь, сколько стоит эта жизнь. Во что выливается содержание домов и оплата налогов. – Внезапно он прекратил свою защитную речь и, сменив тактику, перешел в наступление: – Во всяком случае, я что-то не припомню, чтобы ты жаловался...

– Постой, – перебил Донни, очевидно догадавшийся, куда клонит его брат и чем это может закончиться, однако Тодд останавливаться не собирался.

– ...Когда я посылал тебе денег.

– Не надо, не начинай.

– А почему? Ты тут сидишь и распинаешься о том, какой я засранец, но ты никогда не отказывался от моих денег, когда я тебе их подкидывал. И так было всегда. Кто оплачивал твои судебные издержки в последний раз? Кто выкупал закладную на дом, в котором вы с Линдой в очередной раз начинали новую жизнь? Кто платил за ваши ошибки?

Вопрос повис в воздухе без ответа.

– Все это так мерзко! – тихо произнес Донни. – Я приехал сюда...

– ...Чтобы узнать, жив я или мертв.

– ...Чтобы позаботиться о тебе.

– Что-то раньше ты никогда этого не делал, – напрямик резанул Тодд. – Разве нет? За все эти годы ты ни разу не приехал навестить меня.

– Меня тут не ждали.

– Тебя всегда ждали. А не приезжал ты только потому, что чертовски мне завидовал. Ну, скажи честно, между нами, разве я не прав? Признайся хоть раз в жизни, что тебя распирала зависть, поэтому сама возможность навестить меня казалась невыносимой.

– Знаешь что? Я не желаю этого больше слышать, – заявил Донни.

– Мне следовало высказать тебе все это много лет назад.

– Я уйду.

– Валяй. Ты вдоволь позлорадствовал. Теперь отправляйся и расскажи всем, какой засранец у тебя брат.

– Не собираюсь я этого делать, – возразил Донни. – Что бы ты ни делал, ты все равно останешься мне братом. Но я не могу помочь тебе, когда ты окружил себя...

– ... Лизоблюдами. Ну да. Ты это уже говорил.

Тодд услышал, что Донни встал и шаркающей походкой направился к двери.

– Что ты делаешь? – осведомился Тодд.

– Уйду. Как и обещал. С тобой все будет хорошо. Этот гомик Берроуз будет тщательно тебя опекать.

– И даже не обнимешь меня на прощание?

– В другой раз. Когда ты мне будешь больше нравиться, – отозвался Донни.

– И когда же это? – крикнул ему вдогонку Тодд. Но вместо ответа услышал лишь собственный голос, эхом отразившийся от противоположной стенки.

Глава 3

Максин появилась в палате Тодда около семи вечера. Не проявив особого такта к его «возвращению из мертвых», как она сама выразилась, и отпустив в качестве утешения несколько небрежных фраз, она незамедлительно перешла к делу.

– У кого-то из здешнего персонала оказался слишком длинный язык, – начала излагать последние новости Максин. – Нынче мне позвонил редактор «Инквайрер», чтобы удостовериться в дошедших до него слухах, будто ты находишься в частной клинике. Я ответила, что это чистейшая ложь, грязные сплетни и так далее и так далее. Сказала, если он эту чушь вздумает опубликовать, то мы подадим на него и его паршивую макулатуру в суд. Не прошло и десяти секунд, как из «Верайети» позвонил Питер Барт и задал тот же проклятый вопрос. Пока я с ним говорила, стараясь как можно меньше лгать, потому что у него нюх на всякого рода дерьмо, по другому телефону с тем же вопросом ко мне обратилась редакция «Пипл». Что это? Совпадение? Лично я так не думаю.

Из-под бинтовой маски донесся тихий стон.

– Я уже предупредила Берроуза, что нам придется переправить тебя в другое место, – продолжала Максин.

– погоди. Донни сказал, что вчера ты хотела, чтобы я остался здесь.

– Да, но так было до этих звонков. Теперь фотографии могут в любую минуту сюда нагрянуть. Это всего лишь вопрос времени.

– Будь они трижды прокляты!

– Представляю, какая чудненькая выйдет сценка, – вновь затараторила Максин, не успев Тодд даже нарисовать в своем воображении этот маленький спектакль. – Лежишь ты в постели с забинтованной головой...

– погоди, – прервал ее Тодд – Но они же не смогут доказать, что это я.

– Беда в том, что это действительно ты, Тодд. Кто бы ни распустил о тебе сплетни, он находится в этом здании. Очевидно, у них есть доступ к твоим документам, к медицинской карте...

Тоддом вновь овладел тот же самый панический страх, который он пережил, когда вышел из комы. Ужас очутиться в ловушке. Но на этот раз Пикетт сумел с ним справиться. Ему определенно не хотелось в присутствии Максин терять над собой контроль.

– И когда ты собираешься меня отсюда вытащить? – осведомился он.

– Завтра в пять утра я возьму машину. Я уже сказала Берроузу, чтобы он обеспечил охрану этого места, пока ты не уедешь. На первое время я переправлю тебя в прибрежный особняк в Малибу. А потом мы найдем для тебя что-нибудь более подходящее.

– А я не могу вернуться домой? – спросил Тодд, прекрасно понимая безрассудность своего вопроса, потому что именно к нему домой в первую очередь и нагрянут журналисты.

– Возможно, когда ты немного оклемаешься, мы тебя переправим туда самолетом. Я позвоню Джону. Узнаю, сможет ли он тебя подбросить в Монтану.

– Я не хочу ехать в Монтану.

– Тебе там будет гораздо безопаснее, чем здесь. Мы организуем круглосуточный уход...

– Я сказал – нет. Не хочу находиться так далеко от цивилизации.

– Ладно. Постараемся подыскать местечко у нас в городе. А как быть с твоей подружкой мисс Бош? Ведь она будет задавать разные вопросы. Что прикажешь мне ей отвечать?

– Ее нет в городе. Она снимается где-то на Каймановых островах.

– Ее уволили, – сказала Максин, – очевидно, по причине «творческой несовместимости». Директор хотел обнажить ей грудь, а она отказалась. Тем не менее, ее ранние работы

оставляют очень мало места для зрительского воображения. Не знаю, с чего это вдруг она решила корчить из себя скромницу. Но как бы там ни было, она желает говорить с тобой. Что ей ответить?

– Что угодно.

– Но ты же не хочешь, чтобы я посвящала ее в это дело?

– Черт, конечно нет. Вообще никого не хочу посвящать.

– Хорошо. Это будет не просто, но ладно. Я что-нибудь придумаю. Позвать сестру, чтобы она дала тебе какое-нибудь успокоительное?

– Да...

– Мы найдем тебе место, где укрыться, пока ты не поправишься. Я попрошу Джерри Брамса. Он знает весь город вдоль и поперек. Нам всего лишь нужен укромный угол. Не обязательно шикарный.

– Главное убедись, чтобы он не распустил обо мне слухов, – предупредил Тодд. – Джерри слишком болтлив.

– Положись на меня, – ответила Максин. – Ну, до завтра. Тебе надо немного поспать. И не волнуйся, никто не узнает, где ты находишься и что с тобой происходит. Скорее эти журналюги умрут, чем что-то узнают.

– Обещай.

– Удавлю их собственными руками.

С этими словами Максин вышла из палаты, оставив Тодда одного в полной темноте.

Донни был прав. Несомненно, ничего глупее Тодд в своей жизни еще не делал. Но обратной дороги нет. В жизни, как в кино, имеет смысл двигаться только в одном направлении. И что он еще может предпринять, кроме как плыть по течению, надеясь, что у этого витка судьбы будет счастливое завершение?..

Посреди ночи на Тихом океане разыгрался шторм, седьмой и самый сильный за последнюю зиму. Сорок восемь часов лил дождь, вода на побережье от Монтевея до Сан-Диего поднялась на несколько дюймов, причинив кучу неприятностей. Переполненные водостоки превратили улицы Санта-Барбары в пенистые реки. Двое горожан и семь уличных работников утонули. Порывистый ветер повредил электропровода, особенно в Оранж-Кантри, где на три дня остались без света несколько районов. Вдоль Тихоокеанской автострады, где прошлой осенью лесные пожары на корню уничтожили всю горную растительность, голая земля превратилась в скользкую грязь, которая сползала на дорогу, что послужило причиной бесчисленных транспортных происшествий. Четырнадцать человек погибли, среди них семья из семи мексиканцев, нелегально перешедших границу и пробывших на вожденной земле только четыре часа. Их грузовик перевернулся, и, не сумев из него выбраться, вся семья сгорела. В тихоокеанских бухтах были затоплены несколько домов общей стоимостью в миллион долларов. Такая же картина наблюдалась и в каньоне Топанга.

Разгул стихии, разумеется, не мог не отразиться на переезде Тодда из больницы в приморский домик Максин. При прочих обстоятельствах это заняло бы куда меньше времени, да и поволноваться пришлось, но, с другой стороны, тайну Тодда так никто и не раскрыл. Когда они покидали больницу, никаких фотографов, разумеется, у дверей не было, равно как никто не поджидал в окрестностях особняка. Однако это еще не означало, что опасность миновала Звонки в офис Максин, касавшиеся состояния Тодда, нарастали с каждым днем в геометрической прогрессии, причем последнее время они начали поступать из дальнего зарубежья – это, очевидно, было связано с быстротой распространения слухов, – в частности из Японии, где только что прошла премьера «Виселицы». Один немецкий журналист имел безрассудство предположить, что Тодд решил сделать пластическую операцию.

– Ну я ему покажу! Проклятый фриц.

– Разве ты сама не немка по материнской линии?

– Все равно он чертов фриц.

Тодд вместе с сестрой Кэрин – после тщательного изучения его менеджер пришла к заключению, что на эту особу можно положиться, – сидел на заднем сиденье принадлежавшего Максина «мерседеса». Медсестра была женщиной немногословной, но уж если открывала рот, то каждое слово произносила с особым ударением.

– Не понимаю, зачем было устраивать этот балаган. Что страшного в том, если даже кто-нибудь разнюхает правду? Подумаешь, сделал человек себе химический пиллинг и убрал несколько морщин. И что в этом такого?

– Фанаты Тодда не смогут принять такой новости о своем кумире, – ответила Максина. – У них сложилось некое незыблемое представление о Тодде Пикетте.

– По-ихнему, выходит, он совершил не слишком мужской поступок? – полюбопытствовала Кэрин.

– Может, мы все-таки перейдем к делу? – Бросив на медсестру выразительный взгляд через переднее зеркальце, Максина покачала головой, давая понять, что разговор, или по крайней мере эта его часть, закончен. Тодд, лицо которого было по-прежнему забинтовано, разумеется, ничего этого не видел.

– О чем задумался, Тодд? – обратилась к нему Максина.

– Интересно было бы знать, как скоро...

– Скоро, – не дав ему закончить, ответила Максина. – Очень скоро. Между прочим, я переговорила с Джерри Брамсом и передала ему слово в слово нашу просьбу. Через два часа он пришел ко мне и сказал, что у него есть как раз то, что нам нужно. Завтра утром я поеду посмотреть, что он хочет нам предложить.

– Он сказал тебе, где это находится?

– Где-то в горах. Очевидно, он отдыхал там в детстве. Думаю, это было в сороковых годах. Место совершенно безлюдное. Тебя там никто не потревожит.

– Да там же полно всякого дерьма. Автобусы, набитые экскурсантами. Там чуть ли не в каждом доме обреталась какая-нибудь знаменитость.

– Я тоже так считала. Но он поклялся, что этот дом в некотором смысле идеален. Никто даже не знает, как добраться до каньона, в котором он находится. Во всяком случае, так сказал Брамс. Но мы это еще проверим. Если дом тебе не подойдет, я продолжу поиски.

Днем в прибрежный домик Максина приехал доктор Берроуз, чтобы сделать Тодду перевязку. Это был воистину священный ритуал: Пикетт полулежал на дорогой софе, что стояла у выходящего на море окна, Максина поодаль готовила себе водку с содовой, а Берроуз – несмотря на возникшие трения минувшего дня, он вновь обрел былую самоуверенность – колдовал над бинтами, ведя ни к чему не обязывающий разговор о дожде и грязи на дороге.

– Сейчас веки будут немного слипаться, – предупредил Тодда доктор, – поэтому постарайтесь не открывать глаза, пока я их не промою.

Ничего ему не ответив, Тодд молча внимал стуку пульса в голове и шуму моря за окном.

– Будьте так любезны, – обратился Берроуз к Максине, – зашторьте слегка окна. Мне не хотелось бы, чтобы в глаза Тодда ударил яркий свет.

Тодд услышал, как Максина бросилась к окну, после чего раздался характерный шум опускающихся электрических жалюзи.

– Полагаю, так будет достаточно, – сказал Берроуз. Раздался щелчок, и гул прекратился. – А теперь мы посмотрим, как у нас дела Тодд, пожалуйста, не шевелитесь.

Затаив дыхание, Пикетт почувствовал, как доктор осторожно снял повязку с его лица. Тодду показалось, что вместе с марлей он лишился слоя кожи. Он услышал, как Максина слегка вздохнула.

– Что? – забеспокоился он.

– Все хорошо, – успокоил его Берроуз. – Пожалуйста, не шевелитесь. Это очень тонкая процедура. Кстати сказать, в новой повязке я сделаю вам отверстия для глаз, поэтому вы сможете... Пожалуйста, спокойно... хорошо, хорошо... Вы сможете видеть.

– Максин?.

– Прошу вас, Тодд. Не шевелите мышцами.

– Я хочу, чтобы она сказала, как я выгляжу со стороны.

– Я пока ничего не вижу, Тодд.

Берроуз что-то шепнул сестре, но Тодд не сумел разобрать слов. Но он слышал, как повязка, от которой теперь его полностью освободили, упала в сосуд, издав влажный шлепок. Ему не составляло труда представить почему. Очевидно, она была пропитана его кровью и ошметками прилипшей к ней кожи. У Тодда свело в животе.

– Меня тошнит, – сказал он.

– Мне на минуту прерваться? – осведомился Берроуз.

– Нет, заканчивайте.

– Хорошо. Тогда я начинаю промывания, – произнес Берроуз. – Потом мы посмотрим, как заживает ваша кожа. Должен сказать, что на данном этапе она выглядит очень хорошо.

– Я хочу, чтобы на меня посмотрела Максин.

– Минуточку, – прервал его Берроуз. – Позвольте мне...

– Сейчас же, – упорствовал Тодд, подстегиваемый приступом тошноты. Подняв руку, он отстранил в сторону доктора, и тот покорно отступил. – Максин? – позвал ее Тодд.

– Я здесь.

Пикетт повернулся в сторону, откуда слышался ее голос.

– Подойди и взгляни на меня. Я хочу знать, как я выгляжу.

Раздался стук каблуков Максин по полированному полу.

– Быстрей. – Ее шаги ускорились, женщина подошла вплотную к Тодду. – Ну, что?

– Честно говоря, трудно сказать, пока не...

– Господи! Так я и знал! Так и знал, что он меня надует!

– погоди, погоди, – затараторила менеджер. – Успокойся, все дело в том, что на тебе жутко много мази. Прежде чем впадать в панику, подожди, пока он обработает твою кожу. – Тодд потянулся к Максин, и она схватила его за руку. – Скорее всего, все будет хорошо, – сказала она, но ладонь у нее была липкой. – Просто нужно набраться терпения. Ну почему мужчины такие нетерпеливые?

– Ты сама нетерпелива, – напомнил ей Тодд.

– Пусть он доделает свое дело, Тодд.

– Ну что, признайся, что нетерпелива.

– Хорошо. Я тоже нетерпелива.

Принявшись за работу, Берроуз тщательно промыл веки и слипшиеся ресницы пациента. Резкий запах очистительного раствора ударил Тодду в нос, проникнув в самые пазухи.

– С возвращением, – произнесла Максин и высвободила свои пальцы из руки Тодда, словно смущенная его неожиданным порывом.

Минуты через две взгляд Тодда прояснился, а еще через две окончательно адаптировался к полумраку комнаты. Постепенно, шаг за шагом, к нему возвращалось привычное видение мира. Большое, наполовину зашторенное окно с защищавшим его снаружи от дождя козырьком; шикарная обстановка комнаты, индийский ковер, кожаная мебель; подвешенная под потолком абстрактная скульптура, выполненная в желтых, черных и белых тонах. Сросшиеся брови Берроуза и его застывшая нервная улыбка. Медсестра, которая оказалась хорошенькой блондинкой. И наконец, Максин с ее мертвенно-бледным лицом.

Берроуз отошел в сторону, словно портретист, представивший на суд публики результат своих трудов.

– Я хочу увидеть все сам, – сказал ему Тодд.

– погоди минуту, – остановила его Максин. – Тебя все еще тошнит?

– Почему ты спрашиваешь? Боишься, что, увидев себя в зеркале, я не сдержу рвоты?

– Нет, – ответила она не слишком твердым голосом. – Вид у тебя немного припухший, вот и все. И слегка сыроватый. Но это вовсе не плохо.

– Ты всегда умела виртуозно лгать.

– Да нет же, правда, – упорствовала она. – Все не так плохо.

– Тогда дай мне посмотреть.

Никто в комнате не сдвинулся с места.

– Даст мне кто-нибудь зеркало или нет? – Пикетт собрался встать с кресла – Что ж, я возьму его сам.

– Сиди на месте, – воскликнула Максин. – Раз ты так настаиваешь. Сестра? Как вас зовут?

– Кэрин.

– Сходите в спальню и принесите оттуда небольшое зеркальце. Оно в карманном несесере.

Тодду показалось, что Кэрин не было целую вечность. Во всяком случае, минуты ожидания длились нескончаемо долго. Коротая их, Берроуз глядел на дождь за окном, а Максин взбодрила себя очередной порцией алкоголя.

Когда медсестра возвратилась, ее взгляд был устремлен на Берроуза, а не на Тодда.

– Скажите, чтобы она дала мне зеркало, – произнес Тодд.

– Отдайте, – покорно приказал ей доктор.

Кэрин вручила зеркало Тодду, и прежде чем в него взглянуть, он глубоко вздохнул.

На какое-то мгновение его взгляд неподвижно застыл на своем зеркальном двойнике. Действительность поплыла у Пикетта перед глазами, и он подумал: это все нереально. Комната, люди в ней, дождь за окном, его лицо в зеркале. Все это вымысел, видение, которое скоро исчезнет...

– Господи, – воскликнул Тодд, как некогда старик Дункан, – посмотри на меня!

Силы изменили ему, и он уронил зеркало на пол. Оно упало стеклом вниз. Медсестра собралась его поднять, но Тодд ее остановил:

– Нет. Пусть лежит.

Она отшатнулась, и он прочел ужас в ее глазах. Чего она испугалась? Его голоса? Или лица? Упаси господа, чтобы в этом было повинно его лицо!

– Откройте кто-нибудь жалюзи, – сказал он. – Впустите сюда немного света. В конце концов, мы не на похоронах.

Максин щелкнула выключателем, и механизм зажужжал, поднимая жалюзи. Взору открылась вымокшая под дождем открытая терраса с кое-какой мебелью, за ней тянулся пляж. Вдали в сопровождении двух телохранителей трусцой бежал вдоль берега какой-то человек – очевидно, такой же знаменитый глупец, как Тодд, который решил любой ценой сохранить свою красоту и следовал этому стремлению, невзирая на дождь. Поднявшись со стула, Тодд подошел к окну. Несмотря на присутствие посторонних, он оперся рукой о холодное оконное стекло и зарыдал.

Глава 4

Прописанные Берроузом болеутоляющие и успокоительные лекарства Тодд существенным образом пополнил другими, которые приобрел у Джерома Банни, одного ворчливого коротышки английского происхождения, который последние четыре года исправно снабжал Пикетта нелегальными препаратами. С их помощью последующие двадцать четыре часа он провел в сомнамбулическом состоянии.

Дождь за окном, казалось, утихать не собирался. Сидя перед необъятным экраном телевизора, Тодд взирал на череду бед, и несчастий, постигших других людей (кто-то из них лишился крова, кто-то – семьи), и задавал себе риторический вопрос: согласился бы кто-нибудь из них поменяться с ним своим горем? Образ, увиденный им в зеркале, – образ, который смутно напоминал ему кого-то знакомого, но ужасно изуродованного кровоточащими и гнойными ранами, – периодически всплывал у Тодда в памяти. В таких случаях он брал таблетку, другую, а иногда и третью, запивал их глотком пива и ждал, пока опиаты отстранят от него этот ужас на безопасное расстояние.

Хотя в новой повязке Берроуз, как и обещал, оставил отверстия для глаз, тем не менее, она по-прежнему действовала на Тодда угнетающе; его руки то и дело безотчетно тянулись к лицу и, потеряв он на мгновение бдительность, могли бы сорвать бинты к чертовой матери. Пикетт ощущал себя нелепым, кошмарным созданием, вышедшим из тех фильмов ужасов, которые обычно демонстрируют поздно вечером; его лицо, некогда принесшее ему славу, скрывало под бинтами жуткую тайну. Он даже спросил у Максин, как назывался тот слезливый фильм с Роком Хадсоном, в котором героя постигло подобное несчастье с лицом, но она не знала.

– Послушай, хоть ненадолго перестань думать о себе, – посоветовала она, – Подумай о чем-нибудь еще.

Легко сказать. Вся беда в том, что размышление о собственной персоне давно превратилось для него в естественное занятие, воистину стало второй натурой, ибо на протяжении долгих лет все прочее постепенно исчезло из сферы внимания. Единственной его заботой был Тодд Пикетт – если не считать тех немногочисленных случаев, когда он переключал свое внимание на Демпси. Не следуя он этому правилу, он тотчас же утратил бы власть в мире. Так или иначе, но Тодд был участником большой игры, выиграть которую мог только тот, кому никогда не изменяло самообладание. Все прочие были обречены на провал. Теперь же, когда Пикетту было бы куда полезнее обратиться к вещам посторонним, оказалось, что он разучился это делать. Ко всему прочему он лишился преданного четвероногого друга, который всегда видел в нем своего хозяина, как бы ужасно тот ни выглядел.

К концу дня Максин вернулась домой с добрыми новостями. Она ездила посмотреть для Тодда будущий дом – Убежище, как она окрестила это местечко в горах. Не обманув ее ожиданий, поместье оказалось точь-в-точь таким, каким его описывал Джерри Брамс.

– Это единственный дом в каньоне, – сказала она.

– В каком каньоне?

– Боюсь, вряд ли у него есть название.

– Ну, ты и скажешь! У каждого каньона есть название.

– Единственное, что я могу сказать, он находится где-то между каньонами Холодных Вод и Почестей. Честно говоря, пока я ехала туда вслед за Джерри, я немного потеряла ориентиры. Он ведь мчится как дьявол. А ты же знаешь, я плохо ориентируюсь на местности.

– А кому принадлежит дом?

– В данный момент там практически никто не живет. Только старая прислуга. На первый взгляд кажется, что он построен в пятидесятые. Возможно, раньше. Но в нем нет

ничего, к чему ты привык в быту. Я попрошу Марко перевезти туда кое-что из твоей мебели, чтобы ты чувствовал себя комфортно. С другой стороны, это именно то, что нам сейчас нужно. Кстати, мне в офис звонила мисс Бош. Она довольно дерзко говорила с Сойером. Эта дамочка вбила себе в голову, будто ты на Гавайях крутишь роман с какой-нибудь восходящей кинозвездой.

– Пусть думает, раз ей так хочется.

– И тебе все равно?

– Сейчас – да.

– Ты уверен, что не хочешь ее видеть?

– О боже! Ее? Нет, Максин. Я не хочу ее видеть.

– Она была очень огорчена.

– Потому что рассчитывала с моей помощью получить роль в «Бойце».

– Ладно, хватит об этом. А если она еще раз позвонит?

– Скажи ей, что она права. Что я действительно сейчас на Гавайях и трахаю в задницу какую-нибудь покладистую сучку. Имя выбери на свое усмотрение.

– А теперь загляни сюда, – Максин протянула ему конверт.

– Что это?

– Фотографии твоего Убежища.

Он взял их в руки.

– Думаю, это вполне подойдет, – произнес он, едва одаривая взглядом фотографии.

– Боюсь, они не слишком удачные, – начала Максин. – Такой поганый фотоаппарат. К тому же шел дождь. Но общее впечатление все-таки можно получить.

– С виду дом кажется большим.

– Как говорит Джерри, такие дома называли раньше «дворцами грез». Ими владели богатые кинозвезды. Хотя он довольно дешевый, в нем много пространства. Большая спальня хозяина выходит окнами на каньон. Ты сможешь из ее окон увидеть Сенчери-Сити, а в ясную погоду, возможно, даже океан. Гостиная размером чуть ли не с балльный зал. В каждый уголок интерьера вложено очень много любви. Все внутреннее убранство, вплоть до дверных ручек, когда-то было вершиной моды. Теперь, конечно, устарело. Потолок башенки расписан фресками. Как сказал Джерри, с него смотрят вниз лица известных кинозвезд. Я никого не узнала. Вероятно, они снимались в немом кино.

Максин замолчала, ожидая услышать, какое впечатление на Тодда оказали фотоснимки, но тот продолжал разглядывать их молча.

– Ну? – не выдержала Максин. – Что, приглянулся тебе Старый Голливуд?

– В принципе все нормально. Но тебе не кажется, что я похож на него?

– На кого?

– На Старый Голливуд.

Глава 5

Джерри Брамс снимался в детских ролях в кино в конце тридцатых годов, когда был еще ребенком, а с наступлением половой зрелости его артистическая карьера резко пошла на спад. «Наиболее выразительным», говоря его словами, Джерри был в возрасте девяти-десяти лет, после чего детское очарование постепенно угасло. Тодд всегда воспринимал Брамса с немалой долей иронии: чрезмерно вьющаяся белая шевелюра, неестественный английский выговор и откровенный цинизм по отношению к той профессии, к которой он некогда стремился.

Но Джерри, несомненно, знал Голливуд. Он жил и дышал его скандалами и грандиозными успехами, он больше, чем кто-либо другой, мог рассказать о Золотом веке Голливуда, который совпал – что было совсем не удивительно – с годами его артистической карьеры. Познания Брамса в области кино тех лет можно было назвать энциклопедическими, в чем Тодд имел возможность убедиться еще три года назад, когда с помощью Джерри подыскивал себе новый дом. Не прошло и двух недель, как Брамс, разведав обстановку, пригласил Тодда вместе с Максин на грандиозную экскурсию, с тем чтобы показать места, которые, на его взгляд, могли приглянуться кинозвезде. Тодд не выносил болтовни Джерри и поэтому не хотел ехать, но Максин настояла.

– Если ты откажешься, его удар хватит, – сказала она. – Ты же знаешь, как он тебя боготворит. Не говоря уже о том, что он, возможно, подыскал что-нибудь стоящее.

Словом, Тодд согласился. Организованная Брамсом поездка превратилась в развлекательное турне, которое обычно устраивают для высоких персон (хотя, если рассудить, именно таким и был Тодд Пикетт). Джерри даже нанял носильщика, который сопровождал их с корзинкой шампанского и икрой – на случай если кумиру захочется устроить по дороге пикник. Кроме того, он прихватил карту города, на которой тщательно вычертил предстоящий маршрут. Поначалу они спустились к Колонии Малибу, после чего сделали крюк к Бел-Эйр и Беверли-Хиллз, потом полюбовались прелестями Хенкок-Парка и Бренвуда. Джерри рассчитал путь таким образом, чтобы продемонстрировать свои познания по части мест проживания бывших светил Голливуда. Они проехали мимо Соколиного Логова на Белла-драйв, которое в зените своей славы построил Валентино. Посетили дом, стоявший на подъезде к каньону Бенедикт, где много лет жил Гарольд Ллойд. Проехали мимо Розового дворца Джейн Мэнсфилд, на редкость претенциозного и безвкусного, а также мимо дома, в котором во время медового месяца обитали Мэрилин Монро с Димаджио. Посетили бывшие гнездышки таких звезд, как Джон Бэрримор («В нем до сих пор пахнет алкоголем», – заметил при этом Тодд), Рональд Колман, возлюбленная Херста Мэрион Дэвис, Клара Боу, Люсиль Болл и Мэй Уэст. Далеко не все дома были выставлены на продажу и открыты для осмотра. Между тем Джерри пытался подыскать для Тодда жилище по соседству с домом знаменитости. Некоторые особняки внешним видом несколько не соответствовали своей прославленной истории, однако Брамса, казалось, это обстоятельство совсем не смущало, возможно, он этого даже не замечал. Проживавшие в этих краях легендарные особы, чьи имена олицетворяли элегантную и роскошную жизнь, делали его слепым к зачастую царившей вокруг разрухе. Словно паломник, наделивший ореолом святости эти места, Джерри с такой нежностью говорил о некогда обитавших тут людях, что Тодд был чрезвычайно тронут.

Четыре или пять раз за экскурсию Джерри просил водителя подъехать к тому или иному месту, чтобы Максин и Тодд, выйдя из лимузина, могли полюбоваться открывающимся пейзажем, после чего вручал фотографию той же местности, но снятой шестьдесят или семьдесят лет назад, когда она смотрелась как песчаная, поросшая кактусами пустошь. Для Тодда поездка оказалась весьма познавательной. Прежде он никогда не задумывался над

тем, насколько молодым городом был Лос-Анджелес и какой наносной была, по сути, его внешность. Зеленая растительность была столь же искусственной, как и штукатурка на стенах домов, а сам город представлял собой огромное скопище фальшивых и недолговечных строений. Стоило бы насосам прекратить подачу воды, как этот зеленый мир с его роскошными особняками и прочими изысками очень скоро бы вымер.

Тогда Тодд не сумел сделать выбор среди предложенных Джерри многочисленных вариантов, что, возможно, было к лучшему. В конце концов, он остановился на доме в Бел-Эйр, который впоследствии подверг существенной реконструкции. Как заметил Джерри, в данном особняке никогда еще не проживали легендарные личности – под этими словами Брамс явно подразумевал, что Тодд уже присоединился к легендарному пантеону.

Как только Пикетт одобрил предложенное ему прибежище в горах, Марко взял на себя основные хлопоты, связанные с переездом. На подготовку ушел целый день – все это время Тодд сидел в прибрежном доме в Малибу и созерцал отражение собственного забинтованного лица в оконном стекле, забрызганном каплями дождя. Благодаря обезболивающим лекарствам, которые прописал Берроуз, Тодд практически не ощущал физической боли, однако даже препараты из поставок Банни не могли избавить его от постоянного давления, которое он испытывал от марлевых повязок и бинтов на лице. Тодд содрогался при одной только мысли, что с отголосками этого чувства ему, возможно, придется жить до конца своих дней; во всяком случае, он неоднократно слышал, что некоторым жертвам пластической хирургии, которым не повезло куда сильнее, чем ему, так и не удалось вернуть утраченное. Пикетту казалось, что он совершил непоправимый поступок, и это повергало его в еще больший ужас. Однако жалеть о содеянном не имело никакого смысла. У него не было другого выхода, кроме как: положиться на Бога и молить его о том, чтобы поскорее вылечить «неизбежные осложнения после операции», как назвал это Берроуз, и чтобы лицо его вновь стало целым и невредимым, как прежде. Он уже не надеялся вернуть своему лицу молодость, а мечтал лишь о том, чтобы обрести прежний, знакомый облик Тодда Пикетта с его складками и мелкими морщинками.

Закончив основные приготовления к переезду в новый дом, Марко ранним вечером прибыл за Тоддом. Они поехали впереди на «седане», а вслед за ними отправились Максин и Джерри.

– Утром я дважды заблудился, – сказал Марко, – пока ездил туда и обратно. Черт его знает почему. Но дважды я разворачивался и вновь оказывался на бульваре Сансет.

– Прямо какой-то рок, – заметил Тодд. – Там нет никаких уличных указателей.

– Неужели?

– И вообще почти нет домов, что мне очень понравилось. Ни тебе соседей, ни туристических автобусов. Ни карабкающихся по стенам поклонников.

– Помнится, с ними ловко умел расправляться Демпси!

– Еще бы! Старик Демпси был молодцом. Помнишь того немца? Такой верзила! Он как раз перелезал через забор, когда Демпси вцепился ему в задницу, а потом...

– Он пытался возбудить против тебя уголовное дело.

– Да, хотел отдать меня под суд.

Посмеявшись над давним эпизодом, они вновь погрузились в свои мысли.

Глава 6

– Так что именно рассказывал Джерри об этом месте? – спросил Тодд, когда они с Максин остановились напротив Убежища.

– Не слишком много. Кажется, я говорила тебе, что он гостил в этих краях, когда был совсем мальчишкой. Поэтому у него сохранились самые удивительные воспоминания о доме. Вот, пожалуй, и все.

Когда Максин снимала окрестности на пленку, шел сильный дождь. Теперь же, в ясную погоду, дом показался Тодду совсем другим и вполне соответствовал своему титулу «дворца грез». Однако из-за того, что дом утопал в дикой зелени, оценить его истинные размеры было практически невозможно. Справа от главного входа на добрых тридцать футов в высоту вздымались заросли бамбука, местами даже выше дымовой трубы. Не меньшего буйства достиг плющ, представленный во всем цветовом многообразии – фиолетовый, красный, розовый и белый. Даже скромный папоротник, посаженный в тенистых местах вдоль забора, вымахал здесь до неузнаваемых размеров. Подчас он образовывал зеленый навес, под которым можно было стоять, подняв руки вверх и не касаясь шишковатых ответвлений.

Сам же дом был построен в стиле испанского дворца без всякого намека на голливудское воображение. Штукатурка от времени стала бледно-розовой, красная крыша выпцвела. Подножие ступенек, а также наличники на окнах были декорированы на удивление яркой плиткой голубого, белого и бирюзового цветов, выложенной довольно замысловатым образом, что придавало фасаду налет мавританского очарования. Входная дверь выглядела так, словно ее похитили из какого-нибудь средневекового замка, – должно быть, именно такую дверь в свое время запирали на засов Дуглас Фэрбенкс-старший, защищаясь от армии злодеев. Во всяком случае, Максин пришлось приложить немалую силу, прежде чем дверь со скрипом и громким грохотом распахнулась – причем с таким размахом, словно в стене было встроено специальное противовесное устройство.

– Очень драматично, – наигранно отметил Тодд. На самом деле он был немало поражен масштабностью своего будущего жилища и его театральностью. Простодушный торговец давно уже был ему несвойственен. В той жизни, которую он вел, не следовало проявлять излишних эмоций к чему бы то ни было, помимо собственной персоны.

Максин повела Тодда в дом через башенку, по которой вверх поднималась винтовая лестница – ступеньки упирались в потолок своеобразной конструкцией, создающей впечатление иллюзии. Внутреннее убранство дома вполне отвечало тому впечатлению, что создавалось у Пикетта по фотографиям. Несмотря на скромное количество мебели, большая часть которой нуждалась в починке, это не умаляло величественности строения. Все – начиная с деревянных полов и резных потолочных панелей и кончая симметричными каминными решетками и кованными филигранью перилами – свидетельствовало о ручной работе истинных мастеров своего дела. Очевидно, обитатели этого дворца, будь то он или она, питали слабость к произведениям искусства.

В гостиной Марко расставил кое-какую мебель из особняка Тодда, образовав маленький островок современности посреди древнего и таинственного мира. Поразмыслив, Пикетт пришел к выводу, что в будущем ему следует избавиться от своего бывшего имущества и впредь приобретать только антиквариат.

После Тодд с Максин прошли на кухню. Она была устроена с тем же размахом, что и все остальное: десять поваров могли бы запросто управляться там со своими обязанностями, не мешая при этом друг другу.

– Конечно, все это до смешного старомодно, – заметила Максин, – но на какое-то время вполне сгодится, верно?

– Это просто здорово, – ответил Тодд, все еще не придя в себя от восхищения. – А что находится с другой стороны?

– Да так, ничего особенного. Бассейн. Теннисные корты. И огромный пруд. Очевидно, для водного поло.

– В нем водится рыба?

– Нет. А ты хочешь ловить рыбу?

– Вообще-то это не столь важно.

– Если хочешь, могу устроить. Только скажи.

– Знаю, что можешь. Но думаю, не стоит. Я поживу здесь от силы месяц, а потом уеду.

– Ну и что? Возьмешь рыбу с собой.

– И где я буду ее держать?

– Да ладно, – пожала плечами Максин, – нет так нет. – Она подошла к кухонному окну, чтобы продолжить знакомить Тодда с его Убежищем. – Насколько я понимаю, весь каньон является собственностью владельца этого дома. Однако сады тянутся на полтора акра до подножия горы с одной стороны и вплоть до ее вершины – с другой. Где-то недалеко находится домик для гостей. А может, даже два. Но меня они не интересовали. Полагаю, гости тебе пока ни к чему.

– А Джерри что-нибудь знает об истории этого дома?

– Скорей всего, знает. Но я, честно говоря, его об этом не расспрашивала.

– А что ты ему сказала обо мне?

– Сказала, что тебя преследует поклонница-маньяк. Очень опасная дама. И тебе нужно на время съехать из своего дома в Бел-Эйр, пока ее не поймают полиция. Честно говоря, не думаю, что он на это клюнул. Наверняка до него дошли слухи. Мне кажется, было бы лучше сообщить ему правду.

– Мы это уже как-то обсуждали...

– Нет, погоди. Послушай меня. Если мы посвятим его в нашу тайну, он будет нем как рыба, потому что захочет тебе угодить. А если он решит, будто мы от него что-то скрываем, то, скорее всего, разболтает все, что знает.

– С какой стати ему мне угождать?

– Сам знаешь, Тодд. Он без ума от тебя.

Тодд в изумлении затряс головой, но тут же понял, что сделал это зря. Комната поплыла у него перед глазами, и ему пришлось ухватиться за стол, чтобы удержаться на ногах.

– Тебе нехорошо? – осведомилась Максин.

Тодд поднял руки ладонями вверх в жесте капитулянта.

– Все нормально, – произнес он. – Просто мне нужно принять таблетку и выпить.

– По-моему, ты злоупотребляешь таблетками. Ты не считаешь...

– Я послал Марко купить что-нибудь выпить.

– Тодд, но еще утро.

– Ну и что? Если я буду торчать здесь, кому какое дело до того, что я буду напиваться каждый божий день?

– А как быть с Джерри? Мы не решили...

– Поговорим о Джерри как-нибудь в другой раз.

– Так рассказать ему или нет?

– Говорю же тебе, я не желаю это больше обсуждать.

– Хорошо. Но если он пустит слух, пеняй на себя. Я тебя предупреждала.

– Если он сообщит обо мне в «Нэшнл инкуайер», это будет моя вина. Довольна?

Не дождавшись от Максин ответа и предоставив ей возможность незамедлительно приступить к поискам спиртного, Тодд направился к заднему выходу из дома. За длинной лестницей, поросшей с двух сторон густым плющом, раскинулась просторная лужайка, на

которую отовсюду наступала всевозможная растительность – травы и цветы, поросль деревьев и цветущих кустарников. «Райская птица» двадцати футов высотой, платан и эвкалипт, наперстянка, ранний мак, атласом отливающий на траве, и зрелые лилии, ворсистая жимолость и дикий виноград, золотистый тысячелистник и красная гейлюссакия. И конечно, густые заросли вездесущей травы, мягкие, точно плюшевые, метелки которой, слегка покачиваясь, нежились в лучах яркого солнца. Это была необычная, можно сказать фантастическая, растительность.

Тодд прошел по лужайке, все еще мокрой от дождя, к пруду. Вокруг порхали стрекозы, деловито сновали собиравшие ароматный нектар пчелы. В отличие от дома, исполненного в довольно сдержанном стиле, пруд страдал излишней замысловатостью, граничащей с откровенной безвкусицей. В конце пруда возвышался бронзовый фонтан в виде морского бога в обществе нимф. Фигуры со сплетенными руками словно олицетворяли собой живую лозу – характерная особенность стиля барокко, несмотря на то, что по всем прочим признакам скульптурная группа была выполнена в подражание классике. Из большой раковины, которую держал в руках морской бог, когда-то давно в водоем поступала чистая вода. Теперь же, вместо того чтобы увидеть в пруду кристально голубую воду, Тодд, к своему великому разочарованию, обнаружил на дне лишь небольшую зеленую лужицу, не успевшую высохнуть после недавнего дождя.

Он повернулся и пошел обратно к дому. Отсюда здание произвело на Тодда гораздо большее впечатление, чем со стороны фасада. Поросшее местами плющом, оно походило на четырехслойный свадебный торт. За ним на горе, как и упоминала Максин, виднелся один из гостевых домиков. Несмотря на присутствие рукотворных строений, пейзаж был воистину впечатляющим. Если бы Джерри показал его Тодду во время их достопамятной экскурсии по выставленной на продажу недвижимости, Пикетт едва ли устоял бы перед искушением его приобрести. По всей очевидности, дом никогда не принадлежал какой-либо выдающейся личности, в противном случае Джерри ни за что не обошел бы его своим вниманием. Между тем эта резиденция определенно была не только далеко не заурядной достопримечательностью Голливуда, но являлась *creme de la crete*³, а ее дизайн мог самым выгодным образом продемонстрировать богатство, могущество и вкус любой крупной кинозвезды.

К тому времени, как Тодд возвратился в дом, Марко уже вернулся из магазина с полной машиной съестных припасов и встретил своего хозяина привычной кривой улыбкой и щедрой порцией виски.

– Ну, что скажешь о Древнем Замке Мрака?

– Видишь ли... сам не знаю почему, но мне здесь нравится.

– Правда? – удивилась Максин. – Никогда бы не подумала, что тебе это придется по вкусу.

Максин была еще слегка раздражена, однако Тодд, побродив среди одичалой растительности, уже и позабыл о случившемся между ними неприятном споре.

– Никогда не чувствовал себя по-настоящему уютно в доме на Бел-Эйр, – признался Тодд. – Для меня он всегда был скорее гостиницей, чем постоянным жилищем.

– И все же исключительно уютным я бы это местечко не назвала, – заметила Максин.

– Не знаю, не знаю, – пригубив виски и не сводя глаз с бокала, Тодд улыбнулся какой-то своей мысли, – но Демпси оно наверняка пришлось бы по вкусу.

³ Лучшее из лучших (фр.). (Прим. перев.)

Глава 7

Во вторник, 18 марта, в офисе Максин раздался звонок, неизбежность которого она давно предчувствовала. Дама по имени Тэмми Лоупер, возглавлявшая Международное общество поклонников Тодда Пикетта (несмотря на столь громкое название, его правление размещалось в доме Лоуперов в Сакраменто), возжелела услышать ответ на один простой вопрос, который, как она заявила, была уполномочена передать от лица миллионов поклонников киноартиста, а именно: куда подевался Тодд Пикетт?

Максин неоднократно приходилось иметь дело с этой особой, и будь у нее сейчас малейшая возможность увернуться от назойливой поклонницы, она не преминула бы ею воспользоваться, предоставив вести с ней переговоры Сойеру. Однако от Тэмми не так-то просто было отделаться. Несмотря на то, что последние восемь лет, пока она возглавляла Общество (однажды она пожаловалась Максин, что терпеть не может, когда его называют фэн-клубом «Можно подумать, я какая-нибудь истеричная девчонка», – возмущалась она. И в самом деле, Тэмми была замужней, хотя и бездетной дамой тридцати с лишним лет и – по крайней мере когда Максин видела ее в последний раз – весьма раздавленной комплекции), миссис Лоупер оказывала немалую поддержку фильмам Тодда, являясь полезным распространителем ложной информации, она была не тем человеком, на которого Максин считала нужным тратить свое драгоценное время. Ярая поклонница раздражала ее бесконечными вопросами о всяких пустяках, не говоря уже о том, что негласно давала понять, будто Тодд каким-то образом принадлежит ей. Общаясь с ней лично (зачастую это касалось весьма деликатных вопросов, когда требовалось осторожно пресечь распространение просочившихся слухов), Максин стремилась закончить разговор как можно быстрее. Но, будучи краткой, она никогда не выходила за рамки учтивости, опасаясь, как бы Тэмми не почувствовала, что с ней обошлись не должным образом.

Однако сегодня удовлетворить любопытство Тэмми оказалось не так-то просто. Миссис Лоупер вцепилась в Максин, словно терьер в крысу, выпаливая один вопрос за другим и не давая ей ни секунды передышки.

– Что-то здесь нечисто, – не унималась Тэмми, – Тодда никто не видел. Ни одна живая душа. Обычно, когда он куда-то уезжает, его обязательно встречает кто-нибудь из наших членов и докладывает об этом мне. Но на сей раз не было ни одного звонка. Что-то здесь не так. Ведь я всегда в курсе дела.

– В этом я не сомневаюсь.

– Поэтому вы обязаны мне ответить. Что случилось?

– А почему, собственно говоря, что-то должно случиться? – возразила Максин, изо всех сил пытаясь сохранить душевное равновесие. – Тодд устал. Ему нужно расслабиться. Вот он и уехал на недельку-другую отдохнуть.

– Из штата?

– Да. Из штата.

– И из страны?

– Мне очень жаль, но это он просил держать в секрете.

– Потому что представители нашего Общества есть по всему земному шару?

– Пожалуй, но...

– Когда он проводил свой медовый месяц в Марокко, – продолжала Тэмми, – я получила шесть сообщений от наших наблюдателей.

Речь шла о кратковременной женитьбе Тодда, которая обернулась публичной шумихой, и Максин пришлось немало потрудиться, чтобы ее замять. Его супруга, чрезвычайно эмансипированная модель Аврис Фокс, была уличена в таких неприглядных вещах, как супру-

жеская неверность, *menage-a-trois* с участием собственной сестры Люси, а также в проявлениях жестокости на бытовой почве.

– Иногда, – в голос Максин закрались снисходительные нотки, – Тодд предпочитает быть на публике. А иногда – нет.

– А сейчас?

– Сейчас нет.

– А почему он не хочет, чтобы его видели? – настаивала Тэмми. – Если с ним ничего не случилось...

Максин колебалась, не зная, как: лучше рассеять подозрения, которые в ее собеседнице явно нарастали. Отделаться извинением и швырнуть трубку она не могла: такое поведение лишь подзадорило бы любопытство Тэмми. Нужно было срочно что-то придумать, чтобы как можно дальше удалиться от зоны повышенной опасности.

– Я скажу почему, – произнесла Максин, слегка понизив голос, словно собиралась сообщить что-то истинно важное. – У него есть одна идея, которую он пока держит в секрете.

– Да ну? – Казалось, объяснение не слишком убедило Тэмми. – Надеюсь, это не связано с «Бойцом»? Я читала сценарий, и...

– Нет, «Боец» тут ни при чем. Это сугубо личная вещь, которую Тодд пишет сам.

– Пишет сам? Тодд что-то пишет? Когда он давал интервью для «Пипл», то признался, что терпеть не может писать. Он сказал, что для него это непосильный труд.

– Ну ладно, признаюсь, я немного преувеличила, – поправилась Максин. – Пишет он не сам, а в соавторстве с одним человеком. В самом деле, очень известным сценаристом. Но эта вещь для него очень дорога. Потому что он в нее вкладывает всю свою душу.

Максин замолчала, ожидая, клюнет ли Тэмми на эту наживку.

– Значит, фильм будет автобиографическим?

– Я не говорила, что речь идет о художественной киноленте. – Максин с радостью ухватилась за возможность сбить Тэмми с толку. – Возможно, сценарий когда-нибудь увидит свет, но пока Тодд усердно трудится над тем, чтобы просто излить свои чувства. Вернее сказать, трудится вместе с писателем-соавтором.

– А кто этот писатель?

– Не могу сказать.

– Знаете, если бы вы мне рассказали об этой затее в деталях, она бы выглядела куда правдоподобнее.

Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения Максин. Да как эта сучка осмелилась назвать ее ложь неправдоподобной?

– Послушайте, Тэмми, я и так сказала вам больше, чем следовало, – отрезала она – Меня ждут шесть телефонных звонков. Поэтому прошу меня извинить, но...

– Постойте. Что мне сказать членам нашего Общества?

– То, что я вам только что сообщила.

– Вы можете поклясться, что у Тодда все хорошо?

– О боже! Сколько можно повторять. Да. У Тодда все прекрасно. Лучше, чем когда-либо. – Она глубоко вздохнула, пытаясь немного успокоиться, чтобы по неосторожности не выпалить чего-нибудь такого, о чем впоследствии пришлось бы пожалеть – Послушайте, Тэмми, я искренне хотела бы сказать вам больше. Но вы ведь понимаете, это касается личной жизни Тодда. Ему нужно немного отстраниться от своей славы, чтобы поработать над новым проектом. А когда он его закончит, уверена, вы будете первой, кто об этом узнает. А теперь мне и вправду пора идти.

– Только один вопрос, – остановила ее Тэмми.

– Слушаю.

– Как это называется?

– Что называется? – переспросила Максин, чтобы потянуть время.

– Сценарий. Или книга. Словом, то, что он пишет. Как это будет называться?

Почувствовав, что влезла в дерьмо по самые уши, Максин про себя ругнулась. Теперь, когда она завралась до чертиков, лишняя ложь вряд ли могла бы испортить дело. Она нарисовала в своем воображении образ Тодда – эта картина неизгладимо врезалась в ее память в тот момент, когда Берроуз собирался разрезать и снять с него бинты. И название пришло само собой.

– «Слепой у слепого поводыря».

– Мне не нравится, – отрезала Тэмми таким тоном, будто имела право на обсуждение.

– Мне тоже, – ответила Максин, имея в виду отнюдь не название, а весь этот затянувшийся, утомительный разговор. – Честное слово, Тэмми. Мне тоже.

Тэмми Джейн Лоупер жила на Эльверта-роуд в Рио-Линда в одноэтажном доме типа ранчо, который находился в пятнадцати минутах езды от международного аэропорта Сакраменто, где уже восемь лет работал носильщиком ее муж. Детей у них не было, равно как не было никакой надежды их завести.

Почему так случилось, одному Богу было известно, но Арни оказался носителем бесплодной спермы. Тэмми, похоже, это обстоятельство не слишком тревожило. То, что Бог наделил ее грудью размером с дыню, отнюдь не означало, что она была предназначена для материнства. Между тем отсутствие детей для Тэмми вылилось в бездну нерастраченной энергии, которую она и направила на то, что Арни называл ее «маленьким фэн-клубом».

– Это вовсе не фэн-клуб, – бесконечно твердила она мужу. – А общество поклонников.

Однако Арни считал Тэмми не поклонницей, а яркой фанаткой, о чем ей со всей откровенностью заявлял. Он знал, что всякий раз, когда они спали на одной кровати, она воображала, будто не его, а Тодда Пикетта член прижимался сзади к ее толстой заднице, и это была самая что ни на есть чистая правда. Стоило Арни заговорить с супругой на эту тему, как Тэмми просто от него отмахивалась. Не находя с ее стороны отклика, он прекращал разговор и, вооружившись очередной банкой пива, возвращался к телевизору.

Главным штабом Международного общества поклонников Тодда Пикетта была большая комната в доме Лоуперов. Спальня супругов была размерами значительно меньше, но, как заметила Тэмми, это было совсем не важно, потому что они в ней только спали. У них по-прежнему была двуспальная кровать, хотя неизвестно, зачем это было нужно: муж уже давно не прикасался к Тэмми, да и она года два как полностью к нему охладела. Третья комната плюс все кладовки использовались для хранения подшивок газетных вырезок, фотографий и многочисленных экземпляров биографии Пикетта, которые следовало распространить среди новых членов Общества, а также отзывов на каждый фильм с участием Тодда на двадцати шести языках. Главная же коллекция хранилась внизу, в большой комнате. Ее образцы, в той или иной степени имевшие отношение к Тодду или его актерской карьере, были относительно редкими, а потому по-своему уникальными. В больших, закрытых на молнию плаستيновых пакетах для прачечной висели отдельные предметы одежды съемочной группы и актеров, которые снимались вместе с Тоддом. В темной вакуумной упаковке находились несколько неиспользованных образцов грима, предназначенного для Тодда, когда он играл изуродованного пожарника в фильме «Горящий год», снискавшем номинацию на «Оскар». Тэмми никогда не вскрывала упаковку, поскольку ее предупредили, что на свету грим портится.

Коллекция также содержала библиотеку сценариев фильмов с участием Пикетта со всеми исправлениями, в том числе один сценарий с поправками, сделанными собственноручно Тоддом, а также полное собрание созданных на их основе романов в кожаных с золотыми буквами переплетах. В коллекции также имелись компьютерная распечатка дохо-

дов съемочной группы, которая работала с Тоддом, эскизы костюмов и списки телефонных звонков и, конечно же, всевозможные афиши на разных языках. Однажды не без хвастовства Тэмми заметила: захоти Смитсоновский институт когда-нибудь открыть у себя филиал музея, посвященный жизни и творчеству Тодда Пикетта, все необходимое для этого он нашел бы в ее большой комнате. Однажды миссис Лоупер решила пронумеровать свои образцы, и таковых насчиталось почти семь тысяч триста – причем без учета дубликатов.

Большая комната была для Тэмми святая святых. Туда она и направила свои стопы после разговора с Максин Фрайзель. Закрыв дверь на ключ (хотя Арни должен был вернуться домой после работы и очередной попойки с друзьями не раньше чем через несколько часов), она погрузилась в раздумья. Перебирая в памяти недавний разговор с менеджером своего кумира, она устремилась в конец комнаты, где выудила из заветной сокровищницы коробку с фотографиями – эти четырнадцать снимков являлись предметом ее особой гордости. Ей удалось раздобыть их у одного человека, который был знаком с фотографом, снимавшим Тодда для рекламы в его четвертой работе «Уроки жизни». В этом фильме произошло становление Пикетта как мужчины – другими словами, за время съемок он превратился из юноши в мужчину. И хотя улыбка у артиста осталась по-прежнему детской – что придавало ему невыразимое очарование, – после этой картины он стал играть более грубые роли: вернувшийся домой солдат, пожарник, человек, ложно обвиненный в убийстве собственной жены. Однако на этих четырнадцати фотографиях Тодд был запечатлен как раз тогда, когда совершал свой последний шаг к кинематографической зрелости. Именно с этих снимков на Тэмми глядел юноша-мужчина ее мечты. Она сделала несколько копий с негативов, которые приобрела у своего доверенного лица, одновременно заручившись его словом, что является единственной обладательницей сокровища, таинственным образом «исчезнувшего» из производственного отдела киностудии, и никто – ни режиссер, ни продюсер, ни даже сам Тодд – его никогда не видел.

Однако вовсе не за исключительность обладания ими ценила она эти фотографии столь высоко. Главное их достоинство – то самое, которое заставляло Тэмми возвращаться к ним вновь и вновь, когда Арни был на работе и она могла всецело предаться своим мечтам, – заключалось в том, что фотограф сумел застигнуть Тодда врасплох. Да, именно так – без рубашки и врасплох. Тодд был далеко не мускулистым парнем с выпяченными венами, а худеньким, бледноватым, обыкновенным славным юношей, вроде тех, что живут по соседству – если, конечно, по соседству с вами вообще живут симпатичные парни. Никогда в жизни Тэмми не видела более совершенного мужского тела. Не говоря уже о лице. О, какое у него было лицо! Из нескольких тысяч фотографий Тодда, снятых за последние одиннадцать лет – хотя в ее любящих глазах он был красив на каждом снимке, – на этих четырнадцати фото он был не просто красив. В его взоре читалась некая растерянность; это позволяло поклоннице таить надежду на то, что, окажись Тэмми в тот миг с ним рядом и одари он ее тем же взглядом, исполненным глубокой печали, какую выражали на фотографии его глаза, жизнь ее могла бы сложиться совсем иначе – как, впрочем, и его тоже.

Начиная рассуждать здраво, Тэмми понимала, что это глупые романтические грезы, ведь она была самой заурядной женщиной, и хотя за последние два года сбросила тридцать два фута, все равно еще носила на себе лишние тридцать. Разве могла она сравниться с теми сногсшибательными красавицами, что были рядом с Тоддом как в кино, так и в жизни? И все же стоило ей вспомнить, что никому не ведомый образ Тодда надежно спрятан и ждет ее в тайнике, как жизнь в Сакраменто казалась ей чуточку краше. А еще сильнее согревало ей душу то обстоятельство, что эти снимки принадлежали ей и только ей.

Было у этих фотографий и еще одно достоинство. Они были сняты в такой быстрой последовательности, что при достаточно быстром перелистывании могли создать иллюзию движения. Именно за этим занятием Тэмми и предавалась размышлениям о телефонном раз-

говоре с Максин Фрайзель. Невозможно было поверить в ту чепуху, что Тодд удалился от общества, чтобы заняться какой-то писаниной. Что бы Максин ни утверждала, это выглядело неправдоподобным. Отстраниться от всех и вся было совершенно не в духе Тодда. Куда бы он ни ехал отдыхать, будь то Индия, Новая Гвинея или Амазонка, он всегда попадался кому-нибудь на глаза. Кто-либо из поклонников неизменно снимал его на пленку, чему Тодд никогда не противился, а наоборот, останавливался, улыбался, махал рукой, дурачился. Исчезнуть, как сейчас, было совершенно не в его стиле.

Но что, собственно говоря, Тэмми могла предпринять? Задавать вопросы кому-нибудь из ближайшего окружения Тодда не имело никакого смысла – они будут твердить одно и то же. И вообще, ей осточертело вести переговоры с киностудиями, где все подряд утверждали, что давно не видели Тодда. Даже в «Парамаунт», где, по слухам, Пикетт должен был сниматься в следующей картине, он уже много месяцев не появлялся. От своего самого надежного источника информации, секретаря помощника Шерри Ленсинг, Тэмми выяснила, что между Тоддом и их производственной группой не было никаких разговоров, связанных с публикацией книги. Все это, вместе взятое, насторожило миссис Лоупер и заставило еще больше обеспокоиться за своего кумира. А вдруг они что-то скрывают? Вдруг он попал в автокатастрофу или, став жертвой бандитского нападения, сильно пострадал? Вдруг он лежит в реанимации и жизнь с каждой минутой покидает его, а эти сволочи, которые сколотили на его таланте целое состояние, врут всем подряд с таким видом, будто ничего не произошло? Так было везде и всегда, особенно в Голливуде, где все и вся привыкли лгать, где ложь стала образом жизни.

Больше часа она разглядывала свои бесценные сокровища, и все это время ее съедали страшные подозрения. Наконец под действием минутного настроения Тэмми пришла к окончательному решению. Поскольку она не в силах разрешить тайну, сидя у себя в Сакраменто, ей необходимо отправиться в Лос-Анджелес и выяснить все посредством личной встречи. Солгать по телефону легко, но гораздо сложнее сделать это, когда говоришь с собеседником один на один и смотришь ему прямо в глаза.

В последний раз пересмотрев фотографии, женщина задержала взор на одной из них – на той, где взгляд Тодда был почти обращен к камере. Еще один кадр – и он взирал бы прямо на нее. Их глаза, как говорится, встретились бы. Улыбнувшись, она поцеловала фотокарточку и убрала драгоценные снимки в коробку, а коробку – в укромное место. Потом Тэмми направилась в кухню, чтобы позвонить Арни в аэропорт и сообщить о своем намерении. Он был как раз на смене и не смог подойти к телефону, поэтому она попросила передать, чтобы он ей перезвонил. После этого Тэмми заказала билет на рейс до Лос-Анджелеса и забронировала номер в небольшой гостинице на бульваре Уилшир, где уже однажды останавливалась, когда посещала съезд поклонников Тодда Пикетта.

Согласно расписанию самолет должен был отправиться в три десять того же дня, а прибыть в Лос-Анджелес – в четыре пятнадцать. Однако вылет задержали на целых два часа, и еще три четверти часа лайнер кружил перед посадкой, в результате чего в вожаемом городе, пропитанном теплым и сладковатым смогом, Тэмми оказалась только к половине восьмого.

Она пока не знала, что будет делать; главное, ей удалось сорваться с насиженного места и прибыть в Лос-Анджелес, а как и с чего начинать, она собиралась решить по ходу дела. Теперь Тэмми стала намного ближе к своему кумиру, и заверения Максин относительно его отъезда сразу показались ей далекими от истины и даже нереальными. Тэмми нутром чуяла, что это была ложь. Тодд находился здесь, в Лос-Анджелесе. И если ему на самом деле грозила опасность, видит бог, она сделала бы все, что в ее силах, чтобы ему помочь. Что бы там ни говорили, она знала: ни одна живая душа не сможет позаботиться о Тодде Пикетте лучше нее. Кроме того, в глубине сознания Тэмми питала скромную надежду на то, что исчезнове-

ние кумира, окутанное некой тайной, предоставит ей возможность вызволить его из беды и спасти от таких людей, как Фрайзель, а значит, продемонстрировать своему возлюбленному, кто в действительности печется о его благополучии. О, если бы только ей удалось это сделать! Она даже не смела надолго задумываться о возможном исходе событий: ей становилось дурно от предвкушения их встречи и от собственных греховных грез. Хотя она беспрестанно напоминала себе, что желает Тодду только самого лучшего, ее постоянно преследовала одна и та же мысль: где-то в этом городе находится тот, которого она должна спасти и утешить, пусть он об этом пока и не знает. И возможно, не просто утешить, а подкрепить свои чувства пылкостью плоти, как бы ей ни было страшно об этом даже подумать.

Глава 8

Тодд и Марко довольно легко и быстро пообвыклись в обстановке своего нового Убежища. Тодд расположился в большой хозяйской спальне, откуда, как не без гордости заметила Максин, открывался потрясающий вид на весь каньон. В ясные дни, каковых в начале того марта было довольно много, Тодд зачастую подолгу просиживал у окна, взирая на мерцающие меж башен Сенчери-Сити океанские воды. Иногда сквозь дымку можно было даже разглядеть очертания острова Каталина.

Марко занимал более скромную по размерам комнату, которая находилась этажом ниже и соседствовала с гостиной. В основном он выполнял ту же работу, что и в доме в Бел-Эйр, то есть с фантастической точностью предупреждал все потребности хозяина и, после того как выполнял его желания, удалялся в какое-нибудь невидимое, но непременно находившееся поблизости место.

В окрестностях этого дома было гораздо тише, чем в Бел-Эйр. Казалось, что по единственной, петляющей в каньоне дороге вообще никто не ездил, и, если не считать тех редких случаев, когда доносился гул полицейского вертолета или звук сирены с бульвара Сансет, трудно было поверить, что совсем рядом, внизу раскинулся крупный город. Однако по ночам каньон отнюдь не безмолвствовал – он наполнялся невообразимым воем койотов, которые, судя по всему, обитали на склонах ущелья в несметном количестве. Нередко вечерами, выйдя с бокалом виски и сигаретой на один из многочисленных балконов, Тодд слышал, как какой-нибудь зверь на противоположной стороне ущелья заводил свою зазывную песню и выл, и лаял до тех пор, пока ему не отвечал кто-то другой, потом третий, и спустя некоторое время оглашенный звериным хором каньон, казалось, пробуждался к жизни. Конечно, из дома в Бел-Эйр тоже слышались крики койотов, и когда этот вой раздавался неподалеку от дома, Демпси приходил в сущее неистовство – он заходился таким свирепым лаем, будто хотел изобразить из себя пса гораздо больших размеров, чем был на самом деле.

– Странно, что здесь водится так много койотов, – заметил Марко после особенно шумной ночи. – Можно подумать, здесь в округе множество помоек. Ведь они, насколько я знаю, питаются всякими отбросами.

- А может, им здесь нравится, – возразил Тодд.
- Да, пожалуй.
- Здесь нет людей, поэтому им тут полное раздолье.
- Нет, кроме нас.
- Надолго мы тут не задержимся.
- Но тебя, судя по всему, это не слишком радует.
- Я уже привязался к этому месту.
- Ты еще не взбирался на гору?
- Нет. Пока чувствую себя не вполне окрепшим.
- Очень советую это сделать. Там такой вид! Закачаешься.

После того короткого диалога Тодд дал себе зарок непременно совершить прогулку на хребет. Как заметила Максин, ему пора было приступать к физическим занятиям, не то не успеет он и оглянуться, как его лицо благополучно заживет, а сам он весь заплывет жиром. Хотя Пикетт ни на секунду не верил в свое скорое выздоровление, в остальном он был вполне с ней солидарен. Дело в том, что Тодд злоупотреблял не только спиртным но и так называемыми Ночными Наборами от Элвиса (ореховое масло, заливное, жареный бекон, сэндвичи из «чудо-хлебцев», обжаренных в масле с ломтиками банана), и это далеко не лучшим образом сказывалось на его фигуре. Брюки уже сидели на нем слишком плотно, а ягодичцы, насколько он мог судить по мимолетным взглядам в зеркало, стали гораздо упитаннее.

Еще немного – и ему придется вернуться к серьезным тренировкам: начать по утрам бегать и, возможно, даже оборудовать один из гостевых домиков под гимнастический зал. А пока это время не наступило, он решил разнообразить свой привычный распорядок дня всевозможными прогулками – и прежде всего забраться на вершину горы, чтобы обозреть тот вид, который открывается оттуда.

Через день к Тому навевались Берроуз или сестра Кэрин, чтобы сделать перевязку или проверить состояние лица. Хотя доктор и уверял Пикетта, что процесс заживления идет хорошо, вел он себя чересчур обходительно и осторожно. Очевидно, случившиеся неприятности нанесли весомый удар по самоуверенности Берроуза. Его искусственный загар не мог скрыть явной бледности лица, хирургически натянутая кожа вокруг глаз и рта казалась неестественно жесткой и походила на деревянную маску, под которой должен был скрываться другой, более хрупкий человек. Относительно будущего Тодда он продолжал без всяких на то оснований делать самые оптимистические прогнозы и утверждать, что со временем на коже не останется никаких шрамов. Впрочем, доктор и в самом деле желал, чтобы по счастливому стечению обстоятельств все закончилось без эксцессов и чтобы Тодд, благополучно выбравшись из этой передрыги, помолодел лет на десять.

– Сколько времени еще пройдет, прежде чем я смогу снять бинты?

– Полагаю, мы снимем их на следующей неделе.

– А что потом?.. Как долго мне придется ждать, пока лицо обретет нормальный вид?

– Мне бы не хотелось что-либо обещать, – развел руками Берроуз, – но думаю, это будет приблизительно через месяц. В этом есть какая-то срочность?

– Ну да. Я хочу показаться людям. Хочу, чтобы они не думали, будто я умер. Где эта желтая пресса, которую ты сегодня мне принес? – обратился Тодд к Марко. – Доктор, верно, давненько не просматривал журналы у себя в гостиной.

Ненадолго отлучившись, Марко принес пять журналов и бросил их на стол перед Берроузом. На обложке одного из них красовалась блеклая черно-белая фотография похоронной процессии, вероятно, сделанная с довольно большого расстояния. Заголовок гласил: «Тайная похоронная церемония суперзвезды Тодда Пикетта». Во втором журнале была изображена бывшая подружка Тодда, Вильгемина Бош, скорбящие уста которой будто говорили: «Мне даже не представилось случая сказать ему "прощай"». А третий образчик бульварной прессы имел смелость заявить, что перед смертью Тодд Пикетт изрек: «Я видел Христа на смертном одре. Он призывает нас к милосердию». Дальше просматривать журналы Берроуз не стал.

– Кто выдумал всю эту чушь?

– Вот вы мне и ответьте.

– Надеюсь, вы не считаете, что к этому причастны мои люди? Уверяю вас, мы решительно...

– Да, да, да, – перебил его Тодд, – знаю. Вы свято храните тайну клиента. Видите, какой я наконец стал сообразительный. Я теперь даже читаю всякие умные книжки.

– Честно говоря, я даже не понимаю, в чем ваша проблема. Нужно всего лишь поднять телефонную трубку и, представившись, положить конец этим слухам.

– И что же он, по-вашему, должен сказать? – осведомился Марко.

– То, что есть на самом деле. «Я Тодд Пикетт. Я жив и здоров, спасибо за внимание».

– И что мне потом делать? – спросил Тодд. – Потом, когда меня захотят сфотографировать, чтобы подтвердить мои слова? Или, скажем, взять у меня интервью, дабы убедиться, что у меня все хорошо? При личной встрече? Вот с этим лицом? – В эту минуту он рассматривал свое разбинтованное лицо в зеркале. – В меня такой вид, будто я провел десять раундов с тяжеловесом.

– Я могу лишь заверить, что опухоль непременно спадет. Это всего лишь вопрос времени. А новый эпидермис – первоклассного качества. Надеюсь, когда все будет позади, вы будете чрезвычайно довольны результатом.

Около минуты Тодд молча разглядывал свое изображение в зеркале, после чего наконец повернулся к доктору и с той непосредственной искренностью, которую редко ему удавалось, если вообще удавалось, изобразить перед камерой, произнес:

– Лучше бы глаза мои тебя, подонка, никогда не видели.

Глава 9

У Тэмми было несколько знакомых в Лос-Анджелесе, каждый из которых являлся членом Общества поклонников, однако она решила своим приездом никого из них не беспокоить. Все они с радостью ухватились бы за возможность принять деятельное участие в ее расследовании, но ей хотелось заняться этим самостоятельно, по крайней мере на первых порах.

Она остановилась в маленькой гостинице на бульваре Уилшир в нескольких сотнях ярдов от парка Вествуд Мемориал, где было похоронено множество состоявшихся и не совсем состоявшихся звезд экрана. Во время прошлого визита в Лос-Анджелес Тэмми почтила память кинознаменитостей, среди них были Донна Рид и Натали Вуд, а также Даррел Ф. Занук и Оскар Ливант. Но славился этот парк преимущественно тем, что в изящном бетонном склепе, который выделялся среди прочих большим количеством возложенных к нему цветов, покоилось тело Мэрилин Монро – ради того чтобы взглянуть на памятник, сюда съезжались люди со всего мира. Стоявший по соседству склеп все еще пустовал; как утверждала надпись, он был подготовлен для останков Хью Хефнера.

Посещение парка не доставило Тэмми удовольствия, более того, навяло на нее легкую грусть. Во всяком случае, на этот раз у нее не возникло ни малейшего желания повторить экскурсию: она приехала исключительно затем, чтобы позаботиться о живущем, а не о мертвом Тодде Пикетте.

Устроившись в гостиничном номере, Тэмми позвонила Арни и оставила ему на всякий случай номер своего телефона, сообщив, что вернется самое позднее через два дня. На другой стороне трубки раздался легкий хлопок; очевидно, Арни открыл банку пива – судя по его заплетающемуся языку, далеко не первую за этот вечер. Ему совсем неплохо жилось бы одному, подумала Тэмми. Возможно, он даже стал бы чуточку счастливее.

Заказав себе в номер ужин, Тэмми принялась строить планы на будущий день. Перво-наперво она решила испробовать прямой путь к Тодду: отправиться в Бел-Эйр и выяснить, там он или нет. Его адрес был давно ей известен. Тэмми даже знала расположение апартаментов изнутри. В свое время, когда покупка дома еще не была оформлена, она раздобыла у агента по продаже недвижимости фотографии жилища, включая ванную со всеми ее атрибутами, хотя, конечно, после предпринятой Тоддом реконструкции все в доме могло измениться. Тэмми вполне отдавала себе отчет, что ей вряд ли удастся даже приблизиться к входной двери, не говоря уже о том, чтобы увидеть самого хозяина. Но не глупо ли было бы с ее стороны не испробовать эту возможность? Вдруг ей повезет и она застанет его как раз в ту минуту, когда он выйдет во двор подышать воздухом или будет стоять у окна. Убедившись, что Пикетт жив и здоров, она развеяла бы свои опасения и со спокойным сердцем вернулась домой в Сакраменто.

В аэропорту Тэмми взяла напрокат машину, намереваясь в тот же вечер отправиться в Бел-Эйр, но задержка рейса и прочие сложности перелета слишком утомили ее. Она легла спать в десять часов и проснулась ранним утром в бодром состоянии духа. Поскольку гостиничный сервис не мог предоставить ей ничего существенного из еды – а Тэмми любила по утрам хорошенько подзаправиться, – ей пришлось перебраться на другую сторону Уилшира и отыскать там небольшой ресторан, где она смогла от души позавтракать яичницей, беконом, мясным рагу с овощами и кофе с тостами. Во время еды она полистала «Пипл» и «Ю-Эс-Эй тудэй». И в том, и в другом журнале несколько статей были посвящены приближавшимся номинациям на «Оскар», до вручения которого оставалось три дня. Тодд никогда не награждался этой премией (Тэмми считала это лишним подтверждением коррумпированно-

сти Академии), но четыре года назад был ее номинантом за роль в фильме «Горящий год» – одной из наименее популярных кинолент с его участием. Надо признать, он замечательно сыграл в этой картине, и миссис Лоупер испытывала за него большую гордость. Тэмми со страхом наблюдала за церемонией, боясь, что от волнения его может хватить удар. У нее так же сильно колотилось сердце, как у Сьюзан Сарандон тряслись руки, когда та открывала конверт, чтобы огласить победителя. Тэмми даже думала, что от напряженного ожидания упадет в обморок. И конечно же, награжденным оказался не Тодд. Во время этой изнурительной процедуры камеры не сводили своих объективов с Пикетта, и буквально перед тем, как было зачитано имя победителя, и раздался гром аплодисментов, Тэмми явственно прочла на лице своего кумира разочарование – во всяком случае, оно не укрылось от тех, кто знал его мимику так же хорошо, как она.

Из фильмов, выдвинутых на соискание премии «Оскар» этого года Тэмми смотрела только один и только потому, что в нем играл Том Хэнке, которого она находила весьма привлекательным мужчиной. Пробежав глазами по страницам журналов в надежде отыскать какие-нибудь утешительные новости относительно Пикетта, женщина разочарованно отложила прессу в сторону.

После завтрака Тэмми вернулась в гостиницу, отправила Арни короткое сообщение, в котором подтверждала, что у нее все хорошо, и, вооружившись картой, на случай если ее подведет чувство ориентации, направилась к дому Тодда.

После двадцати пяти минут езды по загруженным магистралям города она наконец выкатилась на узкие, извилистые улочки Бел-Эйр. Смотреть здесь было почти не на что. Большинство особняков скрывались за высокими заборами, увенчанными многочисленными шпилями и видеокамерами. Тем не менее, Тэмми сразу почувствовала, что попала в район, где проживает элита. В узких проездах стояли исключительно дорогостоящие автомобили (разок ей даже пришлось притормозить, чтобы вписаться между «роллс-ройсом» цвета кофе со сливками и красным «порше»). На одной из улиц она заметила совершающую пробежку кинозвездочку в эффектной спортивной форме; за кинозвездочкой по пятам следовал лимузин, который, очевидно, вез питьевую воду и овсяные хлебцы.

Проезжая мимо бегуни, Тэмми невольно ей позавидовала. Должно быть, это ужасно здорово, когда есть возможность себя холить и лелеять так, как эта кинозвезда, и всегда, когда в доме заканчивается туалетная бумага, а в холодильнике иссякает мороженое, знать, что об этом позаботится кто-то другой. Никогда не тревожить свой ум проклятыми налогами или арендной платой. Не просыпаться в три часа ночи, с ужасом думая: «Кто я такая? Никто. Если я завтра умру, никто этого не заметит. Всем будет все равно».

Конечно, она знала, что богатство и комфорт сопряжены с большой ответственностью, что на некоторых людей они накладывают нежелательный отпечаток, развивая у них пристрастие к выпивке и наркотикам и растлевая их нравственность. Довольно трудно оставаться идолом, беспрестанно находясь под пристальным взглядом публики, которая тебя боготворит. Но Тэмми никогда не испытывала симпатии к тем, кто роптал на свою судьбу. Уж если люди платят миллионы за твою улыбку, так, будь любезен, води себя соответственно.

Тэмми почти сразу отыскала дом Тодда. Таблички с номером не было, но она узнала особняк по зубчатому забору и квадратным фонарям по обе стороны от ворот. Проехав по улице немного вперед, она припарковала машину и направилась к дому пешком, пытаясь выглядеть как можно более естественно, насколько ей позволяла фигура в две с лишним сотни фунтов веса, облаченная в брюки из оранжевого полиэстера. Подойдя к воротам, Тэмми увидела в двадцати ярдах от них машину с открытым багажником. Однако, судя по всему, никто ее не разгружал и не загружал. Пока женщина с минуту-другую осматривалась, мужество попеременно то прибывало в ней, то покидало ее. Не могла же она так просто подойти к воротам и нажать на звонок! Что она скажет? «Привет, я поклонница Тодда

Пикетта номер один. Хочу узнать, как у него дела». Смешно, да и только! Чего доброго, подумают, что она какая-нибудь бродяжка и арестуют ее. И вообще, ее наверняка уже засекли через скрытые видеокамеры и, скорее всего, уже вызывают полицию.

Однако Тэмми продолжала стоять у забора, ругая себя за то, что заранее не продумала свой визит к дому Тодда. В растерянности она размышляла над тем, что ей делать: либо не сдавать позиций и постараться найти наилучший выход из своего кошмарного положения, либо попытаться незаметно улизнуть.

Вдруг хлопнула автомобильная дверца, и Тэмми чуть было не ринулась прочь, но вовремя остановилась: она слишком далеко находилась от своей машины, чтобы успеть ретироваться. Поэтому ей ничего не оставалось, как продолжать стоять на своем месте, моля Бога, чтобы в этот момент никто не смотрел в мониторы, установленные для охраны здания.

Тут раздался чей-то свист, а через несколько секунд появился и тот, от кого этот свист исходил. Тэмми сразу узнала этого человека: Марко Капуто, помощник и телохранитель Тодда. Ей доводилось встречаться с ним дважды: первый раз на премьере «Горящего года», а второй – в Лас-Вегасе, когда на «Шоу Весте» Тодда объявили «Актером года». Оба раза вежливо представившись президентом Международного общества поклонников, Тэмми не менее вежливо просила у Марко разрешения с минуту-другую поговорить с Тоддом, и оба раза он обошелся с ней достаточно грубо. А при второй встрече вообще обозвал ее сумасшедшей сучкой, о чем она не без укора сообщила Максин. Хотя та довольно искренне попросила у нее прощения, заверив, что впредь ничего подобного не повторится, Тэмми не хотела испытывать характер Марко в третий раз, тем более при столь сомнительных обстоятельствах.

Чтобы не попасться ему на глаза, она попятилась и скрылась в густых зарослях ежевики, которые дикарями разрослись на другой стороне дороги. Все это время Тэмми не сводила глаз с Марко, но тот, к счастью, был слишком занят, чтобы ее заметить.

Кусты ежевики оказались неплохим прикрытием, и оттуда Тэмми могла без боязни наблюдать за телохранителем Пикетта. Он курсировал между домом и машиной, загружая ее всякой всячиной, среди которой Тэмми узнала несколько присужденных Тодду наград. Кроме прочего он загрузил в машину уйму каких-то причудливых украшений, горшок с коноплей и несколько фотографий в рамках. Весь этот скарб плюс девять или десять запечатанных картонных коробок были аккуратно сложены в багажник и на заднее сиденье автомобиля. Пикетта поблизости видно не было – во всяком случае, Марко ни с кем не разговаривал. И хотя из этого отнюдь не следовало, что Тодда вообще нет в доме, тем не менее, Тэмми чуяла это нутром.

Добрых четверть часа она следила за Марко из своей засады, после чего, учитывая все имевшиеся улики, пришла к заключению, что стала невольной свидетельницей кражи. Разумеется, такому выводу в немалой степени способствовала ее личная неприязнь к вору, но, с другой стороны, иначе трудно было объяснить то обстоятельство, что Капуто выполнял свою работу украдкой, беспрестанно озираясь по сторонам, словно боялся, что за ним наблюдают (хотя не исключено было, что он и вправду чувствовал на себе чужой взгляд). Когда же он закончил загружать машину, Тэмми заметила, что у него довольно вялый вид – плохо выбритое лицо, сонные глаза. Видимо, последнее время Капуто плохо спал.

Задолго до того, как он завершил свое пакостное дельце, Тэмми уже знала, что примет дальше. Она поедет за Марко и проследит, куда он выгрузит награбленное добро. Потом вызовет полицию, и его арестуют. Может, этот поступок поднимет ее в глазах Максина, и Тэмми, войдя наконец в доверие менеджера, получит приглашение в избранный крут обожателей Тодда. Однако слишком обольщаться, пожалуй, не стоило. Хорошо было бы, по крайней мере, остановить Капуто, пока тот не успел нажиться на своей добыче.

Загрузив багажник доверху, Марко закрыл его и направился к дому – вероятно, затем, чтобы запереть дверь на замок. Воспользовавшись моментом, женщина выбралась из зарослей и поспешила к своей машине. На улице становилось жарко; Тэмми почувствовала, что изрядно взмокла: из-под лифчика текли струйки пота, а трусы скомкались между ягодницами. Включив кондиционер на полную мощность, она проехала по улице немного вперед, чтобы свободно развернуться, и приблизилась к дому. Тогда как раз тогда, когда из него выезжал черный «лексус» Капуто. Пассажиров в машине не было.

Сохраняя дистанцию, миссис Лоупер направилась вслед за черным автомобилем через лабиринт заборов и видеокамер, которыми изобилует Бел-Эйр, по направлению к бульвару Сансет. У светофоров она едва не потеряла Капуто из виду, но, на ее удачу, уличное движение было достаточно интенсивным, что позволяло ей все время держать преследуемую машину в поле зрения и, не слишком нарушая правила, в конце концов ее нагонять. Марко вел авто легко, но беспокойно – постоянно протискивался в узкие щели, чтобы объехать медлительных водителей, – и все же Тэмми от него не отставала. Куда бы вору ни сворачивал, она надежно сидела у него на хвосте.

Один раз Капуто остановился и оглянулся. Женщина вся напряглась, решив, что тот заметил преследование, и была уже готова встретиться с ним лицом к лицу. Но ошиблась: оказалось, он просто повернулся к заднему сиденью, чтобы поправить какие-то вещи, которые, очевидно, за время езды сдвинулись с места. Потом как ни в чем не бывало Марко продолжил свой путь, а она, держась на почтительном расстоянии от него, – свое преследование.

Забирая в гору, дорога стала так сильно петлять, что Тэмми, не желая подвергать себя риску быть обнаруженной, неоднократно теряла машину Марко из виду, впрочем ненадолго. В отличие от Бел-Эйр, который состоял из бесчисленного количества узких улочек, ущелье, по которому они сейчас пробирались, по всей видимости, имело всего одну дорогу, и они оба ехали по ней. Знаки человеческого присутствия попадались редко (иногда глухая стена и небольшие воротца в ней), что было весьма удивительно, учитывая, какие красивые места раскинулись по сторонам. Кроны деревьев свисали прямо над дорогой, подчас переплетающиеся ветви образовывали над ней густой лиственный навес. Там, где у обочины росли высокие пальмы, их опавшие листья устилали землю хрупким ковром.

Тэмми охватило волнение. Хотя она и уверяла себя, что находится всего в двух минутах езды от Сансет, ей казалось, будто она попала совсем в другой мир – в тихую заводь, где бог знает кто водится. Неизвестность, конечно, навевала на нее дурные подозрения. Для незаконных делишек лучшего места не придумаешь: Капуто может совершать тут любые сделки без опасения быть пойманным. Никто его здесь не увидит. Разумеется, кроме нее.

Черный «лексус» ненадолго скрылся из ее поля зрения, но когда Тэмми выехала из-за поворота, то оказалось, что Марко остановился прямо посреди дороги; не сверни она вовремя вбок, столкновения было бы не избежать. Когда Тэмми мельком оглянулась через плечо, Капуто вручную открывал большие двустворчатые ворота; на какое-то мгновение он повернулся в ее сторону, но она тотчас нажала на газ и рванула вперед прежде, чем он успел ее разглядеть. Проехав для виду немного вперед, Тэмми обнаружила, что дорога подошла к концу. У нее было два выхода: либо повернуть назад и демонстративно проехать мимо ворот, чтобы убедить Марко в том, что она удалилась; либо положиться на то, что занятый своими темными делишками Капуто не обратил внимания на ее машину, и попробовать подкрасться к его воровскому логову.

Выйдя из машины, женщина прежде всего обратила внимание на царившее в каньоне безмолвие. Хотя в Бел-Эйр дом располагался весьма удобно и в то же время был отдален от шумных магистралей, там Тэмми ни на секунду не покидало ощущение, что она находится посреди крупного города. Здешнюю же тишину нарушали лишь пение птиц и жужжание

насекомых. Не взяв с собой ключа от машины и оставив дверь приоткрытой, на случай если придется быстро уносить ноги, Тэмми устремилась к воротам.

Не обнаружив никаких видеокамер по периметру забора, она немного удивилась. Не исключено, что здесь свили гнездо какие-нибудь известные преступники, о которых знали все в округе и поэтому предпочитали держаться от них подальше. Если дело вправду обстоит таким образом, если люди, с которыми связан Марко, настоящие злодеи – Тэмми придется плохо. Ей стало страшно от мысли, что она оказалась в этом месте одна и никто, абсолютно никто не знает, куда она поехала.

«Это безумие», – говорила она себе, однако продолжала идти. Лавры героини, которые она рисовала в своем разыгравшемся воображении, были столь притягательны, что она не могла отступить. Да, конечно, это был риск. Но, может быть, для нее настало время действовать, вместо того чтобы отсиживаться под крышей собственного дома, самозабвенно любуясь фотоколлекцией. Очутившись в самой гуще событий, Тэмми не могла лишиться себя предстоящего приключения. Если она струсит, если сядет в машину и уедет, ее всю жизнь будет терзать вопрос: как сложились бы обстоятельства, если бы единственный раз в жизни она проявила мужество и преодолела свой страх?

Арни всегда называл ее фантазеркой. Возможно, он был в чем-то прав. Возможно, она слишком долго жила в мире своих фантазий, подпитывала их любовью к своей маленькой коллекции фото и надеялась – хотя, конечно, понимала, что это полный бред, – что в один прекрасный день, когда она будет в очередной раз их перелистывать, Тодд взглянет на нее и, улыбнувшись, пригласит ее войти в свой мир, чтобы остаться там навсегда. Она знала, что это глупая надежда. И тем не менее теперь, когда под палящим солнцем Тэмми шла по улице и слева от нее возвышался потрескавшийся забор, эта мечта могла обернуться самой что ни на есть явью. Возможно, сегодня был как раз тот самый день, когда фотографии могут ожить, когда ей наконец удастся проложить дорожку к человеку своих грез из плоти и крови, который, увидев ее, наконец одарит Тэмми таким же любящим взглядом, каким всегда смотрела на него она.

При этой мысли Тэмми ускорила шаг, дыхание у нее участилось. Риск посещения этого дома был сопряжен с тем, о чем она раньше не могла толком и помышлять (хотя одному богу известно, сколько раз она себе это представляла), – с возможностью лицеизреть своего идола, который в любой момент мог явиться перед ней, лишив ее от волнения дара речи, но это придавало ей еще большую решимость.

Глава 10

Тэмми тщательно оглядела ворота (их прутья довольно замысловатым образом сплетались как с кованой лозой, так и с настоящей), пытаясь отыскать вмонтированные видеокамеры, без которых не могло обойтись мало-мальски достойное жилище. Однако вопреки своим ожиданиям ничего не нашла. Либо камеры были слишком хорошо спрятаны, либо владельцы особняка не имели в них никакой нужды, считая, что в каньон довольно трудно попасть посторонним. Но еще больше поражало то, что на воротах вообще не было замков; чтобы войти внутрь, достаточно было всего лишь открыть одну из створок.

Перед ней уже частично открылся вид на особняк; дом утопал в зелени растущих вдоль подъездной дорожки деревьев и кустарников. Припарковав машину у самого крыльца, Капуто разгружал багажник. Если бы Тэмми прихватила с собой фотоаппарат, то сейчас, в самом разгаре его незаконных делишек, она сняла бы Марко на пленку и, заручившись этой важной уликой, могла бы покинуть странное место. Однако ей оставалось только сетовать на свою непредусмотрительность. Тэмми понимала: чтобы увидеть, с кем Марко совершает свою сделку, ей нужно подойти к дому поближе, но это казалось чересчур рискованным. Поскольку у нее не было на руках никаких улик, все могло кончиться тем, что Капуто обвинит ее в нарушении прав частной собственности и будет, по сути, прав. Что бы она ни говорила, вряд ли ее заявление будет иметь достаточный вес, если она не запасется каким-нибудь неопровержимым свидетельством того, что видела.

Подождав, пока Капуто скроется за входной дверью, Тэмми устремилась по дорожке к дому, но не успела одолеть и половины расстояния, как Марко вновь появился на крыльце и пошел к машине. Прячась, Тэмми юркнула под одно из деревьев, а Капуто тем временем принялся выгружать из машины очередную порцию награбленного добра. Как раз в этот миг из дома его кто-то окликнул, но голос прозвучал как-то подозрительно глухо.

– Марко! Одна из рамок разбилась.

– Вот проклятье!

Поставив коробку, которую вытаскивал из багажника, Маркл поспешил обратно в дом. Как раз в этот момент неизвестный обладатель рамки и необычного голоса вышел ему навстречу. При виде его сердце Тэмми отчаянно забилося. Прежде всего потому, что на нем не было рубашки, а брюки были приспущены ниже бедер. Возможно, раньше этот человек тщательно следил за своим телом, но теперь, лишившись ухода, оно начало быстро терять свою привлекательность: бицепсы обмякли, у пояса появились первые складки.

Лицо мужчины было забинтовано. В отличие от мумии, туго обмотанной полосками ткани, у незнакомца бинты были наложены слабее и не сплошняком, закрывая щеки, лоб, нижнюю часть челюсти и шею. Сбившись на затылке в большой колтун, роскошные черные волосы вылезали из-под бинтов и торчали, как хохолок на макушке у клоуна. Когда Тэмми увидела на незнакомце полуспущенные брюки и небольшое брюшко, это напомнило ей нечто из области цирка. Полуклоун, полуурод.

Мужчина поднял рамку, показывая ее Марко:

– Смотри.

– Всего лишь треснуло стекло. Это легко поправить.

– Какой ты небрежный!

– Я сказал, босс, что все исправлю.

– При чем тут это. Ты чертовски небрежен.

Лишь после того, как «клоун» наклонился, чтобы поставить рамку у дверного косяка, Тэмми наконец поняла, кого она видит перед собой.

Это был Тодд. О господи, на пороге дома с забинтованным лицом и упитанным брюшком стоял Тодд! От изумления Тэмми громко ахнула, но тут же заткнула рот, чтобы себя не выдать. Впрочем, беспокоилась она зря. Легкая перебранка мужчин переросла в громкую ссору, из-за которой они не слышали бы даже ее крика.

– Ты жутко неуклюж.

– Пара-другая вещей свалились с заднего сиденья. Только всего. Что в этом страшного? Обыкновенная случайность.

– Слишком много случайностей падает на мою голову в последнее время.

– Эй... ну, я же извинился.

– На этой картине изображен дом, в котором я родился.

– Да? В понедельник я куплю для нее другую рамку.

На этом разговор о разбитом стекле, очевидно, подошел к концу. Тэмми видела, как Капуто, уставившись в проем двери, некоторое время стоял на ступеньках дома, что-то ворчливо бубня себе под нос. Но что бы он ни бормотал, это не было предназначено для ушей Тодда – просто он давал выход своему раздражению. Потом Марко спустился к машине и, прислонившись к ней, зажег сигарету; сигаретный дым подействовал на него благотворно, и он вскоре успокоился.

Тэмми не осмеливалась даже шевельнуться. Если бы она покинула свое укрытие, то сразу же попала бы Капуто на глаза. Поэтому она оставалась на прежнем месте, лихорадочно пытаясь дать разумное объяснение тому, что минуту назад предстало ее взору.

Очевидно, с Тоддом стряслось что-то ужасное. Но что? Поначалу она предположила, что его изувечила одна из его бывших подружек (что касается женщин, то в них он всегда плохо разбирался). Не исключено также, что с ним произошел несчастный случай (возможно, упоминая «слишком много случайностей», он именно это имел в виду). Так или иначе, но в любом случае Тодд испытывал жуткую боль, иначе он вел бы себя совсем по-другому. Ее сердце разрывалось от сочувствия к кумиру. Быть принужденным торчать в этом богом забытом месте да еще один на один с кретином Капуто – такое любого может свести с ума.

Наконец Марко бросил сигарету и, затушив ее ногой, вновь взялся разгружать багажник. Подождав, пока он скроется в доме, Тэмми выбралась из зарослей. Что же теперь ей делать? Вернуться к машине, сесть в нее и уехать? Конечно, это было бы самое разумное из всего, что она могла предпринять. Но сбежать, не узнав, что же на самом деле случилось с ее бедным Тоддом, она не могла. Почему? Это было ясно как день. Просто не могла – и все.

Перво-наперво Тэмми решила каким-нибудь образом проникнуть в дом и, уловив минуту, попытаться переговорить с Тоддом наедине. Лучше всего было воспользоваться задней дверью – чтобы избежать встречи с этим хамом-телохранителем. Она вернулась по своим следам и повернула за угол. Вдоль торца дома была проложена узкая каменная дорожка, которая круто спускалась вниз и, очевидно, уже многие годы не использовалась – местами из ее трещин торчали пучки травы, а кое-где успел пробиться кустарник. Тэмми потребовалось добрых десять минут, чтобы добраться до конца дома, где, вопреки всяческим ожиданиям, ей открылся еще более замечательный вид, чем с фасада. В свое время кто-то обустроил здесь восхитительный сад, который теперь, с наступлением ранней весны, поражал своим великолепием. Там и тут порхали с ветки на ветку колибри и бабочки, крылья которых отливали на солнце всевозможными цветами.

Тэмми была настолько заворожена красотой пейзажа, что на некоторое время позабыла об опасности. Наконец она выбралась на большую лужайку, вернее сказать, на то место, которое некогда было лужайкой, – бордюрная трава и цветы так сильно разрослись, что превратились вместе с лужайкой в неразделимое целое. После этого Тэмми обернулась к дому – убедиться, что за ней никто не наблюдает. Окинув беглым взглядом окна и балконы и не

обнаружив ничего подозрительного, она уверенно прошагала к центру лужайки, после чего принялась уже обстоятельнее изучать особняк. Дом оказался гораздо больше, чем выглядел с фасада, и, несмотря на явные признаки упадка, имел довольно изысканный вид, чему преимущественно способствовали завитки балконов и изящные чугунные перила.

Именно поэтому Тэмми еще больше настораживало то обстоятельство, что Тодд решил здесь поселиться. Она знала, сколько труда стоило Пикетту (четверо архитекторов, два дизайнера по интерьеру плюс миллионы долларов) довести до совершенства апартаменты в Бел-Эйр. Так что же заставило его перебраться в это странное место? Напрашивалось только одно объяснение: он прятался. И делал это потому, что не хотел показываться перед людьми в столь неказистом виде. Его логика была вполне понятна Тэмми. Для некоторых поклонников он олицетворял собой само совершенство, и они не желали видеть его другим. К счастью, миссис Лоупер к таковым не относилась. Более того, узнав, что он, раненный и раздраженный, прячется от людей в такой глуши, она прониклась еще большей любовью к своему кумиру. Если ей представится случай, она непременно скажет Пикетту об этом. И, если он будет не против, сдерет с него проклятые бинты. Плевать ей на то, как он будет выглядеть без них. Какое бы лицо ни скрывала марлевая маска, он все равно останется ее Тоддом. Человеком, которому она всегда беззаветно поклонялась. В пользу того, что она послана ему Богом, говорил хотя бы тот факт, что у нее очень крупная грудь. Где, как не на ее пышных полушариях, было бы так уютно и покойно его больной голове? Кто лучше нее смог бы укачать его, вселив чувство уверенности и безопасности, какие только мать может внушить своему дитя?

Уголкем глаза женщина заметила какое-то движение в листве, и все ее мечтания мгновенно развеялись. Медленно, очень медленно направилась она к тому месту, где шевелились кусты. Солнце светило ярко, а тени были густыми и темными. На легком ветерке слегка трепетала листва. Неужто ей померещилось? И вокруг никого не было, кроме дрожащей листвы? Очевидно, что так – по крайней мере, поблизости не было видно ни одной живой души.

Тэмми вновь посмотрела на дом, пытаясь отыскать, откуда можно в него проникнуть. Однако насколько она могла судить с первого взгляда, на нижнем этаже здания все окна были закрыты, а на дверях висели замки. Она начала пробираться через кустарниковое ограждение, чтобы посмотреть, нет ли какой-нибудь скрытой лазейки в дом. Но с каждым ее шагом заросли становились все гуще и гуще, и в конце концов женщина поняла, что заблудилась; во всяком случае, когда она собралась отыскать другой, более доступный подход к зданию, то потеряла из виду не только лужайку, но и сам дом. Ей показалось, что она, подобно Алисе, в мгновение ока уменьшилась в размере, а цветы вокруг нее, источавшие нестерпимо сладостное благоухание, вдруг стали большими, как подсолнухи, только красного и фиолетового цветов. Мало того что они вымахали выше человеческого роста, их было такое множество, что они полностью заслонили собой дом вместе с трубой и балконами.

Полагаясь на то, что она правильно запомнила направление, в котором находился дом, Тэмми вновь окунулась в цветущее море. Однако ее надежды не оправдались. Заросли становились все гуще и непроходимее, а «подсолнухи» уступили место кустам, усыпанным желтыми цветами в форме колокольчиков, каждый из которых был величиной с человеческую голову. Она даже не могла позвать на помощь, ведь на ее крик прибежал бы Капуто. Не зная, что делать, Тэмми продолжала беспомощно биться в листве, пока наконец кусты не расчистились и над головой вновь не появилось чистое небо.

Выбравшись из зарослей, миссис Лоупер снова насторожилась: вдруг ее заметят? Но ее опасения были напрасны, потому что она находилась внизу горы, и от дома ее отделяла стена кипарисов, мимо которых, насколько ей помнилось, она не проходила. Из всего, что представилось ее взору вокруг, Тэмми отметила только один надежный ориентир – такую же узкую и заросшую дорожку, как та, что привела ее на лужайку. Женщина и понятия не имела,

куда вела тропинка, но резонно заключила, что здесь уже кто-то бывал прежде и, возможно, попадал в такое же затруднительное положение, как она, а следовательно, тропинка в траве должна указывать выход. Если она сослужила кому-то верную службу, то почему бы ею не воспользоваться Тэмми? Страхнув обломки веточек и цветочные лепестки с волос и блузки, она устремилась вперед по тропе.

На какой-то миг Тэмми увидела себя со стороны. Можно было представить, какой вид она являла собой, бродя по зарослям, словно обезумевший геологоразведчик. О чем только она думала! Хотя за воротами не составило труда уговорить себя пуститься в это маленькое приключение, теперь эта затея казалась ей гораздо менее привлекательной. Не сказать, чтобы Тэмми пришла в сильное замешательство из-за долгого блуждания по незнакомому имению – ведь в конце концов она нашла дорогу назад. Также ее не слишком заботила угроза со стороны Капуто, тем более сейчас, когда она знала, что рядом с ним Тодд. Да и что, собственно говоря, этот Капуто мог ей сделать? Разве что начал бы на нее орать, возможно, даже вызвал бы полицию, в случае если бы она отказалась уехать подобра-поздорову. Но ведь не зря же говорят, что лающая собака редко кусает. И даже не чувство одиночества и незащищенности стало решающим в ее намерении остановиться. А ощущение чьего-то незримого присутствия, которое оказалось настолько сильным, что на него невозможно было просто махнуть рукой.

Медленно поворачиваясь вокруг своей оси, женщина обвела взглядом окружающую местность.

– Кто бы ты ни был, – произнесла она, изо всех сил стараясь говорить как можно тише и дружелюбнее, – пожалуйста, покажись мне.

В пяти-шести ярдах от нее в подлеске обозначилось какое-то движение. Кто-то зашевелился в своем укрытии. Причем, насколько она могла судить, этих «кого-то» оказалось довольно много, во всяком случае, шум листвы уже раздавался со всех сторон, словно те, кто прятался в кустах, готовились себя обнаружить.

Женщина быстрее прежнего направилась через кустарник в сторону улицы и вскоре вышла на открытое пространство, где увидела самое неожиданное. По обеим сторонам широкой, выстланной плитками дорожки стояли семь или восемь клеток. Они различались по размеру – в самой крупной из них могли свободно разместиться две лошади, а самая маленькая была приблизительно вдвое меньше. Вившийся по прутьям клеток дикий виноград, подобно изодранному покрывалу, свисал сверху, скрывая от постороннего взора тех, кто находился внутри. Хотя на самом деле прятать было некого: обитатели этого зверинца давно исчезли.

Тэмми осторожно шла по дорожке, все больше убеждаясь, что ее преследователи движутся позади зверинца, не отставая от нее ни на шаг. В некоторых клетках она обнаружила высоко прикрепленные деревянные перекладины – очевидно, для маленьких обезьян. В других, сделанных более прочно, оказались чрезвычайно толстые прутья. Интересно, какие тут жили звери? Для носорога, медведя или тигра клетки были чересчур малы. И само собой, напрашивался вопрос: что произошло с обитателями этого примитивного частного зоопарка? Были они погребены где-то в зарослях? Или хозяин выпустил их вольно бродить по каньону?

Тэмми уже почти подошла к концу дорожки, когда ее взор привлекла расположенная справа клетка, сохранившаяся лучше других. Листва так искусно переплелась с прутьями решетки что практически плотной стеной закрывала помещение со всех сторон. Дверца, также заросшая плющом, была слегка приоткрыта Тэмми заглянула внутрь. На нее пахло каким-то легким ароматом, источником которого оказались свечки, расположенные кучкой в дальнем конце клетки. Справа у стенки Тэмми ожидало еще более невероятное: детская кроватка, довольно нелепо обустроенная из двух крупных подушек красного шелка и грязного

желтого одеяла. На другой стороне стояли стул и маленький стол, а на столе лежали бумага и ручка. Рядом с кроватью виднелся перевернутый вверх дном деревянный короб, который тоже использовался как стол. На нем грудой громоздились книжки. Но не они приковали к себе внимание Тэмми, а свечи в дальнем конце клетки, где располагался своеобразный алтарь, представлявший собой несколько грубо прикрепленных к камням досок. Посреди алтаря находилось то, что поначалу Тэмми приняла за скульптуру с изображением лица красивой молодой женщины. Однако когда подошла ближе, то увидела, что это слепок с живого лица. Рот был слегка растянут в едва заметной улыбке, а безукоризненный лоб запечатлел немного сердитое выражение. До чего же красиво было это лицо! Кто бы ни была эта женщина – пусть даже ее уже нет в живых, – нетрудно было понять, почему именно ее лик был помещен на самое почетное место и почему рядом с ним стояли свечи. При виде такого совершенства у любого человека невольно открывается рот. Именно такие лица любит снимать камера.

Тайны дома и его окрестностей стали понемногу приоткрываться Тэмми. Может быть, редкостная красавица, которую до сих пор почитает преданный ей поклонник, была некогда владелицей этого огромного дома? Может быть, столь необычное место поклонения специально обустроено в честь женщины, прежде гулявшей по этому саду?

Сделав еще один шаг в сторону алтаря, Тэмми увидела множество других, более мелких предметов. Клочок красного шелка с одним подрубленным краем; брошь-каменя с профилем той же женщины, вырезанным на белом камне; небольшая деревянная шкатулка величиной не больше спичечного коробка, в которой, вероятно, тоже хранилось какое-то сокровище; и наконец, в самом низу лежала небольшая вырезанная из бумаги куколка, одетая в женское нижнее белье прошлого века. Бумага, из которой была сделана кукла, от времени пожелтела, а краски поблекли. Насколько Тэмми могла судить, подобные модели были в ходу в двадцатые годы. И хотя она была не слишком сильна в кинематографе того времени, ее заинтриговало лицо, воспроизведенное трижды – на картоне, в глине и в камне. Она уже видела женщину с таким лицом – черно-белый фильм с ее участием как-то транслировался по ночному каналу. Но сколько ни пыталась Тэмми припомнить ее имя, ничего из этого не выходило.

Отчаявшись разрешить загадку, Тэмми отступила на шаг от алтаря и в этот миг почувствовала, что ее затылок обдало струей холодного воздуха. Будучи совершенно не готовой к подобным неожиданностям, она обернулась и увидела мужчину, который стоял буквально у нее за спиной. Он так тихо вошел в клетку, что она даже не услышала его приближения. Проникшие сквозь листву солнечные лучи пятнами выхватывали его образ из тени, благодаря чему Тэмми частично разглядела лицо – глаза, почти весь нос и уголок рта. Она сразу поняла, что это не Капуто. Мужчина оказался гораздо старше Марко; несмотря на солнечную подсветку, его глаза были серыми, холодными и уставшими, а почти белые волосы, вернее то, что от них осталось, свисали до плеч. Лицо было худощавым, но, как ни странно, сухопарость ему шла. Тэмми показалось, что он похож на какого-то святого, которого она видела у своей матери в Библии, иллюстрированной картинами старинных мастеров. Этот человек был воистину создан для того, чтобы ему поклонялись.

Мужчина вставил в рот самокрутку и поджег ее, как-то по-старомодному щелкнув зажигалкой.

– И кто же вы будете? – глубоко затянувшись, осведомился он таким же холодным тоном, каким отливали его глаза.

– Прошу прощения, – начала Тэмми. – Мне не следовало бы находиться здесь.

– Будьте так любезны, – мягко заметил он, – предоставьте судить об этом мне. – Незнакомец еще раз затянулся сигаретным дымом, запах которого был необыкновенно пикантным, но ей не знакомым. – Я все же был бы не прочь узнать ваше имя.

– Тэмми Лоупер. Как я уже сказала...

– Вы просите прощения.

– Да.

– И утверждаете, что попали сюда случайно.

– Да.

– Осмелюсь предположить, что вы заблудились. Неудивительно. В саду легко заблудиться.

– Я искала Тодда.

– А-а, – выдохнул незнакомец, вскинув глаза к небу. Сигаретный дым в солнечном свете отливала голубизной. – Значит, вы из свиты мистера Пикетта.

– О нет. Не совсем так.

– А как?

– Видите ли... Ну конечно, он меня знает...

– Но не знает, что вы здесь.

– Верно.

Глаза незнакомца вновь устремились на Тэмми. Изучая ее, он смотрел настойчивым, но в то же время необычно почтительным взглядом.

– И кем вы приходитесь нашему мистеру Пикетту? – осведомился он. – Должно быть, одной из его фавориток?

Тэмми не могла сдержать улыбки. Сначала ее удивило такое предположение, а потом само слово. Фаворитка! Такое же старомодное, как щелканье его зажигалки, оно удивительно ласкало слух. И даже льстило самолюбию.

– Не думаю, что Тодд Пикетт захочет взглянуть на меня дважды. – Ей почему-то не хотелось кривить душой перед этим печальным человеком.

– Значит, он много потеряет. – Его комплимент был таким непринужденным, что, если бы он не подразумевал то, что подразумевал, все равно пролился бы, как бальзам на душу.

Тэмми почему-то сразу вспомнились слова матери, когда та описывала Джимми Маккинтоша – человека, с которым она в конечном счете разошлась, чтобы заняться вплотную отцом Тэмми: «Этот человек был способен зачаровать даже птиц на дереве». Тэмми никогда прежде не встречала такого рода харизмы у людей из плоти и крови. Но незнакомец явно ею владел. Хотя их беседа была пустой и краткой, она не сомневалась, что этот человек обладал неким магнетизмом.

– Могу я вас спросить...

– Спрашивайте.

– Кто вы?

– Конечно. Услуга за услуга. Меня зовут Биллем Зеффер.

– Очень приятно познакомиться, – сказала Тэмми. – И я вновь прошу прощения. – Она бросила робкий взгляд через плечо на алтарь. – Мне не следовало приходить сюда.

– Но вы же не знали. В этих джунглях легко заблудиться. Нам нужно было бы все здесь срубить, – он слегка улыбнулся, – но в наши дни было почти невозможно найти работников.

– А эта дама, которая в маске?..

– В маске? – удивился Зеффер. – Ох, ну да, конечно. В маске.

– Кто она?

Он отошел в сторону, чтобы лучше разглядеть алтарь и то, что находилось на нем.

– Она была актрисой, – пояснил он. – С тех пор минуло много-много лет.

– Кажется, я ее узнала.

– Ее зовут Катя Люпи.

– Да? – Имя женщины сразу отозвалось в памяти Тэмми, но она никак не могла припомнить ни одного фильма с участием этой актрисы.

- Она была очень известной?
- О да. Такой же, как Пикфорд, Свенсон и Теда Бара. Но все это в прошлом.
- Она умерла?
- Нет-нет. Просто о ней забыли. Во всяком случае, мне так кажется. Я давно потерял связь с внешним миром. Тем не менее, у меня такое ощущение, что имя Катя Люпи мало кому что-нибудь говорит.
- Вы правы.
- Но ей повезло. У нее до сих пор осталось это маленькое владение в каньоне Холодных Сердец.
- Холодных Сердец?
- Так называют это место. Видите ли, на ее совести много разбитых сердец. У нее было очень много любовников, особенно в молодые годы. Когда они ей надоедали, Катя просто убирала их со своей дороги.
- Вы были одним из них?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.